

Родонит

ОБРАЗЕЦ МИНЕРАЛА
предоставлен Уральским Центром камня

2 (728) февраль, 2018

ISSN 0134 - 241X

УРАЛЬСКИЙ следопыт

www.uralstalker.com

Останец

ПОЧЕМУ СЛЕДЫ
БЫЛИ ЛЕДЯНЫЕ?

РАСКОПКИ
ИПАТЬЕВСКОЙ УСАДЬБЫ

ЮБИЛЕЙНЫЙ ШТУРМ

Февраль 2018

Главный редактор – М.Ю. Фирсов.
Редакторы разделов – Ю.А. Горбунов, Б.А. Долинго.
Литературный консультант – В.Э. Абоян, А.А. Бочаров.
Редактор-консультант – С.О. Бабикова.
Худ. редактор, верстка – С.А. Секисов.
Корректор – Л.В. Ким.
Интернет – Е. Марков.
Архив – О.Ю. Тирикиди.
На обложке – Останец.
 Автор фото – А.Шубенкин.
Редакция, издатель – АНО «Уральский следопыт».
Редакционный совет – Владислав Крапивин, Сергей Казанцев, Геннадий Прашкевич, Юрий Казарин, Вадим Осипов, Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет –
 • Асхаб Магомедович Асхабов. Председатель отделения Русского географического общества в Республике Коми. Председатель Президиума Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, директор Института геологии, доктор геолого-минералогических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук.
 • Владимир Николаевич Большаков. Свердловское отделение Русского географического общества, Доктор биологических наук, профессор, академик АН СССР с 1987 г., академик РАН с 1991 г., советник РАН. Институт экологии растений и животных УрО РАН.
 • Сергей Вячеславович Левыкин. Оренбургское региональное отделение Русского географического общества. Заведующий лабораторией агроэкологии и земледелия Института степи Уральского отделения РАН. Профессор РАН, доктор географических наук.
 • Сергей Геннадьевич Захаров. Председатель Челябинского регионального отделения Русского географического общества. Доцент кафедры географии и методики преподавания географии Челябинского государственного педагогического университета, кандидат географических наук.
 • Николай Николаевич Назаров. Председатель Пермского краевого отделения Русского географического общества. Заведующий кафедрой физической географии и ландшафтной экологии в Пермском государственном университете, доктор географических наук, профессор.
 • Евгений Викторович Голубев. Председатель Тюменского регионального отделения Русского географического общества. Проректор Тюменского государственного университета, Кандидат географических наук.
 • Алексей Михайлович Прокашев. Председатель Кировского регионального отделения Русского географического общества. Заведующий кафедрой географии Вятского государственного гуманитарного университета профессор
 • Игорь Юрьевич Шароватов. Председатель отделения Русского географического общества в Ямало-Ненецком автономном округе.
 • Оксана Александровна Гирман. Председатель Курганского отделения Русского географического общества. Кандидат биологических наук, заместитель директора Департамента природных ресурсов и охраны окружающей среды Курганской области – начальник управления охраны окружающей среды.

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ». 2018 г.
Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
Почтовый адрес редакции, издателя: 620075, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
Телефон: +7(343)269-22-34
E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com

При финансовой поддержке Фонда Президентских грантов

«Уральский следопыт», №2 (728), 2018 г.
 Издаётся с 1935 г., возобновлен в 1958 г.
 Учредитель — ООО «Уральский следопыт».
 Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по РФ
 Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218, выдано 18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Материалы принимаются по электронной почте, на электронных носителях. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакторскую правки. **Рукописи не рецензируются и не возвращаются.** При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле **тема**. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна. Материалы, помеченные знаком , публикуются на правах рекламы.

Встречный ветер

Версия

В.КАРЕЛИН
Лёд и камни..... 8

Экспедиция

А.ШУБЕНКИН
Скала Каменные ворота..... 28

Река времени

Далекое-близкое

Е.ШУБНИЦИНА
Пятидесятые.
Приполярный зимний..... 14

Далекое-близкое

Н.ЗАПОРОЖЦЕВА
Первопечатники
Сарапула..... 30

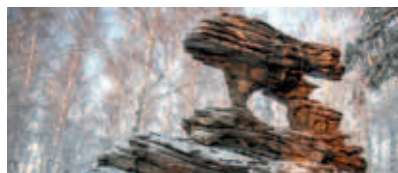
Наши проекты

Е.ФИРСОВА
10 лет Ледового штурма 3

Камни Урала

М.ПОПОВ
Камень утренней зари – родонит..... 24

Тропой поиска

Н.ЕРОХИН
Раскопки
Ипатьевской усадьбы. Как это начиналось..... 20

Наши проекты

А.ТАРАСОВ
История России.
Река Чусовая.
Деревня
Лещевка..... 36

Литературное краеведение

Ю.ГОРБУНОВ
Белая Горлица
(Сны Надежды Половцовой)..... 43

Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com» вы можете через:

- Почтовые отделения России: Каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413
- Каталог Агентства МАП, индекс 31958
- Агентство «УРАЛ-ПРЕСС»

Журнал
в журнале

10 лет Ледового штурма

Для жителей и гостей Екатеринбурга фестиваль Ледовый штурм стал обязательным элементом завершения работы зимнего городка на центральной площади города. А ведь 10 лет назад, когда зародился проект, это казалось немыслимым: вынести к зрителям напротив мэрии соревнования по ледолазанию. Про спортсменов-альпинистов ведь только фильмы смотрели да слушали рассказы о высокогорных восхождениях необычных людей, у которых кошки — обязательное приспособление на обуви. И ведь привыкли, забеги по стенам и башням городка стали ждать, приезжают участники из других регионов, вставляя даты проведения фестиваля в плотный график соревнований.

Если в 2008 году использовали только возведенные к празднованию Нового года конструкции городка, то позже стали привносить дополнительные элементы, специально для Ледового штурма усложняя трассу подвешен-

ными элементами — бревнами с отверстиями для зацепов или заливыми ледяными глыбами, прозванными «бура-тинами». А когда по требованиям безопасности городка высота стен городка, башен и горок стали понижаться,

Екатерина Фирсова

Закончила Уральский Федеральный Университет. Увлекается водным туризмом, каякингом. Участник Оргкомитета фестиваля Ледовый штурм.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

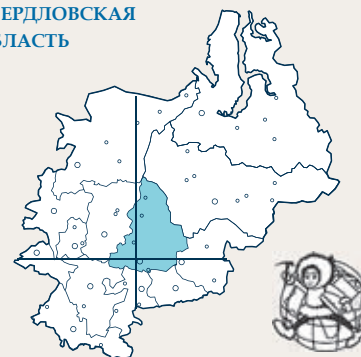

Фото Евгении Фирсовой

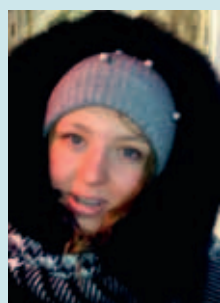

Управление культуры Екатеринбурга, в чье ведение входит объект, специально для этого события стало строить 12-метровую стелу. Зимние экстремалы восприняли такую заботу и внимание с благодарностью. Каждый год десятки спортсменов стекаются на фестиваль. Не оказался исключением и этот год: регистрацию для участия прошло больше восьми десятков человек. Даже погода сделала послабление: обещанные к концу недели крещенские моро-

Ульяна

Мы пришли на фестиваль Ледовый Штурм, чтобы полазить. Нам удалось немного полазить, конечно, хотелось бы гораздо больше) С организацией все хорошо. Только что закончили подписывать дипломы, значит, скоро награждение. На следующий год снова придем, если не будет сильного мороза. Мы всегда рады помочь в организации и проведении таких мероприятий. Здорово подобным фестивалем отметить окончание работы Ледового городка!

Людмила

Добрый день! Я – секретарь на соревнованиях по мас-рестлингу. Сегодня, 21 января, в рамках фестиваля Ледовый штурм прошли соревнования по мас-рестлингу. Было заявлено 11 номинаций, участвовали и юноши, и девушки, самая многочисленная категория – это юноши в возрасте 12–14 лет.

хождения трассы на трудность, зависая всем телом на одном крюке или совершая переход между зацепами больше метра. А на стелу взлетали за считанные секунды, зрители аплодировали и восхищенно провожали спортсменов.

Заго за любителей зрители переживали, представляя себя на месте такового вот, не совсем уверенного восходителя, который старательно бьёт ботом с кошкой в стену и из последних сил цепляется фифами за выщерблены замученного льда. А когда он сры-

Алексей Казаков

Мы вновь на площади 1905 года! Ледовый городок; очередные соревнования, которые состоялись на этой площадке, — это соревнования по мас-рестлингу. Они традиционно проводятся совместно с журналом «Уральский следопыт», мы рады, что нас приглашают на этот необычный фестиваль, мы готовы обязательно участвовать в следующий раз. В этом году у нас рекордное количество участников было. Приехали ребята и из Пермского края, присоединился корпус спасателей, два кадетских корпуса, в том числе из Первоуральска,

все города участников я перечислять не буду... Соревнования прошли в экстремальной обстановке, зима ведь уральская, с морозом и ветром. Но соревновательный момент был, были радости побед, огорчения от того, что кто-то не выиграл. Ребята спрашивали, когда следующие старты, соревнования понравились. Очень много было новичков, которые вообще впервые попали не только на Ледовый Штурм, но и вообще в Ледовый городок, а ведь фестиваль проходил в последний день работы городка. Хотелось бы пожелать организаторам продолжать и развивать проект, приглашайте нас еще, с удовольствием примем участие в следующем ледовом фестивале!

Призы и подарки участникам подготовили спонсоры и партнеры:

Комитет по молодежной политике Администрации Екатеринбурга, Благотворительный фонд «Дети России», сеть кинотеатров «Гринвич Синема» и «Пассаж Синема», фирма «Манарага», сеть магазинов «Краска-маркет».

В организации фестиваля приняли участие:

Министерство по физической культуре и спорту Свердловской области,

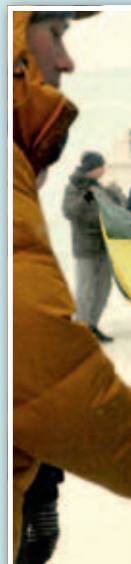
Управление по развитию физической культуры, спорту и туризму Администрации Екатеринбурга,

Управление культуры Администрации Екатеринбурга.

Повышенную бдительность в преддверии предстоящего Чемпионата мира по футболу, который пройдет летом, проявило Управление внутренних дел Екатеринбурга, неустанно контролируя действия организаторов и участников.

Марина Черных

Мы обеспечиваем организационную работу фестиваля Ледовый шторм 2018. Очень хорошо организовано было техническое оснащение штаба, организовано было правильно судейство, быстро и вовремя приносили данные по прохождению этапов, очень грамотно была поставлена нам задача, и мы ее выполнили. Я думаю, что все, кто хотел получить сертификаты участников фестиваля и грамоты, вовремя их получили. Не надо на следующий день за ними приходить или через месяц получать, а прямо на месте мы им выдали.

Анастасия

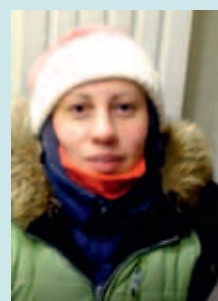
Фестиваль отличный, организаторам — СПАСИБО! Ледолазание — хорошо, жалко, что ограничили время прохождения трассы по главной ледовой трассе.

вается и повисает на страховочной веревке в нескольких метрах над ледовым крошевом, в окружающей трассу толпе слышан сдержанный выдох: не смог, ну, не беда — ведь сам-то цел. И таких попробовать пришлось на лед в последний день работы городка немало: родители вели детей, инструктора федерации альпинизма старательно надевали

на них системы, кошкботы, пристраивали инструмент и объясняли: два удара ногой, два удара рукой, и не задирай пятку!

Так и прививается ребятам любовь к путешествиям и стремление преодолевать трудности, физические нагрузки, двигаться вперед и вверх через «не могу».

На соседней площадке в юбилейный год уверенно развивается и крепнет

Алена

Была судьей на этапе «скорость», очень замерзли, было здорово и интересно.

коллектив энтузиастов-приверженцев национального якутского единоборства мас-рестлинг. Для победы в перетягивании палочки недостаточно одной только силы. Здесь надо использовать и тактические приемы, и распре-

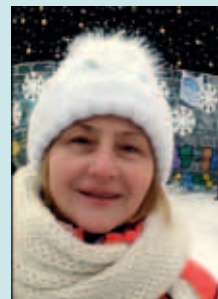
Михаил Семенов

В конкурсе Ледового граффити приняли участие 54 художника в трех возрастных категориях: до 10 лет, до 14 лет и старше 14 лет. Свои работы на конкурс прислали школьники общеобразовательных и художественных школ г. Екатеринбурга, клубов по месту жительства, колледжей, вузов и даже граффитисты с десятилетним стажем рисования! Несмотря на холодную погоду, все участники с энтузиазмом принялись за работу. Многие пришли с родителями или с друзьями из группы поддержки. Именно на их долю выпала ответственная задача отогревать замерзающие баллончики с краской и подбадривать художников. В этих поистине экстремальных условиях не все художники справились со своей задачей. Темой конкурса был объявлен Чемпионат мира по футболу, матчи которого летом пройдут в Екатеринбурге.

делять правильно направление движения. Да и вид спорта — зимний, непросто на холоде и ветре стремительно выплескивать в рывке свернутую энергию. В этом году на состязания специально приехали гости из Перми. Всем хватило места на помосте.

Юбилейный Ледовый шторм прошел, зимний городок готов к демонтажу, значит, скоро весна! **УС**

Надежда Чашина

С гимназией «Арт Эгод» мы участвуем в фестивале уже второй год. Первый раз мы участвовали, когда «Ледовое граффити» было посвящено Году экологии и охране животных. Рисовали исчезающих или находящихся на грани вымирания животных. А в этом году тема вообще замечательная: рисунок надо было посвятить футболу! Дети с удовольствием нарисовали много рисунков: и мультяшных, и настоящих. Для них сама техника нанесения изображения из баллончика была очень интересна, потому что не каждый раз есть возможность так побаловаться граффити — порисовать. Для них это было очень интересно. Техника для детей была новая, они привыкли кисточками рисовать, карандашиками, а тут всё-таки и краски, на холоде наносились с трудом, а затем бежали по льду. Но ничто не помешало нам: ни холод, ни погода, главное — у всех было хорошее настроение, и я считаю, рисунки получились неплохие. Обязательно будем участвовать еще, всем нравится. Большое спасибо за призы и подарки, которые получили все участники. Ребята были очень рады.

Лед и камни

▲ Каменная гряда

Со времени трагической гибели туристской группы под руководством Игоря Дятлова прошло более полувека. Но к тем давним событиям я мысленно возвращаюсь периодически снова и снова. Будучи свидетелем поисковых работ, сохранил в памяти немало количество конкретных фактов, которые далеко не всегда укладываются в стройную логическую линию. И такие нестыковки заставляют анализировать их вновь и вновь...

Декабрь 1958 г. В то время я был членом маршрутной комиссии городской туристской секции в г. Свердловске. Наши заседания проходили «на голубятне». Так называли мы тогда большую комнату на верхнем цокольном этаже в красивом доме профсоюзов, расположенном около плотины на р. Исеть в центре города (здание это ныне входит в комплекс резиденции областного губернатора). Комнату эту выделили для областного клуба туристов, только что организованного. Игорь Дятлов в начале 1959 г. принес свою заявочную книжку на совершение похода по Северному Уралу. Предложенный им маршрут сразу же заинтересовал меня потому, что я готовил свое путешествие тоже в феврале месяце и тоже на Северный Урал.

Но наш маршрут проходил по району, расположенному несколько южнее пути, который планировал Игорь. Уже при второй встрече, когда Игорь приходил ко мне домой, мы обсуждали вопрос о возможной встрече наших групп на горе Ойка-Чакур (так она называлась на картах того времени). Эта вершина находилась на конечной части их пути. А мы планировали подняться на эту гору в начале маршрута. Здесь отмечу, что встретиться нам на горе Ойка-Чакур было не суждено, в том числе и потому, что нам пришлось почти на десять дней перенести срок нашего выхода на маршрут. Поэтому мы надеялись на горе Ойка-Чакур только найти записку Дятлова.

Наша группа была сборной. В ее составе находились туристы педагоги-

Владислав Карелин

Заслуженный путешественник России, мастер спорта по туризму, действительный член Русского географического общества, уральский краевед, автор более 500 статей, в том числе в журнале «Уральский следопыт», начиная с 70-х гг. прошлого века.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

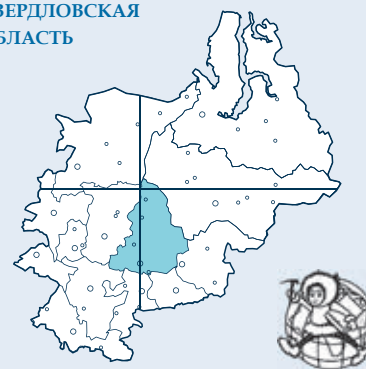

Фото из архива фонда Дятлова

▶ Палатка дятловцев

ческого и горного институтов, с Урал-маша. В группе были также В. Гранин (из г. Гари) и Г. Атманаки (из г. Первоуральска). Добрались до п. Вижай. Пошли на лыжах вверх по течению р. Северной Тошемки. После третьего дня пути ночевали в доме манси Александра Прокопьевича Бахтиярова. А еще через пару дней поднялись на вершину Ойка-Чакур. Но там не нашли записки Дятлова. Решили, что их группа севернее свернула с запланированного маршрута и ушла в п. Вижай. Их верховий р. Вижай мы взобрались на гору Ялпинг-Ньёр. В жестяной банке нашли записки московских и ленинградских туристов. Одна из записок оставлена 18 февраля 1957 г. группой свердловских туристов под руководством И. Дятлова. В. Шунин, участник того похода, в своем дневнике записал: «До гребня по вчерашней лыжне добрались быстро. Там нас ждала неприятная новость — вершины не было видно и вообще ничего не было видно. Быстро «утеплились». Ветер, облака и мы среди них... Огромные камни, снежные «шапки», трещины, нагромождение камней — весь этот вид подавлял и внушал страх перед многочасовой трудноизменяемой природой. Выстрел! Вершина взята! Все взволнованно оглядываются, но кроме облаков ничего не видно. Пишем традиционную записку, не обнаружив других... Спуск обратно. Порой молочное покрывало, как бы внемя нашим просьбам, открывает нам картины...»

В этой записке есть приметное слово — «выстрел». Сохранилась фото-

графия группы Дятлова на заснеженной вершине с триангуляционным знаком. Один из восходителей действительно держит в руках ружье. Судя по запискам, найденным нами на вершине Ялпинг-Ньёр, группа Дятлова совершила первопрохождение в зимних условиях на эту гору.

Далее на нашем пути утром 17 февраля 1959 года в залесенной лощинке мы видели необычное явление. О нем я так записал в своем отчете о путешествии: «Наутро мы наблюдали интересное явление природы. Около семи часов утра на восточном небосклоне появилась светлая точка, которая начала расти, приближаясь к земле и двигаясь с северо-востока на юго-запад. Внутри увеличивающегося светлого пятна появилась более яркая звездочка, которая

за 1–2 минуты разрослась до размеров полной луны. Затем центр этого пятна потемнел. А весь светлый круг начал растаивать и скрылся за высоким залесянным увалом. Вероятно, это метеор. Это необычное явление вызвало много разговоров...»

Позднее на допросе свидетель Г. Атманаки, участник нашего похода, об этом явлении записал следующее: «17 февраля я и Владимир Шавкунов встали в 6.00 утра, чтобы приготовить завтрак на группу... Небо было пасмурное, туч и облаков не было, но была легкая дымка... Сидя лицом к северу и случайно повернув голову на восток, я увидел, что на небе на высоте 30 градусов разлилось молочно-белое размытое пятно размером примерно 5–6 лунных диаметров и состоящее из ряда концентрических окружностей... Я сделал замечание своему партнеру, что вот, мол, как разрисовало луну. Тот подумал и сказал, что, во-первых, луны нет, а кроме того, она должна быть в другой стороне... В самом центре этого пятна вспыхнула звездочка, которая несколько секунд оставалась прежних размеров, а затем начала резко увеличиваться в размерах и стремительно двигаться в западном направлении. В течение нескольких секунд она выросла до размеров луны, а затем, разорвав дымовую завесу или облака, предстала громадным огненным диском молочно-бледного цвета размером в 2–2,5 лунных диаметра, окруженным все теми же кольцами бледного цвета. Затем, оставаясь тех же размеров, шар начал блекнуть, пока не слился с окружающим его ореолом, который, в свою очередь, расплылся по небу и потух. Начинался рассвет. На часах было 6.57, явление продолжалось не более полутора минут... Лично у меня создалось впечатление, что в нашу сторону падает какое-то небесное тело... Мелькнула мысль, что в со-

▲ Следы

прикосновение с землей входит другая планета, от сейчас последует столкновение и от всего земного не останется ничего... Не знаю, каким образом Карелин сумел молниеносно высочиться из спального мешка и выбежать в носках в нижнем белье на улицу...»

Прошу обратить внимание на оценки описываемого явления, сделанные непосредственно в 1959 г. Я назвал такое явление «природным», «метеором». А Георгий Атманаки — «какое-то небесное тело». В далеком 1959 г. мы даже предположить не могли, что такое явление могло быть результатом какого-то земного технического воздействия. Однако через несколько лет телевидение стало показывать старты космических ракет. И в целом ряде телевизионных картинок я видел именно то «явление», которое успел заметить 17 февраля 1959 г. Такие «явления» на телевизионном экране возникали каждый раз, когда оператор снимал уходящую ввысь ракету «снизу вверх», «в хвост ракетъ». Вот тогда-то у меня и появилась мысль о том, что, возможно, 17 февраля 1959 г. мы видели старт какой-то ракеты.

Придя к такой мысли, я инициировал запросы — письма от свердловских туристских и спортивных организаций. Но все ответы были как под копирку одинаковы: «В период конец января — февраль 1959 г. в Советском Союзе старты ракет не производились». Секретность космических мероприятий долго была стопроцентной.

Второй этап моей сопричастности к событиям трагедии группы Дятлова связан с участием в поисковых работах. 24 февраля мы закончили свой маршрут в г. Покровск-Уральский. Доехали до г. Серова, где должны были сделать пересадку на другой железнодорожный поезд. Во время обеда в городской

столовой к нам подошел местный житель и поинтересовался, не нас ли разыскивают в районе г. Ивделя. Мы сразу же поняли, что приключилась беда с группой Дятлова. Позвонили в Свердловск. Нам пояснили, что ведутся поиски группы Дятлова, и предложили отправиться в г. Ивдель и принять участие в поисковых работах.

Поздним вечером 25 февраля шесть человек из нашей туристской группы, только что вернувшейся из сложного лыжного путешествия (В. Скутин, Е. Сердитых, Г. Атманаки, В. Шавкунов, Б. Борисов, В. Карелин), приехали в Ивдель.

Штаб поисков предложил нашей группе обследовать район, расположенный в верховьях р. Ниолс, на западном склоне Уральского хребта. Мы начали подготовку к заброске в этот участок поисков. 26 февраля я с Е. Масленниковым на самолете совершили облет значительной части запланированного маршрута группы Дятлова. Пролетели и над верховьями рек Ауспии и Лозьвы, и над горой Холат-Сяхл. Но с высоты полета ничего подозрительного не заметили. Вечером 26 февраля пришла радиограмма от Слобцова с известием

о найденной пустой палатке группы Дятлова.

27 февраля с первым вертолетом наша команда высадилась у каменных останцев у склона горы Холат-Сяхл. Встретили ребят из группы Слобцова. Они указали нам кедр, около которого лежали два замерзших человека. У кедр Е. Сердитых сделал фотографию погибших, которая ныне отражает реальную, никем не тронутую картину и отмечает немалое число различных фантастических предположений современных любителей поболтать о том, что они в действительности не видели. Нашей команде был дан приказ подобрать место для поискового лагеря. Не желая оставлять новые следы в районе палатки Дятлова и учитывая стрессовое, подавленное состояние группы Слобцова, было решено лагерь установить в долине р. Ауспии. К тому времени на вертолетах прилетела большая группа поисковиков. К тому же на лыжах подошла команда Чернышова. Все спустились с перевала вниз, в долину р. Ауспии. Установка большой армейской палатки проводилась уже в темноте и затягивалась. Наша команда быстро поставила свою походную палатку, в которой мы провели первую ночь поисков. Но на следующий день мы переместились в общий шатер.

28 февраля мы быстро поднялись на отрог горы Холат-Сяхл, к каменным останцам, и ушли к палатке Дятлова. Там участвовали в разборе вещей, оставшихся в этой палатке. К сожалению, никто не вел протокола и записи расположения этих вещей. Да такое описание вряд ли могло дать реальную информацию. Во-первых, Слобцов и Шаравин, первыми нашедшие палатку 26 февраля, переместили вещи внутри нее. К тому же 27 февраля несколько поисковиков тоже осматривали внутреннее пространство палатки и вынули несколько лыж из-под палатки. Поэтому не удивительно, что фонарик оказался снаружи, на снегу, лежащем на палатке: он мог просто выкатиться

▲ Следы

ся изнутри при подъеме разорванного ската палатки.

Недалеко от палатки мы обнаружили... следы ног человеческих. Их было примерно 8–9 пар. Цепочки следов спускались вниз по склону. По мере спуска вниз характер следов изменялся. В начале они скорее имели форму вмятин в снежную поверхность. Но затем приобрели вид своеобразных «столбиков», выступающих на несколько сантиметров над снежной поверхностью. В местах расположения следов мы ходили осторожно, стараясь не задеть их. Но любопытство одолело меня. И однажды я носком ботинка задел один след. А он оказался — ледяным. Бью по следу ботинком, а ему хоть бы что — целехонек. В те далекие февральско-мартовские дни у меня не заострилось внимание на ледовой структуре следов. Но позднее характер следов в моих рассуждениях приобрел весьма большое значение. Почему следы были ледяные? На снежных склонах я сам оставлял следы своих ног. Но через день-два от моих следов не оставалось и следа: ветер стабильно их уничтожал. А вот ледяные следы группы Дятлова сохранились более месяца. Я уехал с поисков 8 или 9 марта. И до этого времени следы точно сохранились. К сожалению,

никто не зафиксировал весеннюю дату дня, когда эти следы растаяли. Что могло повлиять на образование ледяных следов? Наверяд ли они могли образоваться при сходе снежной лавины или завываний ветра на скалах. Скорее всего, это результат какого-то внешнего теплового технического воздействия.

Двигаясь вниз по склону, вдоль по цепочкам следов, мы подходили к трем каменистым грядам. На каме-

▲ Группа Дятлова на горе Ялпинг-Нье (1957 г.)

нистых местах следы исчезали. А между грядками снова появлялись. Следы окончательно исчезли только на рыхлом снегу в районе кустарниковой растительности. Весьма важен тот факт, что такие каменистые гряды представляли собой практически ледовую поверх-

Уральский государственный лесотехнический университет, ФГБОУ ВО

Лицензия серия 90Л01 номер 0009433.

Направления и специальности высшего профессионального образования

Экология и природопользование. Лесное дело. Ландшафтная архитектура. Землеустройство и кадастры. Природообустройство и водопользование. Садоводство.

Эксплуатация транспортно-технологических машин и комплексов. Технология транспортных процессов. Наземные транспортно-технологические средства (Специалитет). Наземные транспортно-технологические комплексы.

Технология и оборудование лесозаготовительных и деревообрабатывающих производств. Технологические машины и оборудование.

Строительство. Автоматизация технологических процессов и производств. Управление в технических системах.

Химическая технология. Биотехнология. Энерго- и ресурсосберегающие процессы в химической технологии, нефтехимии и биотехнологии. Техносферная безопасность. Технология полиграфического и упаковочного производства.

Экономика. Менеджмент. Управление качеством. Бизнес-информатика. Прикладная информатика. Экономическая безопасность (Специалитет).

Специальности среднего профессионального образования:

- Землеустройство; Земельно-имущественные отношения;
- Техническое обслуживание и ремонт автомобильного транспорта;
- Лесное и лесопарковое хозяйство. Садово-парковое и ландшафтное строительство;
- Технология деревообработки;
- Экономика и бухгалтерский учет (по отраслям). Менеджмент.

- Формы обучения: очная, заочная.
- Прием документов согласно правилам приема.
- Вступительные испытания по 3 предметам (ВПО).
- Для среднего профессионального образования (СПО) – без вступительных испытаний.
- Подготовительные курсы (ко всем видам вступительных испытаний).

1000 БЮДЖЕТНЫХ МЕСТ

г. Екатеринбург, Сибирский тракт, 37 Телефон: +7(343) 254-63-06 - приемная комиссия
 Проезд: автобусы № 1, 31, 32, 026, 047, 064, городская электричка. Остановка «Лесотехнический университет»
 Электронная почта: pk@usfeu.ru Сайт: www.usfeu.ru

▶ Каменная гряда

ность. А изо льда торчало множество камней. То плоские, то острые, конусообразные. Пройти вниз по склону, пересекая такую ледово-каменистую грядку, было весьма не просто. Я сам, однажды поскользнувшись, приземлился буквально рядышком с острой каменюкой. Как смогли преодолеть эти ледяные каменные гряды туристы, покинувшие палатку и спускающиеся вниз по склону? Да еще в темноте ночи. Скорее всего, именно на таких каменных грядках они и получили основные телесные травмы, по схеме: движение, скольжение, падение, удар о камень. Если попался плоский камень — полопались ребра, если камень был острый — травма головы.

Но главное — в другом аспекте этих ледовых каменных гряд. В феврале-марте 1959 г. я, как и все другие поисковики, воочию видел структуру таких гряд — лед и камни! Это — реальный и неоспоримый факт! В последующие годы я неоднократно бывал летом в этом месте на склоне горы Холат-Сяхл. А в зимних условиях еще раз увидеть это место мне не пришлось. Видел ли кто-нибудь в зимних условиях район каменных гряд в годы, последующие после трагедии? Такой вопрос я задавал многим, кто осматривал зимний склон горы Холат-Сяхл. И всегда получал одинаковый ответ: зимний склон горы был монотонно снежным. И никаких каменных гряд не просматривалось. По моей просьбе на сайте фонда Дятлова был размещен этот мой вопрос. Прошло более года. До сих пор никто не сказал мне, что он видел зимой каменные гряды в этом месте.

Таким образом, в зимние дни февраля-марта 1959 г. ледово-каменные гряды четко просматривались на склоне, по которому спускалась группа Дятлова. А в последующие

годы в зимних условиях никто не видел здесь таких каменных гряд. Следовательно, можно сделать следующий вывод: ледово-каменные гряды просматривались только в феврале-марте 1959 г. А все последующие годы снег полностью покрывал склон горы. Но, может быть, в 1959 г. выпало мало снега? На этот вопрос следует ответить отрицательно: на поисковых работах несколько в стороне от ледово-каменных гряд мы зондировали склон, и иногда зонд длиной 1,5 м полностью уходил в снег. Следовательно, в 1959 г. снега в районе горы было предостаточно. Но в районе рассматриваемых гряд почему-то снега практически не было. А между камнями на грядках был лед. По какой причине могло произойти такое изменение — снег превратился в лед? И только в локальном месте! Скорее всего, причина такой трансформации в мощном тепловом воздействии. Но источник, несомненно, техногенный! Если не прибегать к фантастическим вариантам — НЛЮ или беспроводная передача энергии на большие расстояния.

Таким образом, можно констатировать два бесспорных реаль-

ных факта: наличие ледяных следов и ледово-каменистых гряд в локальном месте на склоне в районе палатки группы Дятлова. Эти факты зафиксированы только в 1959 г. И в последующие годы ничего подобного не наблюдалось. Следовательно, 1 или 2 февраля 1959 г. в районе палатки группы Дятлова произошло какое-то экстраординарное техногенное событие. Оно вызвало локальное термическое оплавливание с последующим охлаждением — снег превратился в лед. И именно такое событие могло стать причиной того, что туристы покинули палатку.

Сейчас я не могу высказать какую-либо версию о конструкции технического изделия, которое могло оказать рассмотренное выше тепловое воздействие. Скорее всего, такое изделие передвигалось в воздушном пространстве. Возможно, полет его был управляемым, как у ракеты «Буря», которая испытывалась именно в период времени, когда погибла группа Дятлова. Кстати, об информации по запускам ракет в 1959 г. В 1990-е годы оппоненты убеждали нас в том, что в феврале-марте 1959 г. российских запусков ракет вообще не было. За-

▶ Каменная гряда

тем признали, что был запуск ракеты с Байконура 17 февраля 1959, а чуть позже — и 31 марта 1959 г. В 2010 году была опубликована книга «Особой государственной важности. Из истории создания ракетно-ядерного оружия и Ракетных войск стратегического назначения (1945–1959 гг.)» (составители В. И. Ивкин и Г. А. Сухина). В книге приложен список запусков ракет в Советском Союзе за период 1945–1959 гг. Случайное совпадение: последний год в этом списке — 1959 г., когда произошла трагедия с туристами на Северном Урале. В таком списке находится информация, весьма интересная для обсуждаемой здесь темы. 17 февраля 1959 г. со стартовой площадки на полигоне Байконур был произведен запуск ракеты Р-7. Старт и полет ракеты прошел нормально. Ракета пролетела по штатной траектории на заданное расстояние 6307,25 км. Следы запуска этой ракеты я наблюдал утром 17 февраля 1959 г., находясь в тайге на Северном Урале.

31 марта 1959 г. с этой же стартовой площадки был произведен еще один запуск ракеты Р-7. Пуск был аварийным. Вследствие утечки масла из редуктора насоса подачи перекиси в ходе полета ракета не набрала заданной скорости и упала в 300 км северо-восточнее города Якутска с недолетом до цели 1300–1400 км. Следы запуска этой ракеты 31 марта 1959 г. видели поисковики, которые находились в лесу в долине р. Ауспии на Северном Урале.

Наконец, самая любопытная информация в этом списке. 2 февраля 1959 г. со стартовой площадки на полигоне «Владимировка» был произведен запуск ракеты Р-5 М с номером Б1-4 (8 К-52) на заданное расстояние 1167,2 км. Старт и полет ракеты был аварийным, с ненормальной работой на земле. Оппоненты и здесь «поют» негативную «песню»: мол, ракета Р5-М не могла долететь до места трагедии с туристами — расстояние от места

старта ракеты до горы Холат-Сялх около 1700 км, а ракета могла лететь только на 1167 км. Однако оппоненты не учитывают следующий факт. 1167,2 км — заданное плановое расстояние. А полная дальность полета ракеты составляет значительно большую величину. Различие планового, заданного расстояния и полной дальности полета ракеты подтверждается следующими данными из выше упомянутой книги. Ракеты Р-7 неоднократно летали на Камчатку, на заданное расстояние 6300 км. Но ракета Р-7, запущенная 31 мая 1959 г., превысила заданную скорость и ушла на полную дальность. Двигатель ракеты работал до выгорания топлива и ракета пролетела расстояние, на 2000 км превышающее заданную длину полета. Аналогичный случай по такой же причине произошел при запуске ракеты Р-79 июня 1959 г., ког-

да ракета пролетела расстояние, превышающее заданное на 2175 км. Наконец, 22 и 25 октября 1959 г. были проведены запуски ракет Р-7 в район Тихого океана специально на полную дальность. Поэтому заданное плановое расстояние до конкретной цели не является возможной полной длиной полета ракеты. К сожалению, до сих пор не известна полная, предельная длина полета ракеты Р-5 М.

Впрочем, не ясно — имеет ли какое-то отношение аварийный запуск ракеты Р-5 М 02.02.1959 г. к гибели группы Дятлова.

В итоге соображения, изложенные выше, склоняют меня к мнению о том, что гибель туристов группы Дятлова, скорее всего, связана с каким-то мощным тепловым воздействием технического характера, которое и заставило туристов покинуть палатку. **✎**

ВАШЕ ЗДОРОВЬЕ В ВАШИХ РУКАХ!

Малый и большой бассейны Спортивного центра «Верх-Исетский» ждут вас!
Обучение плаванию детей (от 1 года) и взрослых, свободное плавание,
работа в группах и индивидуальные занятия.

Пятидесятые.

Приполярный зимний

Елена Шубницина

Кандидат технических наук. Более 15 лет работает в Национальном парке «Югыд ва» заместителем директора по науке. Область исследований — историческая география уральского Севера. «Вторая профессия» — фотография. Родилась и выросла в Екатеринбурге. Живет в Сыктывкаре.

История вторая.

Начало в УС №4 2017 год
Зима 1958: Снова к Манараге, или О грифе «ДСП», вреде спешки и пользе фотографической памяти

Итак, к середине 1950-х, когда туристы-лыжники стали осваивать район высших вершин Урала, в уральском туризме возникло своеобразное соревнование: кто первым взойдет на эти горы зимой. В апрельском номере прошлого года мы рассказали о первом зимнем восхождении свердловчан на Народу, в 1956 году. Манарага им тогда «не далась» — из-за отсутствия специального снаряжения для ходьбы по льду и фирну, попросту — «кошек», группе пришлось вернуться из-под вершины. Не смогли свердловчане (рук. В. Богомолов) подняться на Манарагу и следующей зимой, 1957 г., по той же причине — подъем без «кошек» оказался невозможен.

И вот в конце января 1958 г., ровно шестьдесят лет назад, на Приполярный Урал отправилась группа туристов УПИ. Главной целью их похода третьей — высшей на то время — категории трудности было покорение зимней Манараги.

РЕСПУБЛИКА
КОМИ

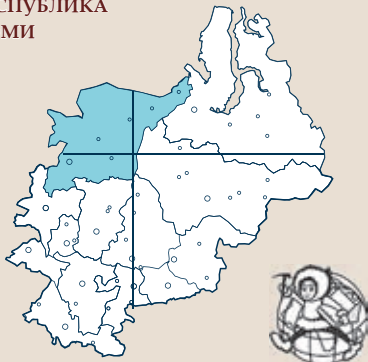

Фото из личного архива
П.И. Бартоломея.

▶ Петр Бартоломей

◀ Участники группы: слева направо — Моисей Аксельрод, Игорь Дятлов, Николай Хан, Петр Бартоломей, Вячеслав Хализов, Евгений Чубарев

Рассказ ведется по воспоминаниям Петра Ивановича Бартоломея — академика, профессора Уральского Федерального университета, а тогда — студентом-четверокурсника Уральского политехнического института. Прямые цитаты П. И. выделяю курсивом.

Шестеро из УПИ

Все участники группы, кроме руководителя, были студентами 4 курса разных факультетов УПИ: Игорь Дятлов и Вячеслав Хализов-радиотехнического, Петр Бартоломей — электротехнического, кореец Николай Хан — механического, Евгений Чубарев — строительного. Руководитель, Моисей Аксельрод, выпускник металлургического факультета, был старше остальных на 3 года, и единственный из шестерых имел опыт зимнего Приполярного (в группе Королева в 1956 г.).

Маршрут и кварц

Стартовать планировали с железнодорожной станции Рудник Кожим (1952 км), а выходить обычным

путем — от Манараги вниз по Косью до железнодорожной станции.

Старт в Кожиме был выбран не случайно: в поселке базировалась партия ПУЭ — Полярно-Уральской экспедиции по добыче и разведке горного хру-

сталя. От работ на поверхности хрустальщики перешли к подземной добыче в штольнях. Открывались новые месторождения горного хрусталя, и среди них — Пеленгичей на одноименном притоке реки Балбанью.

Кварц — сырьё стратегическое; в 1930–40-е все горные работы здесь велись под патронажем НКВД, а сведения о предприятиях по добыче всег-

▲ На аэродроме Кожим-Рудник с летчиками

◀ Руководитель группы М. Аксельрод

да были засекречены. Через два года, в 1960 г., ПУЭ приказом Мингеологии СССР присвоит номер 105, и с этого момента и до наших дней все в Приполярье так и будут её называть — «Сто пятая».

В 1956–1958 годах спрос на горный хрусталь ещё возрос, выросли и объемы работ. Крупные геологоразведочные партии ПУЭ, в том числе кожимская, были хорошо обеспечены — электростанциями, горной техникой, авиа- и гусеничным транспортом. Ну и, конечно, картами.

Эти-то карты Аксельрод и надеялся получить у хрустальщиков. Вообще, именно карты — вернее, их отсутствие — сыграли ключевую роль в этой истории. Вопрос о них обсуждался еще дома, при подготовке к походу — предстояло пройти почти 100 км по безлесной зоне в незнакомой местности. У ту-

стала. Основана она была в 1936 г. трестом «Русские самоцветы» на базе месторождений, открытых в 1929–1934 годах экспедицией А. Н. Алёшкова, ставшего первым начальником предприятия. Базировалась экспедиция на восточном склоне — в селе Саранпауль Тюменской области, но работы вела по всему Приполярному Уралу. В военное и послевоенное время, с ростом потребности оборонной промышленности в пьезокварце, фронт работ экспедиции постоянно расширял-

▲ Загрузка Ан-2.

▼ Поселок Рудник Кожим. 1970-е. Фото Б. Асеева.

▲ В поселке Кожим.
Фото И. Дятлова

▼ Перед спуском в шахту поселка
Кожим-рудник. Фото И. Дятлова

▲ В шахте перед работой.
Фото И. Дятлова

ристов была только пятидесятикилометровка (!), идти с которой в январе по горной тундре было если не безумием, то большой авантюрой.

У хрустальщиков

На станции Рудник Кожим туристы сразу же отправились к геологам — с просьбой разрешить скопировать десятикилометровки. Однако геологи в просьбе отказали — копирование карт с грифом «Для служебного пользования» без разрешения Геонадзора было запрещено. Взамен они предложили туристам про-

везти их на самолете над территорией по маршруту (!!!), чтобы те смогли нарисовать схему-кроки. И действительно, Аксельрод с Дятловым пролетели на Ан-2 весь маршрут до Манараги. Он произвел сильное впечатление: десятки километров заснеженной горной тундры — без дорог, жилья и вообще каких-либо признаков человека. Плюс необходимость тащить с собой вверх дрова — добавкой к рюкзакам, и без того неподъемным... Лётчики, глядя на приунывших туристов, предложили подбросить их поближе к цели — попутным грузовым рейсом на метеостанцию на восточном склоне Урала. Однако, за рейс самолет мог взять только троих, поэтому срочно пришлось разделить на две тройки.

Январский день в Приполярье короток. Аксельрод с двумя wybranymi участниками — Хализовым и Чубаревым — спешно погрузились в Ан-2, схватив три первых попавшихся рюкзака. Самолет улетел. Чуть позже выяснилось, что у улетевшей тройки оказались все спальные мешки, печка, все крупы;

▼ База Пелингичей, 1967 год. Фото Б. Ассеева

▼ С шахтерами после работы. Слева направо: Дятлов, главный инженер шахты Матвеев, Хан, Бартоломей, начальник участка Крупко. Фото П. Бартоломея.

▶ На аэродроме базы Пелингичей. Фото И. Дятлова

Здесь, недалеко от горы Сураиз, где в 1927 г. Алёшкову были переданы оленеводом Терентьевым первые образцы горного хрусталя, в 1952 г. была начата разработка первого на Кожиме месторождения пьезокварца.

В поселке Пелингичей было около 30 жилых домов, школа и детский сад, магазин, столовая, клуб. Выше по ручью были расположены кварцевые штольни. В 4 км от посёлка на плоской сопке был оборудован аэродром, откуда в хорошую погоду регулярно летали в Кожим «кукурузники».

П.И. вспоминает: «Весь групповой запас спирта был у меня. Летчик, узнав, что у нас есть спирт, посадил самолет недалеко от ручья: «Зачерпните воды спирт разбавить!». Однако, второпях перепутал стаканы – и залил спирт спиртом... «Гришка, – говорит помощнику – «заводи скорей мотор, пока я не окосел!». А толку, бедняге, спирту не осталось – все выпил летчик».

Гостеприимные хрустальщики сводили ребят на экскурсию в штольню, показали друзы хрусталя; каждый получил по кристаллу в подарок. Этот десятисантиметровый кристалл и по сей день хранится у П.И. как память о том походе.

Через Урал в Азию

Переночевав у геологов, тройка наутро вышла вверх по Пеленгичею. До условленного места встречи с первой частью группы предстояло перейти через Уральский хребет на восточный склон – около 45 км, без печки и спальных мешков. Переход занял почти трое суток: два перевала, две ночевки в безлесной зоне. Поскольку целью похода была Манарага, район Народы при подготовке к походу не изучался вооб-

ще. Вот где пригодилась память Игоря Дятлова, хорошо запомнившего маршрут по карте геологов в Кожиме – все 45 километров без карты прошли, ни разу не сбившись. «... Меня это поразило на всю жизнь, и я это запомнил. Вот такое необычное бывает качество – фототографическая память, вот это умение ориентироваться в сложных горных переплетениях».

Тем не менее, в первый же день группа оказалась на грани выживания: при переходе через перевал погода резко изменилась, задул ураганный ветер при температуре ниже -20. Пришлось ставить лагерь. Поставить палатку не удалось: ее просто положили на снег, закинули рюкзаки, залезли сами. Прижавшись друг

▼ На участке разборки горного хрусталя. Фото И. Дятлова

у оставшейся – палатка и консервы. Тогда это казалось неважным, но дальше, как и полагается на Урале, свои коррективы внесла погода.

«Как это часто бывает в горах, погода быстро испортилась, и мы трое, в том числе Игорь, остались «назавтра». Но «завтра», как это опять же часто бывает, превратилось в «послезавтра».

Так оставшаяся тройка (Дятлов, Бартоломей и Хан) вопреки планам застряла в Кожиме на двое суток.

Рудник Кожим к концу 1950-х был благоустроенным шахтерским поселком: с ТЭЦ, школой-семилеткой, детсадами-яслями, магазинами, клубом, столовой и баней.

Тройку вынужденно бездельничавших туристов быстро задействовали шахтеры. В угольной шахте случилась авария – завалился электровоз; рабочей силы не хватало, и ребят попросили помочь. Выдали робы, каски, фонари; после работы сфотографировались с шахтерами в штольне.

Только на третий день самолет смог вылететь. Но до цели и в этот раз не довёз: из-за низкой облачности не смог перелететь через Урал, и сел на западном склоне, на базе первой партии ПУЭ Пеленгичей.

▲ Вверх по р. Пелингичей. Фото И. Дятлова

▼ Бартоломей и Хан.
Фото И. Дятлова

▼ Наледи на р. Пелингичей.
Фото И. Дятлова

к другу, не проспали — протерпели до утра. «Часа в четыре уже начинались сумерки. Вдруг с гор пошел сильный ветер, стал просто валить, и мы не знали, что делать. Вставать на ночлег было рано, но мы понимали, что надо что-то сделать, пока не поздно. Залезли в палатку, закинули туда рюкзаки. Так провели первую ночь в походных условиях. Это была ужасная ночь...»

Весь следующий день медленно двигались на юг. Вторая ночевка была не намного лучше первой, хотя палатку на этот раз удалось поставить. «Около 12 ночи вдруг стихло. Мы снимали с себя мокрую одежду, вытаскивали все из рюкзака и рюкзак надевали на ноги. Стельки и носки грели на груди, ботинки клали на ночь рядом с собой...»

При переходе перевалов очень помогли «кошки», позволявшие свободно подниматься по крутым фирновым склонам.

Наконец, тройка «догоняющих» перешла на восточный склон и вышла к базе Северная Народа. Сюда тем временем подошла «на воссоеди-

▼ Первая «штормовая» ночевка второй тройки — на склоне, в «лежачей» палатке

▼ С рабочими на базе Северная Народа

нение» первая тройка, с юга — с метеостанции, куда их забросили самолетом (видимо, речь о базе Центральной Народа). «Узнав, что у нас (второй тройки) есть спирт, рабочие с метеостанции в надежде на угощение пошли за 14 км провожать ребят».

База Полярно-Уральской экспедиции Северной Народа, располагавшаяся на левом берегу одноименной реки, состояла из нескольких домов и складов. На базе имелись баня, радиостанция. Летом на базе было очень оживлённо, а зимой жило лишь несколько человек. В четырёх километрах к югу зимой 1956–57 г. был устроен маленький зимний аэродром, но основная заброска продовольствия и материалов велась из Саранпауля — лошадьми и тракторами. В первой половине 1950-х через Северную Народу шло и снабжение базы и рудника Пелингичей, но с постройкой аэродрома и тракторной дороги в Рудник Ко-

► Схема маршрута. Базы отмечены красными кружками, места стоянок на восточном склоне — желтыми звездочками

▼ На перевале. Фото И. Дятлова

жим Пелингичей получил «независимость».

Теперь воссоединившейся группе предстоял переход обратно в Европу, на западный склон Урала. **УС**

Продолжение в следующем номере.

▼ Туристы на базе Северная Народа. Фото из отчета московской группы 1959 г.

◀ И. Дятлов. Фото П. Бартоломея

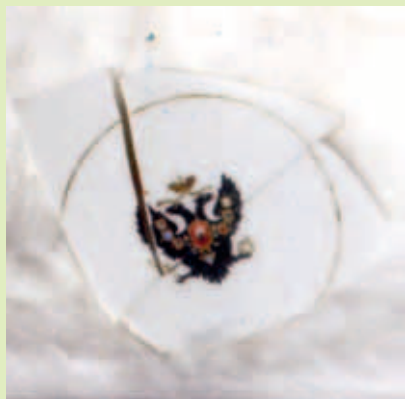
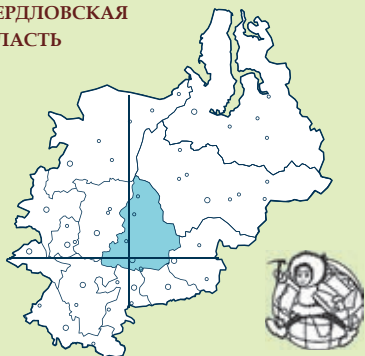
Раскопки Ипатьевской усадьбы

Николай Ерохин

Родился в 1960 году на Северном Урале. Заведующий музеем Института экологии растений и животных Уральского отделения Российской Академии (г.Екатеринбург), краевед, знаток журнала «Уральский следопыт».

**СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ**

Достаточно редко пишу дневники. Хотя много раз убеждался в том, что надо, надо писать. На этот раз их не писал совсем. Осталась лишь сухая документация (журналы, схемы, планы, профиля), немного фотографий да видеосъемка, произведенная С. Н. Погореловым. Может быть, кое-что еще можно «откопать» из статей журналистов, которые были у нас на раскопе, да где их теперь искать — и статьи, и журналистов?

Как это начиналось

Археолог НПЦ (научно-производственного центра по охране памятников истории и архитектуры Свердловской области) Сергей Николаевич Погорелов, отвечающий за проведение охранных раскопочных мероприятий в Екатеринбурге, пригласил к себе в «контору».

— На месте дома Ипатьева, где были расстреляны бывший царь Николай II, его семья и приближенные, начинаются работы по строительству Храма-на-Крови, — сказал он. — Как это у нас водится, о том, что надо провести археологические раскопки культурного слоя на месте застройки, никто и не подумал. Пришлось долго обивать пороги и доказывать, что это надо сделать! У нас есть месяц срока и несколько студентов на археологическую практику из педагогического колледжа. Церковь обещала помочь. Будешь участвовать?

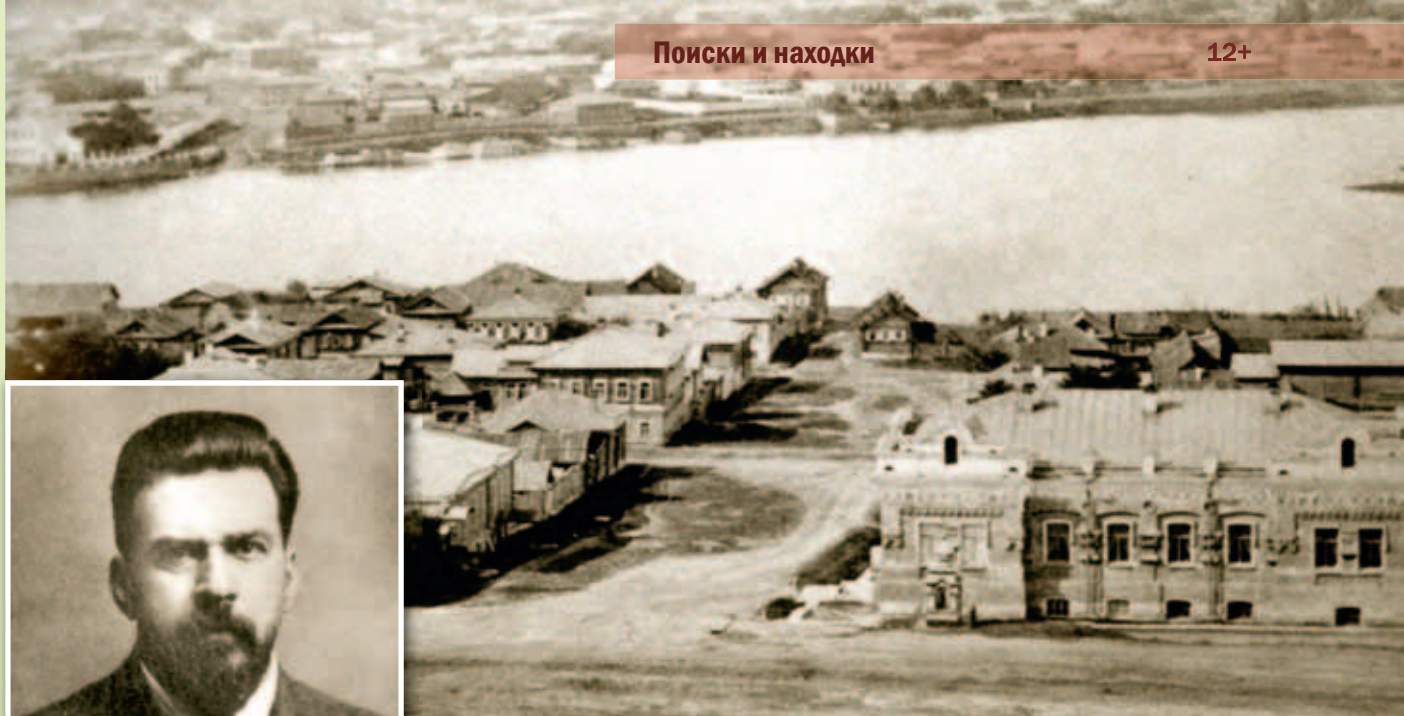
— Хорошо, — ответил я. — В городе мне копать серьезно еще не доводилось, думаю, это будет интересно. Посмотрю поближе, как формировался культурный слой в городе, это мне может пригодиться в работе по изучению формирования естественных слоев в пещерных отложениях.

Осмотр площадки и выбор границ раскопа

Основных сил пока немного. На следующий день Сергей, я, студент-заочник исторического факультета Уральского университета Алексей Смолин и девочка Света встретились на месте, где 30 лет тому назад стоял дом инженера Ипатьева.

Площадка огорожена бетонным забором, два строительных вагончика — один для прораба, другой для охранников «объекта». Сам объект представлял собой слегка наклонную площадку, на которой нет живого места: все перерыто, передавлено колесами и гусеницами. На месте дома — двухметровая яма с лужей на дне; чуть в стороне из земли торчат бетонные панели бункера подземных коммуникаций (кстати, прямо на месте снесенного дома).

Копать фундамент? Это пытались делать до нас пару месяцев назад. Результат — фундаментных гранитных камней в естественном положении не найдено, все сдвинуто и переворочено. Случайно было обнаружено парное погребение, но оно оказалось достаточно старой могилой женщины и ребенка на месте погоста, так как рядом с этим местом когда-то находилась первая деревянная Вознесенская церковь. Если мы хотим получить какие-то материалы из раскопок, в частности, находки, относящиеся к 1918 году, то раскоп

▲ Вид на западную часть города Екатеринбурга с Вознесенской церкви, где впервые запечатлен дом Ипатьева. 1884 г. Фото В. Метенкова

◀ Николай Николаевич Ипатьев

надо заложить на месте двора и сада, а не дома. Там есть перспективы, возможно, что там культурный слой формировался без особых факторов и мог сохраниться не потревоженным за достаточно большой временной интервал, может быть лет за 200.

Достали план и долго привязывали его к месту. Дом был тут, значит, участок 30х30 метров для раскопок надо планировать на месте дворовых построек.

Одну разведочную траншею шириной в два метра спланировали почти по южному краю площадки вниз по склону, другую — в основании склона поперек первой. Получилось нечто, похожее на гигантскую букву «Г».

На все это мероприятие ушла вся первая половина рабочего дня, после обеда же пришлось быстро готовить этикетки для будущих находок. На жесткой оберточной бумаге — для грязных и влажных только что извлеченных находок, а белянковые этикетки — для вымытых и просушенных. Кто мог знать, что набранная в этот момент на компьютере этикетка «Ипатьевская усадьба кв., горизонт...» станет знаменитым названием раскопок, а сами этикетки, кроме основной своей функции — этикетажки находок, будут вы-

полнять еще и роль платежного денежного суррогата.

Отец Дионисий и призыв верующих к богоугодному делу

Как я уже упоминал, основной «движущей», т.е. копающей силой, сначала были студенты, однако раскопки сложились так, что сразу же у нас появились не менее надежные помощники. Дело в том, что на проповедях в православных церквях города было прочитано воззвание к верующим «об участии в богоугодном деле на освященном месте». Каждый день, когда 2–3, когда до 50 человек от епархии, принимали участие в раскопках. В помощь нам для такого случая был приставлен молодой священнослужитель отец Дионисий. Сразу же хочется сказать, что он очень сильно помог в организационных делах самого разнообразного толка. Он разъяснял людям, что мы делаем и для чего, какая помощь от них требуется, организовывал питание в трапезной и укрытие в случае непогоды, а кроме того, и сам периодически брался за лопату, с интересом рассматривая попадающиеся находки.

Четыре начальника: Погорелов — Ерохин — Смолин — Света

Каждый должен знать свой маневр, как говорил классик, так и у нас. Очень скоро выяснилось, что самый главный археолог, руководитель раскопок — Сергей Погорелов — «утонул» в организационных вопросах на самом высшем чиновничьем уровне. С самого начала работ ему пришлось доказывать, убеждать и просить, т.е. делать все, чтобы вообще можно было проводить раскопки. При этом в течение дня он еще умудрялся два-три раза посетить раскоп, уточнить ход работ, провести фото- и видеofиксацию, обсудить возникшие вопросы и — снова к бюрократам.

Мне сначала значительную часть времени пришлось затратить на непосредственную выработку алгоритма раскопочных работ в сложившихся условиях. Кроме того, необходимо было быстро научить Лешу и Свету всем премудростям самостоятельного ведения раскопок, контроля, фиксации, упаковки, первичной обработки и документации.

Только неделю спустя ребята смогли уверенно и быстро решать все возникающие вопросы и не допускать простоев в работе. После этого наступила относительная гармония и в моей работе. Теперь я спокойно смог занять должность «утреннего руководителя раскопок».

► Именной памятный золотой жетон Н.Н. Ипатьева, полученный за строительство Пермь-Кунгур-Екатеринбургской ж/д, 1910 г.

Алексей (Леша) Смолин уже имел некоторый опыт раскопочных работ и поэтому быстро ухватил местную «ипатьевскую» специфику раскопок и очень скоро приступил к исполнению обязанностей «дневного руководителя».

Света детально освоила и взяла под свой контроль камеральные работы. Находки поступали в таком гигантском объеме и с такого количества раскопочных квадратов и горизонтов, что ей приходилось все время быть начеку. Времени добраться до лопаты у нее уже не было.

Инструктаж новоявленных археологов

Данная структура руководителей позволила достаточно спокойно и эффективно работать при сумасшедшей ротации (сменяемости) людей.

Рабочие раскопа, будь то студенты, школьники, взрослые мужики или бабушки-верующие, как правило, работали от 2–3 часов до 2–3 дней. И все! И снова появлялись новые люди, и снова все шло по кругу! Поэтому значительную роль мы придавали проведению исходного инструктажа: сначала объясняли, как копать, где копать, как собирать, куда складывать, когда звать руководителя и т.п. Научил группу людей, глядишь, к полудню половинки уже нет. Раскопки для них — дело добровольное, для души. Тут никакого давления ни на кого оказывать нельзя. Новое утро — новые люди. Так и крутились изо дня в день.

Обеды в трапезной Вознесенской церкви

Отец Дионисий очень быстро и четко организовал обед участников раскопок в трапезной Вознесенской церкви. Трапезная расположена в подвальном помещении этого здания. В совет-

ское время, когда я посещал размещенный здесь исторический отдел краеведческого музея, в трапезной была раздевалка. Это было серое, глухое помещение. Теперь оно имеет окна, чисто, побелено. Посредине стоит длинный, несколько грубоватый, вернее, простой, без излишеств, стол из толстых деревянных плах и две такие же длинные скамьи по бокам. Посуда обычная, еда, по большей части, супы, также без особых затей.

Для студентов педагогического колледжа при первом посещении трапезной, конечно же, был проведен православный «ликбез». Ребятам оказалось очень интересно узнать о целом ряде правил, которые их родители и они сами утратили в советское, стихийно атеистическое время. Страшного в этом ничего нет, но есть элемент приобщения студентов-историков к русской культуре, да еще при прохождении археологической практики. Чем не обучающий и воспитывающий элемент одновременно!

Для верующих же и подавно этот обряд еще сильнее обозначил их внутреннюю значимость в нашем раскопочном предприятии. Да и с точки зрения психологии это был четкий, последовательный ряд мероприятий, обязательный для всех участников работ и подчеркивающий их приобщение к великому делу.

Как наладить элементы раскопа и не «утонуть» при этом.

Как я уже говорил, успех ритмичной работы заключается в четком знании всеми участниками своих обязанностей. Поэтому первые полчаса — инструктаж-показ: зачем мы здесь, краткий экскурс в историю места, что мы ищем и зачем это делаем, как ходить по раскопу, как держать лопату, как копать, как просматривать грунт, как выбирать находки, как и когда вызывать начальника раскопа, какие находки

брать, как их складывать, как подписывать, упаковывать и много других «как-как». Люди с удивлением узнавали много для себя нового — о своем городе, об этом месте, обо всех археологических премудростях и... становились археологами.

Раскопщиков распределяем по персональным раскопочным квадратам. Людей группируем по два-три человека. Один копает методом зачисток, т.е. скребет лопатой поверхность земли горизонтально миллиметр за миллиметром. Другой просматривает, перебирает грунт руками, пропуская через пальцы каждую крупинку. Крупные камни, кирпичи, находки аккуратно окапываются кругом. Глубина одного раскопочного горизонта — 10 см. Еще один человек помогает на подсобных работах. При формировании таких рабочих групп приходится постоянно учитывать возрастные, медицинские, половые, психологические факторы.

Тот, кто поставлен на промывку находок и их шифровку, инструктируется и контролируется еще тщательнее. Кажется, чего проще: промывай вещишки-осколочки да кости-огрызочки и складывай их в кучи. Одну — налево, другую — направо. Ан нет. У археологов четкие правила, какая вещь или ее частица как промывается, сушится, где и как подписывается. Кто-то ведет регистрационный журнал находок, номеров, ящиков. Кто-то занимается упаковкой.

Тактичность в работе с людьми для нас превыше всего. Ошибок при отсутствии археологического опыта допускается масса, главное — успеть увидеть их вовремя, чтобы они не превратились в необратимые ошибки. Забыл кто-то написать этикетку на раскопе — пропала значимость всех этих неподписанных находок. Забыл кто-то, из какого пакета взяты материалы на промывку, — та же история. Люди должны понимать, что и зачем они делают, и мы не ошиблись в них. Хотя все равно контроль-контроль-контроль. Так что забот хватало всем.

Находки дворовых плит и кирпича Ипатьевского дома

Первыми крупными находками были почти метровые гранитные тротуарные и дворовые плиты. На Урале, в горной столице живем, однако. При разрушении дома эти монстры 1х1х0,1 метра бульдозерами, без малейшего почтения, были столкнуты вниз по склону Вознесенской горки и перемешаны с землей. Всего было найдено несколько десятков штук. Сто пятьдесят лет тому назад екатеринбургские каме-

нотесы вырубали их из матрацевидных каменных палаток (скал), окружающих наш город. Плиты — дело дорогое. Не каждый домовладелец и не всякая улица имели их, только самые престижные. Что там говорить, если основные улицы города — Главный и Покровский проспекты — представляли из себя «корыта» грязи. Каменные тротуары были далеко не везде. Во дворах плиты встречались несколько чаще.

Мы аккуратно выкапываем каждую из плит, не меньше четырех человек необходимо, чтобы отнести их в сторону от раскопа и складировать в определенном месте. Отец Дионисий заверял, что все пойдет в дело. Забегая вперед, скажу: очень жаль, что эти свидетели минувшего не нашли своего достойного места в построенном Храме-на-Крови.

Аналогичного происхождения был раскопанный нами «вал» из кирпича Ипатьевского дома. Как останавливались на склоне бульдозеры, сносившие дом в 1977 году, так безмолвно и лежат они в земле, повествуя о тех, не очень далеких от наших дней действиях властей.

Первые осколки посуды из сервиза царской семьи

Конечно, нам хотелось найти следы пребывания здесь царской семьи почти век спустя. Но что мы могли бы найти достоверное, точно принадлежащее этому событию? Археологии обычно находят массу битой глиняной керамики, каменных, металлических или иных бытовых орудий. Все это немые свидетели прошлого. Свидетели, но немые. Археологов иногда пренебрежительно и называют из-за этого «вещеоведами». «Сидите, колупааетесь в черепках, а мы занимаемся высокой наукой», — гово-

рят историки, протирая штаны в архивах и изучая письменные источники.

Спору нет, документ — хорошая штука, но откопать вещь, даже обломочек блюдца, на котором с лицевой стороны просматривается российский герб, а на обороте клеймо «Н II» (императорский завод Николая II), это очень приятно. Особенно на пятый день раскопок. И даже когда желатели-недоброжелатели рядом начинают причитать: «Ну и что, мало ли битой посуды с таким клеймом раскидано по России!» — «Да, дорогие, раскидано выброшено, но где и когда!?»

Советчики незаметно отваливают с раскопа, а мы продолжаем наше правое дело. Подтверждение уже есть. Копаем! Копаем!

Ядро

В верхней по склону части раскопа, ближе к бывшему фундаменту Ипатьевского дома, в поверхностных слоях грунта были отмечены большие и мощные пятна золы. Дом же отапливали, а золу выбрасывали, возможно, во двор. Но зола золой, а вот ниже ее в коренном грунте вдруг обнаружилось ядро. Вещь несколько неожиданная, но вполне объяснимая, если предположить, что это ядро... самого первого Екатеринбургского завода-крепости, укрепленного по углам бастионами с пушками! До бывшего Штарташского бастиона (сейчас это участок на улицах Толмачева-Первомайской) — всего несколько сот метров. Так что склон Вознесенской горки вполне мог быть местом пристрелки первых орудий. Хороша находка!

Фундамент «каретника»

В северо-восточном углу раскопа на планах отмечен флигель, сейчас здесь, как и на всей площадке, ров-

но и пусто. Ни малейшего намека на то, что когда-то тут были строения, а ведь я еще помню, что тут стояла пустая двухэтажная коробка здания, заросшая почти под самый верх бурьяном да окруженная кучами мусора.

Приятно получать прямые тому подтверждения. Уже через пару дней расчистки поверхности, как по волшебству, из земли стали проступать контуры домовой коробки. И какой! Сохранились нижние венцы. По счету два. А внутри них — о, неожиданность! — гранитный пол! Из уже упоминавшихся екатеринбургских плит. Целехонкий! И все это в не потревоженном виде.

Сразу же анализируем ситуацию. Да, это пол, но пол не здания, а его подвала. Раскопщики аккуратно расчищают от мусора контуры. Бревна прямые, длинные. Зарисовываю каждый изгиб, вырисовываю каждую гранитную плиту. Руки чешутся приподнять хотя бы одну из них. Ведь их положили около 150 лет назад! А вдрут под ними... что-то!? Но терпение, терпение, терпение. По планам уточнили, что этот фундамент можно считать фундаментом каретника. Ну и ладно!

Практически все подвальные плиты целые, только одна из них в юго-западном углу расколота на четыре части. В центре впадина, как от удара лопиком, и вокруг — трещины, разбившие плиту на неровные части. После фото- и видеофиксации Погорелов дает команду снимать плиты. Отец Дионисий и все самые дюжие мужики, четвером, пыхтя и кряхтя, переносят кубометровые находки к месту складирования у невзрачной деревянной часовенки. Разбитая плита оказалась последней и... **УС**

*(Продолжение
в следующем номере)*

▼ Екатеринбург. Вознесенская площадь. Парад Оровайского полка по случаю 100-летия Отечественной войны 1812 года. 1912. Фото Н. Введенского

Михаил Попов

Доцент кафедры минералогии Уральского государственного горного университета, кандидат геолого-минералогических наук.

Камень утренней зари — РОДОНИТ Цветная палитра Урала

Иллюстрации представлены Уральским центром камня

Родонит входит в пятерку самых известных и узнаваемых уральских камней. Его открытие на Урале совпало со становлением Екатеринбургской гранитной фабрики как крупного российского центра по художественной обработке камня. Он был одним из любимых камней великих художников-архитекторов К. И. Росси и И. И. Гальберга, а также занимал почетное место в мастерских К. Фаберже. Современная классификация ювелирных и поделочных камней относит родонит к группе ювелирно-поделочных камней второго порядка, наряду с иризирующим обсидианом и полевым шпатом, агатом и амазонитом.

Родонит на Урале (и в России) открыли задолго до того, как камень получил свое официальное название и признание. В 1790-х годах на Среднем Урале его нашли в 30 верстах к юго-востоку от Екатеринбурга, возле де-

ревни Малое Сидельниково. Сначала он получил местные названия: *орлец*, *бакан*, *рубиновый шпат*. По легенде, на Урале минерал впервые был обнаружен в гнездах орлов, откуда и получил такое название — **орлец**. Первое официальное упоминание этого камня содержится в «Описи месторождений цветных камней по Уралу 1792–1797 г.», хранящейся в Государственном архиве Свердловской области. С 1837 г., когда Г. Розе определил в орлецовой породе наличие родонита, у камня появилось новое название, кото-

«До сих пор Уралом интересовались больше иностранцы, чем мы, русские. Причина такого печального явления кроется единственно в том, что мы слишком мало обращаем внимания на наши родные богатства, вследствие малой культурности. Но если бы мы уделили немного времени на изучение родины, то изменилось бы и наше отношение к родной стране».

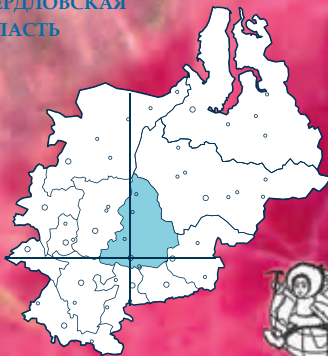
А.К. Денисов-Уральский, 1911 г.

рое происходит от греческого «родон» — роза. А исконно уральское название *орлец* в обиходе применяется очень редко и может со временем исчезнуть, а жаль.

Месторождения и образование

Основная часть родонитовых месторождений Урала находится в сланцевых толщах (биотит-сланцевые, углисто-кварцевые, серицит-кварцевые) силурийского возраста. Месторождения часто встречаются в зонах контактов крупных гранитных массивов с амфиболитами. Родонитовые породы образовались в результате регионального метаморфизма вулканогенно-осадочных марганецсодержащих отложений.

Первое месторождение родонита на Урале — это *Малосидельниковское* (по-старому — *Орлецовая гора*). С момента открытия и вплоть до 1917 г. данное месторождение являлось собственностью императорской фамилии. На нем добывались крупные моноблоки родонита (самый крупный был добыт в 1869 г. и весил 2850 пудов или 45,6 т.). К 1981 г. *Малосидельниковское* месторождение было выработано, а в 1991 г. был засыпан ка-

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬОБРАЗЕЦ МИНЕРАЛА
предоставлен Уральским Центром камня

Родонит

Вот и дошла очередь наших рассказов до одной из самых заманчивых и ярких пород Урала. Многие восхищаются цветными закатами и восходами в камне! Ну а кто видел родонит, тот называет их «родонитовыми».

Фират Нурмухаметов,
Директор Уральского центра камня.

рьер Большой орлецовый копи и известный минералогический объект перестал существовать. Во второй половине XIX — начале XX века на Среднем Урале (в окрестностях г. Екатеринбург) были открыты ещё четыре родонитовых месторождения: *Гагарское (Баженовское)* и *Александровское* в 1874 г., *Кургановское* в 1881 г., *Бородулинское* в 1908 г. Новая история разведки и добычи уральского родонита начинается с середины 1950-х годов. С 1955 по 1989 г. геологами ПГО «Уралкварцсамоцветы» проведено систематическое изучение имеющихся объектов и найдено новое *Октябрьское*. Началась добыча камня с Кургановского и Бородулинского месторождений. В конце XX века было обнаружено и обрабатывалось

Южно-Файзулинское месторождение (20 км от г. Сибай, Ю. Урал). В настоящее время добыча родонита на Урале прекращена.

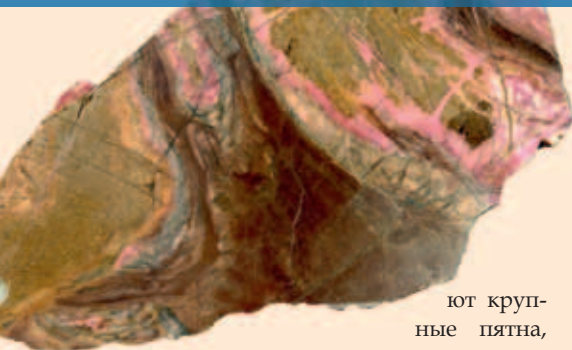
Родонит — минерал или порода

Что скрывается под названием «родонит»? Если посмотреть на любое изделие и кусок орлеца, мы всегда увидим, что он состоит из 2–5 разных минералов. Известный минералог А.И. Брусницын в 1998 году написал, что в составе родонитовых пород Среднего Урала установлено 44 минерала. Главными минералами (хорошо видны и часто встречаются) пород являются *родонит, тефроит, родохрозит, спессартин, кварц, сонолит и гидроокислы марганца*. Если мы возьмем красно-малиновый кусок орлеца, то родонита в нем будет не более 50–60%. *Минерал родонит* имеет формулу $\text{CaMn}_4(\text{Si}_5\text{O}_{15})$ и относится к группе пироксеноидов. Твердость

5–5,5, блеск стеклянный, полупрозрачный, хрупкий. **Ювелирно-поделочный родонит** как порода представляет собой полиминеральную плотную массу мелко- и среднезернистого сложения. Окраска большей частью не равномерная, пятнистая. Розовая окраска присуща разностям, обогащенным родохрозитом и кварцем. Оксиды и гидроксиды марганца образуют разнообразные дендриты, нередко с пейзажным рисунком. В других случаях черные плотные скопления гидроксидов марганца слага-

▼ Иконостас в Храме-на-Крови (С.-Петербург)

ют крупные пятна, иногда основную массу камня или его поверхностную корку. Акцессорные минералы (встречаются в виде редких примесей) в породе представлены оксидами железа, пиритом, галенитом, тремолитом, эпидотом, мусковитом, ярозитом, кальцитом и рутилом. В качестве камне-самоцвета выделяют следующие сорта родонита:

Родонит однородный рубиновый — «орлец». Почти мономинеральная, ярко окрашенная в малиновые и густо-розовые тона разновидность.

Родонит однородный, розовый. Распространен на Кургановском месторождении. Отлично принимает зеркальную полировку, используется в ювелирном деле. В мономинеральном составе может образовывать сферолитообразные пучки удлиненных кристаллов.

Дендритовый родонит. Разновидность розового родонита, образованная развитием в теле минерала включений черных оксидов и гидроксидов марганца. Иногда такие включения образуют красивый пейзажный рисунок.

Родонит пятнистый. Окраска породы яркая или в полутонах, пятнистая. Розовые, малиново-красные, сероватые, желтовато-коричневые пятна соседствуют и сменяют друг друга. Рисунок четкий или расплывчатый со сложной конфигурацией пятен.

Родонит прожилково-пятнистый. Высокодекоративный поделочный камень. Образование обусловлено неоднократным дроблением

родо-

нитовых тел и залечиванием трещин поздним кварцем и кальцитом.

Использование

Ярко окрашенные разновидности однородного цвета используются в виде вставок в ювелирные украшения, кабошонов. В XVIII веке из яркого родонита уральскими мастерами началось изготовление всевозможных декоративных флаконов, печатей, накладок на пресс-папье, пепельниц, различных вставок, запонок, сережек, набалдашников тростей и зонтов. Из него вырезали рамы для зеркал с украшением их бронзой и флорентийской мозаикой.

В настоящее время из родонита изготавливают шкатулки небольших габаритов, выкладывают мозаики. Родонитовые породы являются настоящей находкой в камнерезном искусстве. Роскошные вазы, торшеры и обелиски украшают не только музеи, но и дома настоящих почитателей прекрасного. Камни легко поддаются резьбе разнообразных замысловатых форм.

Самые известные и популярные

Родонит является редким, красочным самоцветом, поэтому и изделия из него старались делать уникальные, красивые и нестандартные. Многие из них вошли в российскую историю как шедевры камнерезного искусства. Но начнем из глубины веков...

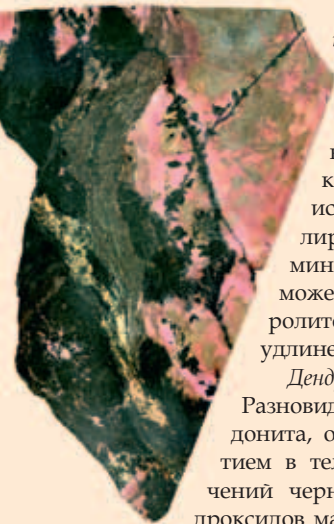
В 1869 году на Малосидельниковском месторождении была добыта самая большая глыба родонита, весом 2850 пудов или 45,6 тонны. Её держали без обработки около 20 лет для особого случая. И в 1888 г. было принято решение изготовить из неё сарко-

фаг императрицы Марии Александровны (1824–1880 гг.), жены императора Александра II. В данный момент саркофаг установлен в Петропавловском соборе и весит 680 пудов или 6,5 тонны. Уральские, а затем петергофские мастера убрали все лишнее и получился шедевр.

А как прекрасна и изящна ваза из родонита, изготовленная в 1868 г. и выставленная в Эрмитаже! Там же находятся всемирно известные торшеры высотой 280 см из уральского орлеца, которые украшают парадную лестницу Эрмитажа.

Уральские мастера изготовили великолепный памятник из родонита на могилу французского писателя Анри Барбюса, который был установлен в Париже на кладбище Пер-Лашез.

В середине 30-х годов XX столетия из родонита, добытого на уральских месторождениях, отде-

◀ Захоронение императрицы Марии Александровны (Санкт-Петербург). Саркофаг из розового родонита

дали колонны станции «Маяковская» в Московском метрополитене. В начале XXI столетия, когда развивался бум на подделки из камня, некоторые плитки малиново-красного родонита были «любителями камня» нагло изъяты из мозаики. Сейчас на этих местах можно обнаружить вставки из менее качественной орлецово-породы или просто рисунок под камень. В 1990 году ЛПО Русские самоцветы и Уралкварцсамоцветы (Загоревский С.В. и Корендяев Г.А.) проводили реставрацию орнамента киота и иконостаса в храме Спас-на-Крови в г. Санкт-Петербург. В работах был использован красивый родонит из Бородулинского месторождения.

В настоящее время в центре Исторического сквера (на мосту через Исеть) радуется глаз жителей и гостей города Екатеринбурга прекрасная глыба родонита, добытая, по преданиям, ещё до революции на Малосидельниковском месторождении. Глыба установлена в 60 гг. XX столетия после реконструкции Исторического сквера. Негласно горожане прозвали монумент «Камень любви», то есть родонит символизирует пламенную страсть. Молодожены и влюбленные парочки любят это место, но изредка «нехорошие люди» оскверняют памятник надписями и граффити. И только благодаря акциям «Центра камня

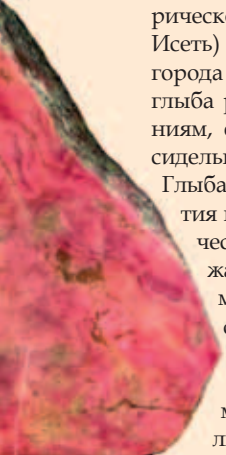
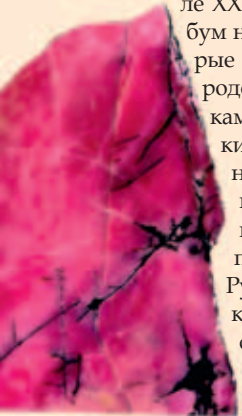
при УГТУ» и энергии его директора Нурмухаметова Ф.М. «Камень любви» поддерживается в прекрасном виде, напоминающая нам про розу или утреннюю зарю. Желающие почистить любовь (а заодно камень, чакры, знания и...) приглашаются на традиционные «субботники».

В заключение хотелось бы привести стихотворение Ефима Ташлицкого. Романтичнее и не скажешь.

Родонит

*На радость утренней заре
Рождённый камень –
Росою розовою зреть
И быть веками
Любимым признаком добра,
Правдивых истин...
Надежду подарить с утра,
Направить мысли,
Чтоб излечить недуг и боль,
Вернуть утрату,
Согреть талант, спасти любовь,
Без всякой платы.
Бессонной ночью напоить
Покоем нервы,
И мудрым, и счастливым быть,
Стремясь быть первым.
Под живописный ряд планид
Стихов и прозы,
Иллюзий гуру – родонит
Царицы розы,
Способной возродить мечту,
Открыв все дверцы...
Твой талисман носить почту
Навек у сердца...*

18.12.12. УГ

▶ Глыба родонита на Плотинке в Екатеринбурге до и после чистки

▶ Памятник Анри Барбюсу в Париже

Андрей Шубенкин

Участник и руководитель походов по Уралу, Кавказу, Алтаю, плато Путорана, Командорским островам, Байкалу и другим регионам России и Советского Союза. Фотограф и видеооператор экспедиций уральской команды «СЕВЕР» по Северной Земле (2001), Полярному Уралу (2002), Камчатке (2003), Восточной Антарктиде (2005).

Скала

Каменные ворота

Идея посетить это живописное и необычное место принадлежит Ивану Касьяненко, опытному туристу, охотнику, кайтисту. Нас связывают с Иваном не только учеба на одном факультете в родном УПИ, но и многие сотни и тысячи пройденных вместе в походах километров, а также давнее увлечение фотографией.

в этом месте порода постепенно разрушалась под воздействием различных факторов, в первую очередь атмосферных. Высота «ворот» почти в рост человека. Верхняя часть останца держится на тонких «ножках». Кажется, что вот-вот упадет. Скорее всего, когда-нибудь так и случится. Ведь процесс разрушения продолжается.

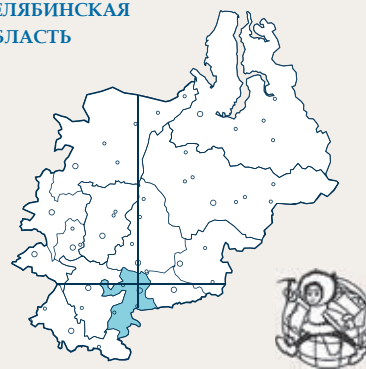
Скала посещается людьми как минимум с XIX века. До нас дошла фотография известного уральского революционного фотографа В.Л. Метенкова с видом этого скального останца. Фото подписано: «Каменные ворота».

Высота самого скального останца — около 10 метров. Каменные ворота испещрены необычной формой выветривания: на них можно разглядеть и причудливые узоры, и смотрящий на путника прищуренный «драконий глаз». Несмотря на свою уникальность, скала все еще законом не охраняется. Пока это только в планах. В соответствии с постановлением Правительства Челябинской области от 21 февраля 2008 г. № 34-П рекомендовано создание вокруг скалы Каменные ворота особо охраняемой природной территории.

Фото В. Л. Метенкова

ЧЕЛЯБИНСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Объект посещения был более чем достойный. Скала оригинальной формы со сквозным отверстием. Находится в окрестностях поселка Сподорудник, близ города Кыштым Челябинской области. Вытянутый в длину каменный гребень находится на южном отроге от западной части хребта горы Теплая (высота 615 м). Внимание людей путешествующих привлекает каменный останец с аркой. Его называют по-разному — Крылья Дракона, Дракон, Чертовы ворота, Каменные ворота...

Привлекательная особенность — сквозное отверстие в скале, образовавшееся в результате дефляционного выветривания. Видимо, менее прочная

Каменные ворота иногда называют порталом в параллельный мир. Говорят, пройдя через них, можно оказаться в ином измерении. Скала со сквозным отверстием считается мистическим местом. Якобы фиксировались случаи, когда внезапно «садились» аккумуляторы, ломались часы, компас не работал, связи не было... Каменные ворота называют также местом силы. Это действительно необычный объект, требующий дополнительного изучения и анализа. Удивляют плоские стены скал, стоящих недалеко от Каменных ворот. Вполне можно допустить, что это искусственная обработка камня.

В самом начале декабря 2017 года наша небольшая группа отправилась

к этой необычной скале. Мы дождалась хорошей безоблачной погоды во время более-менее полной луны. Желание было провести фотосъёмку днём при солнце, а вечером — при яркой луне и звёздах.

Небольшое количество выпавшего снега и лёгкий морозец, сковавший дорожную грязь, позволили нам проехать на простых кроссовках до большой поляны. Отсюда начинается тропа, выводящая к скальной гряде. Подъём к Каменным воротам, местами довольно крутой, мы неторопливо прошли примерно за полчаса. Со склона отрога открылся отличный вид на окрестные горки и леса. Погода, что называет-

ся, «звенела». Яркое солнце, небо синее до прозрачности, штиль, искрящийся снег, волшебный притягивающий лес...

Скальный останец встретил нас в полной красе — окруженный деревьями, присыпанный снегом и облаканный тёплым не по-декабрьски солнцем. Процесс фотосъёмки увлёк, незаметно приблизились сумерки. Забравшись на скалу, стоящую недалеко от Каменных ворот, мы встретили восход луны...

Через несколько часов, после хорошего ужина, мы снова поднялись к необычной скале, чтобы запечатлеть её при луне и звёздах. Темнота и луна оказались Каменным воротам тоже к «лицу». Съёмки длились почти до полуночи.

Скала оригинальной формы со сквозным отверстием «Каменные ворота» — очень интересное, необычное место. Как геологический памятник природы, требует бережного отношения всех посещающих людей и закрепления статуса особо охраняемой природной территории.

Посещение Каменных ворот можно совместить с поездкой в Сугомакскую пещеру, на скалу Чертов зуб, в горд Кыштым.

Отдых на горе Тёплой особенно порадует свежестью горного воздуха, если есть возможность — обязательно переночуйте на воздухе в палатке. И окунитесь ещё раз в удивительный мир нашей уральской природы!

Первопечатники

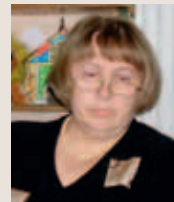
В начале XIX века Сарапул уступал по грамотности другим городам Вятской губернии. Но город быстро развивался. Здесь открылась первая в губернии библиотека, первая школа, духовное училище, затем первое реальное училище и женская гимназия, приходские и воскресные школы. В конце века 42% жителей Сарапула знали грамоту. Горожане и селяне через Сарапульскую почтовую контору выписывали более сотни экземпляров

газет и 18 наименований журналов и газет, среди них «Сын Отечества», «Странник», «Учитель», «Биржевые ведомости» и др. При открытии школ, первого земского собрания, Окружного суда всем: чиновничеству, судьям, школам, купцам — потребовались печатные конторские книги, журналы, бланки. Начался бум бумаготворчества. Сначала конторские книги выписывались из больших городов, но экономные купцы решили печатать журналы на месте.

150 лет назад предписанием Вятского губернского правления от 10 января 1866 года в Сарапуле была открыта типография. Скоропечатную машину, литографический и печатный станки купила купчиха Прасковья Ивановна Старкова. (Госархив Кировской области «Ведомости по типографиям и литографиям, находящимся в Вятской губернии»). Первым в уездном городе отважился заняться типо-

графским делом купец второй гильдии Александр Александрович Старков. В газете «Вятские губернские ведомости» в 1868 году появилась заметка: «21 мая посетил город Сарапул митрополит Московский и Коломенский. На завтраке в честь его купец А. А. Старков поднес в подарок митрополиту литографию города Сарапула, выполненную в своей типографии».

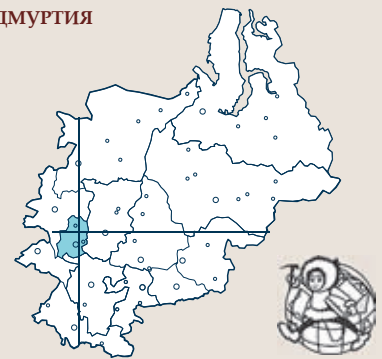
В типографии работали восемь человек, печатали журналы заседаний городской думы, земских собраний, доклады и отчеты городской и земской управ, училищных советов, уставы различных обществ, объявления, афиши, счета, приглашительные письма, бланки. А. А. Старков издал здесь первую в Сарапуле книгу, составленную им самим, — «Руководство к познанию законов». В 1875 году типография пере-

Наталья Запорожцева

Главный библиотекарь краеведческого отдела Центральной библиотеки им. Н.К. Крупской в г. Сарапуле, журналист. Руководитель литературно-музыкального театра, почетный член Общества изучения Прикамского края. Автор нескольких книг по истории города и деятелях его культуры. Давний и постоянный автор журнала. Живет в Сарапуле.

УДМУРТИЯ

◀ Сотрудники газеты «Прикамский край»

▲ «Сарапульский листок объявлений»

Сарапула

Иллюстрации предоставлены автором

шла во владение Александры Лукинишны и Федора Тимофеевича Пойловых. Следующим, четвертым, владельцем типографии стал 2 июня 1888 года зять Пойловых, управляющий делами Федора Тимофеевича, Иосаф Михайлович Колчин. Удачно женившись вторым браком на 18-летней старшей дочери Пойловых, он унаследовал типографию после смерти тестя.

Иосаф Колчин родился в Сарапуле в конце 1860-х годов. Он представлял собой тип нового, образованного издателя. Происходил из бедной, но трудолюбивой мещанской семьи старообрядцев-«беспоповцев», обучался в тайной старообрядческой школе. Смолоду работал в посудной лавке у купца. Затем окончил уездное училище, стал владельцем типографии и перешёл во вторую купеческую гильдию.

Иосаф Колчин присоединил к заведению типографское оборудование уржумского мещанина Андрея Лукича Мельникова, состоявшее из одной скоропечатной машины и ручного станка. Большая, хорошо организованная типография Колчина располагалась на престижной улице Большой Покровской неподалеку от церкви. В 1896 году здесь уже трудилось 20, а в 1907 году — 28 рабочих. Почти десять лет Колчин был владельцем этой

единственной типографии в Сарапульском уезде. Здесь он впервые начал печатать краеведческие издания, имеющие культурную и историческую ценность: книги Н.Н. Блинова, сборники Общества изучения Прикамского края. В Сарапуле еще не было книжного магазина, но можно было купить книги у Колчина, здесь же продавались учебники, тетради и другие принадлежности для учащихся. К заслугам купца-издателя надо отнести и появление целой серии видовых открыток Сарапула и Среднего Прикамья — более 60 сюжетов прекрасного качества съемки и печати, разошедшихся по рукам коллекционеров и тиражированных в интернете.

В 1895 году издатель И.М. Колчин выпустил ежедневник «Телеграммы Санкт-Петербургского телеграфного агентства». «Телеграммы» содержали и местную информацию: объявления, рекламу, бюллетень метеорологической станции, действовавшей при Сарапульском реальном училище. Несколько лет потратил И.М. Колчин, чтобы добиться разрешения печатать первую газету в Сарапуле. В 1894 году он обратился к губернатору с прошением: «Желаю содействовать распространению в Сарапуле необходимых сведений по торговле, промышленно-

сти и другим производствам посредством объявлений и периодических известий». Издавать свой «Листок» Колчин предполагал с публикациями по следующей программе: 1) святыцы, 2) телеграммы Северного телеграфного агентства, 3) правительственные распоряжения, 4) краткие известия о важных событиях в России, 5) местные известия, 6) краткие географические и исторические события, касающиеся местного края, 7) частные объявления. Поначалу вятский губернатор не разрешил «Листок» к изданию из-за отсутствия в Сарапуле цензурного управления. Наконец, хлопоты Колчина увенчались успехом, он получил разрешение губернатора, и 4 мая 1897 года была отпечатана эта, самая первая на территории будущей Удмуртии газета — «Сарапульский листок объявлений». Газета соответствовала своему названию: здесь в основном печатались местные частные объявления. Почти десятилетие печатался «Листок» на хорошей плотной бумаге газетного формата.

Но мечтой Иосафа Колчина была настоящая газета. Когда до Сарапула дошло дыхание революционных перемен, 17 мая 1906 года в той же типографии Колчин начал выпускать «общественно-политическую и коммерческую газету» «Прикамский край»,

сменившую «Листок». Ежегодно выходило от 134 до 296 номеров газет, тираж был более 1000 экз. В новой газете в полной мере воплотилась издательская программа И. Колчина. Это был «орган прогрессивной печати», целью которого было «мирным путем улучшить положение рабочего класса». Колчин уже не был редактором ее, а только издателем. Редактором стал Феопелий Парамонович Кунилов, затем его сменил Н.Д. Усов. Позицию газеты определяли слова: «По мере сил и средств мы стремились дать подписчикам беспристрастное обозрение и освещение общественных явлений, борьбы новых правоначал с охраной старых отживших устоев». Газета имела острую политическую направленность и пользовалась спросом горожан. Этому способствовала и гибкая цена на газету, варьирующаяся от 4 до 6 рублей за год для людей разных сословий. Материалы в газете поначалу не подвергались цензуре. Кроме отчетов училищ, женской гимназии, родительских комитетов, здесь публиковались критические материалы о разных партиях в Сарапуле, о работе полиции, уборке улиц, работе винных лавок, ситуации в учебных заведениях, широко освещались революционные события в Москве, печатались произведения русских писателей.

Вот примеры полемических статей в «Прикамском крае» 1906 года: «Вопрос о строительстве водопровода возник в 1891 году, когда бывший голова Пешехонов внес в Управу свое жалование с условием, что если в течение трех лет не приступят к строительству водопровода, то отдать обратно деньги. Была избрана комиссия, но так ничего и не сделала, деньги передали наследникам». «Идут дебаты, об оплате в гимназии от 25 до 50 руб. 35 рублей не приемлемы, где в семье несколько девушек». «Сарапульские обыватели любят собираться на берегу Камы. Следует поставить скамейки со спинками, разбить цветники, посадить липы и вязы». Газета в одном из первых номеров сообщила, что «на днях в Сарапул приехал на постоянное место жительства известный местный автор «Истории Сарапула» священник Н.Н. Блинов» и что «местный купец Осипов просит устроить народный университет в Сарапуле, вместе с Н.Н. Блиновым и др.». Издатель И.М. Колчин пригласил Н.Н. Блинова сотрудничать в «Прикамском крае». Но вышедший в отставку Блинов не торопился принять его предложение, решив осмотреться и выяснить политическое направление газеты.

В начале 1907 года из-за острой критики администрации газету запретили. Редактор Ф.П. Кунилов был вы-

▶ Газета «Прикамская жизнь»

слан из города, некоторые сотрудники редакции арестованы и отправлены в Пермь. С июля 1907 года газета возобновилась, редактором ее стал Н.Д. Усов, статьи стали осторожнее. В январе 1908 года и этот редактор был отстранен от работы и подвергнут штрафу в 500 рублей за острый фельетон. С февраля 1908 года все материалы газеты просматривались сарапульским исправником, неблагонадежные материалы не допускались к печати, размещались одни телеграммы. За год газета трижды была оштрафована на сумму 1100 рублей. Она стала убыточной для издателя, поэтому Иосаф Михайлович решил прекратить выпуск «Прикамского края». «Помимо внешних затруднений, при подавляющем невежестве массы рабочего населения, существование частной газеты затруднительно, — писал Н.Н. Блинов, относившийся с уважением к И. Колчину. — Жизнь его может служить примером для других».

Будучи ценителем искусства и художественной литературы, Иосаф Михайлович в конце 1907 года затеял выпуск первого еженедельного журнала под названием «Живописная неделя». Журнал планировался как приложение к газете «Прикамский край» и должен был главное внимание уделять литературе и искусству. Но пока не удалось обнаружить ни одного номера этого журнала, хотя подписка на него на 1908 год осуществлялась. В 1909 году издатель передал в земский музей подписки газет «Прикамский край» и «Сарапульский листок объявлений».

И.М. Колчин скоропостижно скончался от сердечного приступа 23 июня 1911 года в Сарапуле. Типолиитография просуществовала до 1913 года. После смерти И. Колчина ее продали за бесценок, владельцем стал Н.Я. Улыбин. Сначала он сдавал типографию в аренду Курочкину, затем полностью перевел ее в Ижевск. Так закончилась полная драматизма история первой сарапульской типографии.

С 1908 по 1916 год Н.Е. Ончуковым издавалась ежедневная (!) газета «Прикамская жизнь». Девять лет жизни посвятил газете Николай Евгеньевич, успешный ученый-этнограф, собиратель былин, сказок. Он родился в Воткинском заводе в купеческой семье. Детство Николая Ончукова прошло в Сарапуле в семье дяди. Николай учился в фельдшерской школе, затем в Петербургском университете. Посещал кружок этнографии и совершал летние этнографические экспеди-

ции на Север, в которых открыл и записал печорские былины, сказки и издал их. Но, не задумываясь, он сменил лавры ученого на беспокойную жизнь редактора газеты, посчитав, что на этом поприще принесет больше пользы обществу. С 1909 по 1916-й выходило по 242–290 номеров газеты в год. Основным редактором газеты был Н.Е. Ончуков, временными — И.П. Барabanчиков и М.А. Швецов. Ончуков назвал газету «общественно-политической и литературной». Вначале газета взяла прогрессивное направление и бойко критиковала думцев. Корреспонденции «Гамлета», «Тимона Афинского» (псевдонимы присяжного поверенного Ивана Тимофеевича Воронцова) об «отцах города», о выборах были чрезвычайно злободневны и нелюдиприятны. Купеческий сын, гласный А. Зылев писал, что «нынешние выборы проходят под стон жертв стрел Тимона Афинского».

Думцы боялись острого слова Воронцова, спорили с ним, сочиняли пасквили на журналиста, но ничего не полагало. Влияние талантливого журналиста на итоги выборов было очевидным. Благодаря новорожденной сарапульской прессе сформировалась чрезвычайно работоспособная дума, во главе которой стал П.А. Башенин, который кардинально изменил жизнь города — провел водопровод и электричество. В последующие годы сформиро-

валось консервативно-монархическое направление газеты. Многие статьи отдавали антисемитским душком. Писатель и журналист С.Н. Миловский, публикующий в газете свои заметки, критиковал газету и ее редактора: «Это истинный и по совести выученик Суворина, ... поливает на евреев, поляков, финляндцев помоями. Меня, да и всех здесь, вообще удивляет эта травля, — что ему сделали худого евреи? Жена у него... пишет под псевдонимом «Гутай» и такую гниль разводит, что просто взять бы, да и вышвырнуть. Чета эта считает себя руководителями общественного мнения. По совести говоря, я такого сверхъестественного блуда в печати не видел, пока не встретил Ончукова. Собирал бы он песни, былины, трудился по археологии и был бы на месте. А то взялся за газету — и вот вам... Газету свою называет «сарапульский парламент». Невероятный цинизм!» Язвительный стиль «Прикамской жизни» по отношению к конкурентам — «Каму» называли «фаршированной шукой», «Вятскую речь» — «вятской простушкой», — приводили редактора к многочисленным судам. Но ловкий Николай Евгеньевич, как правило, выигрывал суды с помощью друзей-адвокатов. Типография, где печаталась газета «Прикамская жизнь», размещалась на ул. Вознесенской, Нагорной.

Кроме легальной прессы, выходила и нелегальная. В 1905 году арестован наборщик типографии А.Т. Кузьмин за выпуск революционных изданий. Газета «Прикамская жизнь» с момента своего возникновения в 1909 году доставлялась в музей бесплатно по инициативе её издателя, Николая Евгеньевича Ончукова. После революции Н.Е. Ончуков уехал в Сибирь. Последующая жизнь Н.Е. Ончукова была трагичной: он был арестован и окончил свои дни во время Великой Отечественной войны в лагере под Пензой, боль-

▲ Н. Е. Ончуков и его жена А. П. Ончукова-Тиханова

ной, в страшных мучениях на лесозаготовках.

С 1913 года в Сарапуле выходила прогрессивная газета «Кама» — орган кадетов — под редакцией Н.И. Новикова, Г.И. Чудова, А.А. Метешкина, В.А. Иванова, В.И. Горшенина. Издателями были В.А. Пешехонов, потом Ф.И. Грачев, брат жены Н.Н. Блинова, — друг и единомышленник священника. Выходило от 283 до 290 номеров «Камы» в год. «Кама», издававшаяся паевым товариществом, весь период ее существования конкурировала с «Прикамской жизнью». На страницах обоих периодических изданий можно найти критические выпады в адрес друг друга и весьма остроумную полемику. «Прикамская жизнь» была закрыта через несколько дней после февральской буржуазно-демократической революции, а «Кама» — в январе 1918 года решением Сарапульского Совета. В 1917–1919 гг. в Сарапуле издавалось около 20 газет. В этот период газеты в городе быстро рождались и очень быстро умирали: «Свободная Россия» и «Воля» — органы эсеров и меньшевиков, «Прикамье» — орган учредителей, «Красный воин» и «Борьба», издававшиеся политотделом 2-й Армии Восточного фронта. В конце февраля 1918 года начинает выходить большевистская газета «Труженник» — и печатные органы других партий запрещаются. И, наконец, 13 августа 1919 года вышел в свет первый номер «Красного Прикамья» — органы уездного комитета РСДРП, газеты, издающейся и по сей день. Вместе с ней большое представление о жизни города и района давали газеты «Ижевская правда», «Гудыри», «Воткинская жизнь».

Сейчас сохранившиеся газеты «Сарапульский листок объявлений», «Кама», «Прикамская жизнь» и другие издания дают нам бесценные сведения о повседневной жизни торгового люда Прикамья, о больших и малых событиях в общественной жизни Сарапульского уезда.

Последним владельцем типографии до революции был купец Л.Ф. Пешехонов. В первые годы типография выпускала продукции на 2500 рублей в год. По заказу сарапульского купца Федора Гавриловича Пешехонова, владельца кожевенно-обувного производства, в 1892 году на ул. Вятской, 54 (Красной или Раскольникова, 152) построен дом с лавкой по проекту пермского архитектора А.В. Турчевича. Первый этаж основного здания использовался под производственные нужды кожевенно-обувных мастерских, второй этаж — жилой семьей Пешехоновых. Одноэтажная кирпичная лавка с южной стороны усадьбы была магазином обуви, примыкающий к нему одноэтажный корпус — производственными мастерскими.

В 20-е годы здание было муниципализировано, в 1923–27 годы на втором этаже основного здания находился окружной комитет РКП (б), на первом этаже была типография, размещенная ранее по инициативе сына кожевенного заводчика Виктора Федоровича Пешехонова. Предположительная дата работы типографии — 1910–1915 гг. Сейчас здесь продолжает свою работу современная Сарапульская типография и редакция газеты «Красное Прикамье». Дом Ф.Г. Пешехонова находится в списке памятников регионального значения. **УС**

◀ Дом Ф. Г. Пешехонова — типография и редакция газеты

Владимир Трусов

Автор более 200 статей на исторические, родоведческие и краеведческие темы. Автор книги «Шайтанский завод Никиты Никитича Демидова». Печатался в журналах «Уральский следопыт», «Веси», в альманахах и сборниках. Живет в Первоуральске.

► Могилка инока Максима

У инока Максима на Весёлых горах

В середине XVII века в российской православной церкви при патриархе Никоне, который стал исправлять русские богослужебные книги, произошел раскол. Часть верующих стали называть старообрядцами. Власти устраивали на них гонения, ущемляли в правах, заставляли принять новые церковные книги. Самые упорные старообрядцы бежали в леса, основывали тайные скиты.

На Урале есть Весёлые горы, то есть радующие глаз, красивые, но и диковатые. Вот в такие глухие, таёжные, труднодоступные для полиции места и бежали староверы из европейской части России.

Одним из почитаемых на Весёлых горах отшельников был инок Максим. Есть только одно сказание о его жизни, которое переписывают все авторы статей и книг. Первым его записал Владимир Санин в отдельном напечатанном очерке «На Весёлых горах» (1910).

«Инок схимник Максим был родом из ногайских татар. В дни российского государя Петра Алексеевича в 1724 году, будучи малолетним, был пленен российскими войсками. После они поступили в услужение к некоему Змееву, по благорасположению коего крещен и принят во св. католическое вероисповедание и наречен месяца сентября 6-го числа Михаилом и по соизволению Змеева обучен грамоте и письму, проживая в совершенной его милости и по экономии и полной доверенности. Но, познакомившись впоследствии со старообрядцами, Максим от сего Змеева тайно отлучился и, проходя городские и пустынные места, наконец, пришел на Урал, в Нижнетагильский завод, где в 1729 году и был принят в скит иноком Иовом, удостоен образа и наречен Максимом.

Получив оный, он проживал в лесах черноисточинских (смежных с нижнетагильскими), поблизости с Черноисточинским заводом, с бывшими там

иноками в полном послушании. Позднее, по смерти бывшего у них настоятеля, по общему всех их соглашению и просьбе, поступил настоятелем, коим служил долгое время. Впоследствии по случаю частых набегов на кельи иноков лесных разбойников Максим с братией переселился в Нижнетагильский завод, в дом известного всеми христианина Андрея Рябинина, где и проживал до бывшего в 1789 году мая 2-го дня в Нижнетагильском заводе пожара, во время которого выгорело 250 дворов.

Во время проживания своего в Н. Тагиле схимник Максим не оставался бездеятельным. Он по просьбе старообрядцев в 1765 году ездил в Москву для разыскания беглых священников и для наведения справок о грузинской земле.

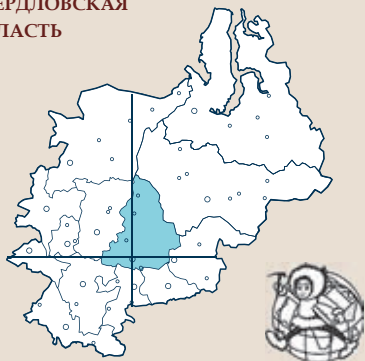
В Москве инок Максим отыскал грузинских архимандрита и протопopa, лично их спрашивал и уверился от них изо всех разговоров в том, что в Грузии крестят в три погружения и что духовенство постороннее ни от каких мест не входило, а имеет своего патриарха. При сем был невьянский житель Ив. Ив. Голицын, который свидетельствует, что разговор слышал.

О последних днях инока Максима сохранилось предание, что он под конец жизни снова удалился в лес на Весёлые горы, где умер и схоронен в 1782 году, в мае месяце. Есть также предание, что после смерти инока Максима тело его хотел вырыть из могилы и сжечь впавший в ересь невьянский

▲ Фотограф и иконописец Н.Т. Филатов. Фото из музея п. Староуткинска

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

житель Василий Стариков. Но когда последний приблизился к могиле подвижника, его обуял такой ужас, что руки отказались повиноваться. Но, тем не менее, старообрядцы узнали о кощунственном намерении Старикова, и когда вскоре умер брат еретика, то даже его старообрядцы, вышедшие толпой навстречу похоронной процессии, не допустили на старообрядческое кладбище».

Враги староверов не только притесняли их при жизни, но были попытки осквернения многих святых могил. Вот что произошло с погребением инока Иова — наставника Максима. (Из статьи «Паломничество старообрядчества», опубликованной в газете «Уральская жизнь» в 1914 году).

«Гонители старообрядчества, видя, что ничего не могут сделать, задумали страшное дело, сжечь прах чтимого подвижника (Иова. — В.Т.). В ночь на 26-е сентября 1845 года они откопали могилу, но, как гласит предание, совесть заговорила в гробкопателях и какая-то чудодейственная сила не дала свершиться злему делу. Тело оказалось нетленным, и на гробкопателей напал такой ужас, что они не могли двинуться с места, руки отказались повиноваться, ноги дрожали, и им казалось, что от тела исходит яркий свет, им чудилось, что пламя огня вылетает из могилы и опалает их... Они в ужасе разбежались и отказались от своего намерения.

Могилу же старообрядцы поспешили зарыть. Над могилой был воздвигнут летний храм.

С тех пор на могилу о. Иова все больше и больше стекалось богомольцев и уже ничто не могло препятствовать богослужению».

А события вокруг могилы инока Максима происходили немного ранее. О них сообщает Н. Базанов в ста-

тье «Из уральской старообрядческой старины», опубликованной в газете «Уральский край».

«Умер Максим 27-го мая 1783 г. (или в 1782 г. — В.Т.). На могилу его народ собирался (и всегда небольшими кучками) в конце мая. Здесь моление продолжалось в течение целой недели. Толпы поклонников сменяли одна другую.

Хотя на скитском кладбище праха инока Максима нет, но старообрядцы все же, как мы видели ранее, заходят сюда, и на месте, где был погребен этот старец, совершают моление.

Теперь остатки инока Максима почитают в Верх-Нейвинске, около часовни. Перенесены они сюда в тридцатых годах 19-го столетия, после убийства в 1830 году инока Афанасия, отца главноуправляющего Егора Артемьева Китаева, а от управления он устранен в 1837 году.

Как совершилось перенесение праха инока Максима от скита в Верх-Нейвинск, перескажем после».

Но продолжения рассказа не последовало. По-видимому, староверы решили не указывать подробности переноса и точное место захоронения Максима, чтобы фанатики не осквернили святое место. Либо Базанов умышленно дал информацию о Верх-Нейвинске, чтобы запутать ситуацию с захоронением инока Максима.

В старообрядческой среде очень уважаемы семьи Григория Зотова (за заслуги перед Россией имевшего четыре золотые медали для ношения на шее) и Егора Китаева. Ознакомимся с краткой биографией Е. А. Китаева.

«Китаев Егор Артемьевич (г.р. 1783). Горный деятель, бывший поверенным и затем управителем Верх-Исетских горных заводов. Известен как создатель подвижного цилиндрического грохота — первой отечественной машины для обработки золотоносных пе-

сков (1823), автор статьи об угольных сараях (1836).

За создание указанной машины был награжден золотой медалью».

Егор Китаев мог поспособствовать в переносе захоронения Максима в Верх-Нейвинск.

В XXI веке так случилось, что первая могила Максима оказалось на действующем кладбище рабочего поселка Карпушиха в первых воротах. Никто в XVIII столетии не предполагал, что возле праха почитаемого старовера в XX веке станут производить погребения все родственники умерших в поселке Карпушиха, основанном в 1914 году.

В середине 1950-х годов, после смерти в 1953-м главного антихриста, старообрядцы возобновили моления на могилке инока Максима. И происходили эти события в Карпушихе, а не в Верх-Нейвинске. Поэтому можно считать, что прах инока Максима покоится на Веселых горах возле Карпушихи.

Два групповых фото мне дал при личной встрече 24 января 2007 года Стехей Васильевич Байдин из Карпушихи. Я сканировал эти фото и вернул, когда второй раз через несколько месяцев, 31 июля 2007 года, побывал на Веселых горах.

Стахей Байдин, 1935 года рождения, уже тогда плохо себя чувствовал после двух инфарктов. На фото есть его отец Василий Иванович Байдин (1888–1974).

Часовенные старообрядцы редко фотографируются. Большинство исторических фотографий на Веселых горах сделал старообрядец из Староуткинска Николай Трефилов Филатов (1871–1955) из семьи знаменитых иконописцев. Оба фото из архива семьи карпушихинских Байдиных можно считать работой Н. Т. Филатова. **✠**

▲ Во втором ряду слева — В.И. Байдин. Фото из архива С.В. Байдина

▲ Сидят двое, справа Василий Иванович Байдин. Фото из архива С.В. Байдина

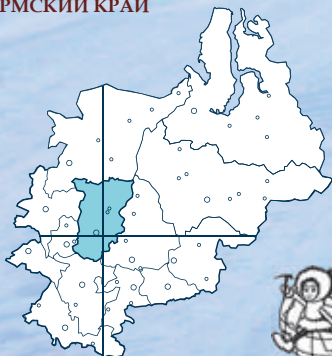

**ФОНД ПРЕЗИДЕНТСКИХ
ГРАНТОВ**

Проект Виталия Воловича
Координатор проекта
Юний Горбунов

История России. Река Чусовая (Фотоэкспедиция)

ПЕРМСКИЙ КРАЙ

Деревня Лещевка

Анатолий Тарасов

Врач-терапевт по образованию и профессии. Помимо врачевания много путешествует по родному краю и стране, а также неустанно занимается историей семьи. Написал о своем деде И. В. Тарасове, старожиле-труженике деревни Лещевки, назвав свой рассказ «Повестью о настоящем человеке». Два экземпляра этой книги — машинописный и компьютерный — бережно хранятся в библиотеке соседнего с Лещевкой поселка Калино. Живет в г. Чусовом. Мы публикуем фрагменты его повести.

**Старые фотографии —
из семейного архива
В.И. Тарасовой**

Деревня Лещевка находится в 20 км к западу от районного центра на левом берегу реки Чусовой. Точная дата основания деревни неизвестна. Скорее всего, время ее появления можно отнести к середине 17 века или рубежу 17-18 веков. Согласно летописям и преданиям, этот период отмечен активным заселением северных территорий Руси, а также Строгановских вотчин.

Раньше предполагаемых сроков наши предки вряд ли отважились бы здесь поселиться — положение приграничных с Сибирью земель, занятых русскими, оставалось довольно шатким. Дальше Чусовского городка укрепленных пунктов тогда не существовало, а набег кочевых остяков, вогулов, да и сибирских татар были в это время все еще не редки. Более поздние сроки тоже маловероятны.

Как правило, в первую очередь заселялись места возле крупных рек, где имелись плодородные почвы, высокосортные заливные луга, выгодные транспортные возможности. А «первая очередь» как раз и приходится на указанный период.

Известно, что близлежащие прибрежные поселения: Калин Луг, Камасино, Вереино — возникли в 20–30-е годы 17 века.

А.Тарасов

Повесть настоящем человеке

Чусовой - Пермь
2006 г

Обилие в реке рыбы, вероятно, повлияло на появление названия деревни – Лещевка. А может быть, первопоселенцем был человек с подобным прозвищем.

Наши предки, вероятнее всего, и были первопоселенцами. Сначала появилась Верхняя Лещевка, а потом уже Средняя и Нижняя*. Число дворов было невелико. Судя по ревизской сказке от 1850 года, там проживало несколько семей с одними и теми же фамилиями: Куликовы, Симоновы, Косотуровы... Мать Ивана Васильевича Тарасова носила в девичестве фамилию Косотурова. К тому же, Косотуровы владели домом, расположенным на самом возвышенном и видном месте. А первые жители уральских поселений традиционно выбирали именно такие места.

Отец Ивана Васильевича – Василий Осипович, уроженец села Верхнее Калино, обвенчался с Праксией Яковлевной Косотуровой из деревни Верхняя Лещевка. Молодые поселились в доме отца жены, в том самом, что стоял на видном месте. В 1898 г. в семье появился сын Иван – герой нашего повествования.

Василий Осипович имел добротное крестьянское хозяйство. По уровню достатка его можно было приравнять к середнякам. Дополнительным видом заработка стало золотоискательство. Известно, что был крещен, но в Бога не верил. После Революции участвовал в закрытии церкви, не отпет... Историк А. С. Шелковников отмечает, однако, что Советскую власть принял недружелюбно и был сердит на сына за его вступление в колхоз. Василия Осиповича наш-

ли мертвым на хуторе близ станции Калино во время промысла золота. Есть версия, что умер не своей смертью: мытье золота – штука опасная! Погребен Василий Осипович на кладбище села Копально.

Жена Василия Осиповича умерла в 1911 году, когда сыну Ивану исполнилось 13 лет.

В плане начального образования Иван Васильевич своего отца явно перещеголял – закончил два класса Копалинской школы. В 1916 г. вместе со своими земляками-лещевцами: Иваном Недорезовым,* Павлом Симоновым и Павлом Ермаковым поступил на Лысьвенский механический завод. Как самый старший и наиболее сильный из друзей, трудился в снарядном цехе, навертывал на снаряды боевую головку – здесь требовалась ручная сила и рабочая сноровка. В свои 18 лет Иван выглядел действительно впечатляюще: рост под два метра, стройный, красивый. Любил со вкусом одеться (зарабатывал, по-видимому, неплохо). На одной фотографии лысьвенского периода он стоит в роскошной ондатровой шубе и кубанке на голове. В руке элегантная тросточка – прямо буржуй! Увлечения тоже были не совсем деревенские. Мало того, что совсем не курил и почти не пил вина, он частенько посещал драматический театр, а также обожал представления с участием борцов, гиревиков. В это же время научился играть на балалайке и петь.

Первая мировая война была в самом разгаре. Нарастало недовольство политикой правящих кругов. Производство на заводе стало сокращаться, многих крестьян,

▼ Чусовая в Лещевке. Фото Лидии Чупиной

▲ И.В. Тарасов

▶ Дом-ветеран в Лещевке

ФОНД ПРЕЗИДЕНТСКИХ ГРАНТОВ

в том числе земляков и его самого, рассчитали. Иван Васильевич, который с рождения обладал «патологическим» чувством справедливости, конечно, не мог не поддержать большевиков.

Когда началась Гражданская война, вступил добровольно в красногвардейский отряд села Копально, который возглавил комиссар Ф. С. Долматов. Причем на первых порах был единственным красногвардейцем во всей Лещевке, где насчитывалось сто дворов. Участвовал в подавлении контрреволюционных выступлений на территории района.

Демобилизовался одним из последних. Страна лежала в разрухе, голоде. В деревню пришел крайне исхудалым, в разных валенках — белом и черном, с одним су-

▶ Перед дойкой

Река времени

► Семья Тарасовых

харем в вещмешке. Стоял январь 1922 года...

В пору НЭПа крестьяне получили землю. Тарасовым выделили луга в районе моста «Тряхуна» — между Лещевкой и станцией Калино. Работа в поле была не единственным занятием бывшего фронтовика. Приходилось трудиться на лесосплаве.

В верховьях реки Чусовой рубили лес и сплавляли его до Камы в город Пермь, где вылавливали и пускали в дело. После ледохода на берегах оседало много бревен. Их собирали, свозили на лошадях обратно к воде и составляли плоты. Работа требовала хорошей сноровки и была весьма опасна из-за срыва в воду.

Позднее Иван Васильевич сетовал, что долго не мог научиться держать равновесие на велосипеде, в то время как по бревнам бегал с ловкостью циркача.

В 1923 г. женился на Анне Николаевне Грачевой, уроженке деревни Темной, Копалинского сельсовета. По одной из версий, они познакомились в церкви села Копально. Ивана привлекала эстетическая сторона службы: внутренний интерьер храма, звон колокола, строгое пение, зычный голос батюшки. Нравилось рассматривать нарядных прихожан из окрестных деревень: Кучино, Боярки, Темной, Борисово, Лещевки, Козаево. Ни грубого слова, ни мата. Церковь была и местом сбора молодежи. Там, го-

ворят, и высмотрел Иван себе невесту.

Сыграв свадьбу, начали обзаводиться своим хозяйством. Жили они в половине пятистенного дома в Верхней Лещевке. Другую половину занимали старшие — отец Василий Осипович и его вторая жена Александра Никитична. В хозяйстве появились лошадь, две коровы, овцы, ульи с девятью семьями пчел, сельский инвентарь. Отец выделил сыну полторы десятины пашни и две десятины сенокоса. Пашня была разбросана маленькими полосками в 12-ти местах.

Первый в здешних краях колхоз был образован в деревне Борисово 28 апреля 1928 года. В Верхней Лещевке из двенадцати семей в колхоз вступили восемь. У колхозни-

ков было 35 соток земли, а у единоличников — всего 15. Иван Васильевич вступил в колхоз в числе первых и был выбран первым председателем созданного в Лещевке колхоза «Новый Мир». Раскулачиваемые элементы, благо их было не много, неоднократно грозили ему расправой. Да не на того напали. К этому времени Иван Васильевич имел закалку Гражданской войной и негибкое убеждение в правильности выбранного пути.

Через год успешного председательства Ивана Васильевича сменил на этом посту Иван Андреевич Недорезов. А Тарасов решил отдать себя любимому делу — пчеловодству.

Про пчел разговор особый, благоговейный... К моменту вступления в колхоз у Ивана Васильевича было 20 пчелосемей. Чтобы прочно связать себя с любимым занятием, он решил организовать колхозную пасеку. Выбрал место возле дороги между Средней Лещевкой и станцией Калино. Построили со сторожем домик, выкопали колодец, сделали ульев, рамок, пустили туда пчел, своих «родных» — огнятых. Завели коз, кур, кроликов, а для охраны — большую черно-пеструю собаку по кличке Карта.

Пасека со временем росла и расширялась. Появилась необходимость в строительстве новых пасек. И к началу Великой Отечественной войны Иван Васильевич организовал их еще три. Пасеку-родоначальницу отдал в распоряжение женщины-пчеловода, а себе

◀ Внизу — Иван Тарасов

оставил ту, что возле железнодорожных путей. Ходу до нее от Лещевки через станцию Калино — целых 16 километров. Но место для медоношения отличное. Много липы.

Все лето проходило в напряженной работе. Осенью собирались гнезда и составлялись в омшаник ульи. Омшаник был большим по площади и высоте: все ульи до двухсот пчелосемей размещались на стеллажах в два-три ряда. Непременным условием являлось сохранение оптимальной нулевой температуры в омшанике. В снежные зимы помещение заметало до самой крыши. В сильные морозы пчеловод и сторож приходили из деревни на пасеку и топили печь, иначе пчелы могли замерзнуть.

Через несколько лет Иван Васильевич становится лучшим пчеловодом в районе. Его приглашают на ВДНХ в Москву, где четырежды

▲ Пасека

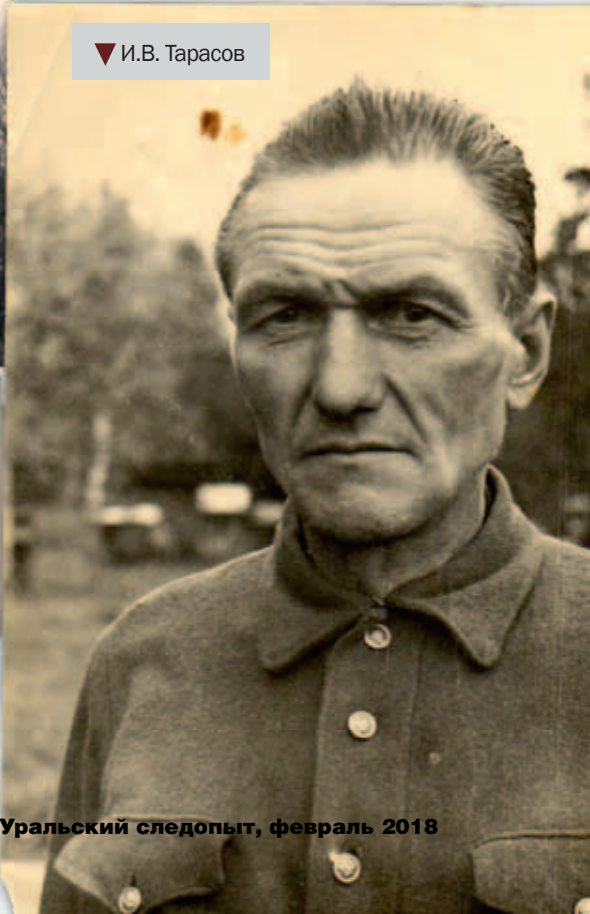
▼ Памятник павшим в годы Великой Отечественной войны.
Фото Юния Горбунова

вручают медали: серебряную и три бронзовых. В 1940-м году он едет на ВДНХ вместе с родственницей Марией Ивановной Грачевой — лучшим в районе коневодом.

Осенью, когда дела на пасеке прекращались, сам Бог велел бы Ивану Васильевичу расслабиться и отдохнуть. Но нет — это время было началом сборов на охоту, такого же по силе страсти занятия

▼ И.В. Тарасов

соб ловли не сердились — добычи хватало всем. 1-2 ведер было достаточно всей семье. Рыбу варили, жарили, засаливали впрок.

Иногда добыччик прибегал к помощи... ружья. Такой способ издревле использовался на Руси. Притомленная жаркими лучами весеннего солнца, щука неподвижно лежит на мелководье заливных лугов, наполовину торча из воды и создавая отличную мишень для стрелка. Убить ее — всего лишь дело техники.

Пчеловодством, охотой и рыбалкой деревенские заботы не заканчивались. Иван Васильевич мастерил для продажи лодки. Выделывал кожи из телячьих, лосиных, овечьих шкур, шкурки зайцев, куниц, белок.

Из выделанных кож знакомый сапожник шил сапоги на всю семью. Материал для дубления кож получали из коры лесной вербы (ивы). Помогали подрастающие дети. Каждую весну во время движения сока сдирали с дерева кору, вязали ее в большие пучки, а затем первой оказией увозили на пасеку. Там кора высыхала, ее толкли до возможно мелкой дисперсности и уже осенью или зимой доставляли домой в деревню.

Заготавливали также лубья (слипы) для мочала, коробов, настила на сани, пестерей, роевен, веревок. Для этого спиливали липу диаметром 20-30 см и длиной бревна 4-5 метров. Снимали с нее кору (лубья) и, предварительно хорошо расправив, погружали на дно озера, зафиксировав камнями. Осенью лубья вытаскивали, и они были готовы к применению.

нашего героя. До устойчивого снега Иван Васильевич уходил в тайгу охотиться на рябчика, глухаря, белку, зайца. Брал с собой охотничью собаку — лайку. Любимыми лесными угодами были ельники и осинники по речкам Боярке, Степковке, Северухе, Супичу. Когда земля покрывалась устойчивым слоем снега, охотился на более «серьезных» животных: куницу, лося. Иногда убивал барсука и рысь.

Взамен на сдачу мяса лося, шкурок куницы или белки добыччику причитался провиант и корм для собак. В заготконтору положено было сдать полтуши убитого копытного. Шкурка куницы, к примеру, стоила 100 рублей. За зиму Иван Васильевич отстреливал 3-4 лосей и полсотни куниц. Таким образом, прибыток для семьи от промысла был постоянный и немалый.

Такой же популярностью пользовалась рыбалка. Летом рыбаки здешней артели (человек пятнадцать) забрасывали невод как раз

напротив деревни Лещевки. Иван Васильевич то же самое проделывал на противоположном берегу. Попадались щука, карась, окунь, лещ, сорога... Иногда — судак. Артельщики на сей «воровской» спо-

▼ И.В. Тарасов с сотами

Жена Ивана — Анна Николаевна — работала в колхозной бригаде. Выполняла различные поручения согласно сезону. Сажала рассаду, поливала, полола, собирала урожай, сгребала сено, жала колосовые, копала картошку... Дома ходила за скотом, пекла хлеб, обстирывала семью. В личном хозяйстве имелись корова, овцы, свиньи, теленок, птица. Трудно было за всем поспевать. Помогали старшие сыновья. Хозяин навещался домой редко, особенно в летнюю страду.

Колхоз набирал обороты. Благополучно использовались земельные участки, фермы. То, что не хватало одному или нескольким людям, выдуживала бригада. Под силу стало содержать многочисленный тягловый скот и машинно-тракторную станцию (МТС). Старый тарасовско-косотуровский дом пришел в негодность и его без особых проблем перестроили.

Казалось, ничто не предвещало беду, но на землю русскую ползучим гадом пришла война...

В конце 1942-го старший Тарасов получил повестку на фронт. Сборы недолгие... Вначале прошел стажировку в сборном лагере под Чебаркулем Челябинской области. Когда новобранцев построили для комплектования подразделений, после-

довала команда: «Кто есть кузнецы, два шага вперед!» Стоявший рядом кузнец из Чусового по фамилии Сизиков буквально вытолкнул Ивана Васильевича из строя. Так определилась их фронтовая профессия, хотя на гражданке кузнецом он никогда не был. Возможно, этот шаг впоследствии сохранил ему жизнь, так как другим вариантом была отправка на передовую, в тяжелую артиллерию, отстоящую от линии фронта всего на 6–8 км. А возраст моего героя в то время был уже почтенным — 45 лет. Реакция не та, что у двадцатилетнего. Ивана Васильевича определили в 694-й отдельный батальон связи, 120-й стрелковой дивизии, 3-й армии, которая дислоцировалась под Тулой. Звание — рядовой, должность — кузнец, ковочный, при лошадях.

Что только ни приходилось: вытаскивать застрявшие в грязи машины, орудия, ковать «с ноги», вернее «с колена», лошадей своих и дивизионных... Чтобы подковывать лошадь не в станке, а в полевых условиях, нужна большая сила и сноровка. Ему это удавалось.

...По возвращении, в Киеве, согласно приказу, сдали лошадей. Обещанного вознаграждения за сдачу не получили. Но, слава Богу, вернулись живыми. Грудь воина украшали боевые награды.

Послевоенная жизнь потекла в прежнем русле. Иван Васильевич продолжил работу пчеловодом на колхозной пасеке. Начинаящим преподавал азы профессии, бывалых наделал опытом. Лучше него в пчеловодстве никто не разбирался. Часто гости просили у него пчеломатку для ульев. Тарасов в просьбах никогда не отказывал.

Умер Иван Васильевич 16 октября 1968 г. в своем доме. Похоронен на Копалинском кладбище, рядом с могилами родственников и предков.

Жизнеописание Ивана Васильевича Тарасова можно завершить словами сына Бориса Ивановича: «Некоторая зависть была к нему, ведь не многие имели такую вольную работу, да и пчел имели немногие. В нашей деревне, кроме нас, не было никого, в Средней совсем не было, в Нижней Лещевке — только у одних, да и в других деревнях так же. Есть чему завидовать: и мед продавали, и сдавали куниц, и лосиного мяса половину оставляли после сдачи в заготконтору. Сапоги и шапки беличьей всей семье шили от мала до велика. Все, что имели, заработано было своим трудом и разнонаправленной деятельностью. Но не из-за жадности. Деньги у нас всегда водились, и никто их не считал. В комод лежали — бери, кто хочешь». **УС**

*Как координатор проекта фотозкспедиции по реке Чусовой, спешу исправить невольную ошибку, допущенную в этюде «Рвение Огнедела» (УС. 2018. № 1). На карте путеводителя «Река Чусовая» (Свердл., 1936) на берегу реки значатся две отдельно стоящие деревни Лещевки: Верхняя и Нижняя, а на современной карте обозначена одна — Лещевка. Подумалось, что соседние исчезли. Но оказалось, что со временем деревни полинились домами-усадьбами, буквально сказать, взялись за руки и таким вот дружным хором разбежались по левому берегу Чусовой. Однако жители теперешней Лещевки непременно покажут вам, где, например, кончается Средняя и начинается Нижняя Лещевка.

▼ Лещевская дачница. Фото Лидии Чупиной

Иллюстрации из книги Андрея Иванена «Ивангородская Свято-Троицкая церковь». СПб., 2004

Документально-художественное повествование, которое мы продолжаем печатать, в этюдах-портретах рассказывает о судьбе Надежды Михайловны Половцовой, именем которой был назван сталерельсовый завод, поселок при нем, а потом и город Надеждинск (ныне г. Серов Свердловской области). Читателя ждут встречи с людьми, окружавшими Надежду: ее отцом бароном Штиглицем, супругом А.А. Половцовым, архитектором Максимилианом Месмахером, инженером А.А. Ауэрбахом, вел. княгиней Елизаветой Федоровной и другими. События их жизни происходят в С.-Петербурге, Ивангороде, на р. Нарове, в деревне Рапти под Лугой и на Среднем Урале.

Недавно Серовскому металлургическому заводу было возвращено имя Надежды Половцовой.

«В нашей истории снам принадлежит решающая роль».

Томас Манн.
«Иосиф и его братья».

Белая горлица

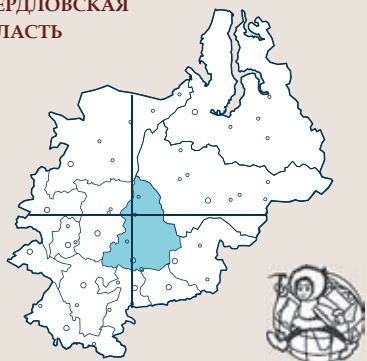
((Сны Надежды Половцовой))

Юний Горбунов

Писатель, историк издательского дела в России, автор сценария документального фильма и биографии Ф. Павленкова, нескольких книг, многих статей и очерков. Составитель материалов для словаря «Писатели России» (более 15 тыс. имен). Редактор отдела истории и краеведения в нашем журнале.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Тайна барона Штиглица

Сны и прежде нередко посещали Надежду. Один ей запомнился из самого раннего детства. Явился ей в Петербурге, но навеян был ивангородскими пенатами.

...Иное лето, когда позволяли папашины дела, они трое жили в своем ивангородском имении на реке Нарове. Мамаша так совсем бы от туда не уезжала. После кончины младенца сына Людвига на нее напдали приступы болезненного отчаяния. Она никого не могла видеть и спасалась только в ивангородском уединении. Легче ей дышалось в молодой дубовой аллее и в затейливых закоулках усадебного парка — уж Штиглиц расстарался по части

древо-кустарных редкостей. Но и когда появилась Надя, Каролина Логиновна неохотно возвращалась в Петербург. Деревянный почти игрушечный

дом-дворец Штиглица на Парусинке Ивангорода, как и петербургский, тоже стоял на берегу реки, и за спокойными в преддверии грядущих водопадов водами Наровы барон мог разглядеть очертания фабричных корпусов. Его и самого

окрестности по обоим берегам реки прямо-таки заворужили. Сначала впечатлили, конечно, «безработные» о ту пору водопады и остров Кренгольм, разделивший реку на два бурлящих потока. Это какая же сили-

▲ Александр Штиглиц

ща воды пропадает без дела и дохода! А чуть успокоится река, как тут же явит тебе два супротивных города с причудливым смещением градостроительных стилей, нравов и обличья горожан — шведов, немцев, русских.

А уж эти две неуступчивые каменные крепости — Нарвская и Ивангородская по обоим берегам! Обрусевший немец, Штиглиц оказался здесь в стихии своей генетической памяти, где в вечном то борении, то согласии соседствовали и немецкий педантизм, и шведская неуступчивость, и славянская безоглядность. Каждая из этих стихий чем-то своим одарила Штиглица. Но для дачной жизни выбрал он правую, русскую, сторону Наровы — ивангородскую. Здесь, у правого водопада, и обзавелся своими фабриками-мануфактурами.

Неподалеку образовался рабочий поселок, получивший ласковое название Парусинка — суконная фабрика Штиглица, помимо прочей продукции, производила парусину для нужд российского флота. Потом и весь правый берег Наровы до Ивангорода стал именоваться Парусинкой. Здесь Александр Людвигович свил гнездо летне-

го семейного пребывания — особняк-сказку сотворил ему архитектор Александр Иванович Кракау.

Они нашли друг друга и сошлись в 1850-х, когда питомец Императорской академии художеств, успешный насладиться образцами итальянского зодчества, служил старшим архитектором в Первом округе путей сообщения и строил Петергофский (ныне Балтийский) вокзал одноименной 30-километровой железной дороги из Петербурга в Петергоф — в летнюю дачу императорской семьи. А Штиглиц из своего, как говорится, кармана финансировал тогда прокладку этой дороги, употребляя на то весь немалый доход от Екатерингофского сахарного завода. Надо при этом сказать, что сталельсовая дорога, приуроченная к российским пространствам, с той самой поры всегда и неотступно витала в мечтах Штиглица этакой синей птицей. Как российская транспортная перспектива и неизбежность.

После ивангородского особняка он же, академик и профессор Александр Кракау, возвел на Парусинке храм Св. Троицы, а на Английской набережной Петербурга — тот

самый дом-дворец барона Штиглица. И храм Троицы на Парусинке, и особняк на Английской набережной, успевшей побыть набережной Красного Флота, пережили все смертельные напасти революций и войн и по сей день остаются памятниками исторических событий и зодческого искусства.

Надя росла папашинной дочкой. Ей нравилось, когда гости называли его бароном — такой большой, уютный и теплый барон. Её всегда тянуло к нему прижаться. И мамаша тоже на свое прозвание походила — пребывала именно баронессой со смешным хороводом буквы «с». Папаша, чем бы ни был занят, сразу все откладывал в сторону, когда появлялась Каролина Логиновна. Баронесса умела поставить себя в доме.

Перед сном папаша непременно что-то читал дочери. Так было и в ту петербургскую ночь после их совместной прогулки на окраинную Смоленскую слободу, где демонстрировали первую в столице конную железную дорогу — колеса двух ее вагонов, влеконых парой лошадок, катились по обитым железом деревянным брускам.

Правительство
Свердловской
области

Министерство общего
и профессионального образования
Свердловской области

Администрация
города
Екатеринбурга

Департамент образования
Администрация
города Екатеринбурга

23-25 марта 2018

МЕЖДУНАРОДНАЯ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ
ВЫСТАВКА-ФОРУМ

SMART
EXPO-
URAL

ОБРАЗОВАНИЕ от А до Я

smartexpoural.com

Генеральный
партнер:

Организатор:

Уральский центр
развития дизайна
Екатеринбург,
ул. Горького 4а

Умные решения - залог успешного будущего!

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ
ОРГАНИЗАЦИИ

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ
ПОДГОТОВКА

ОБЕСПЕЧЕНИЕ
УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА

НАУКА
И ИНЖЕНЕРНАЯ ШКОЛА

▼ Дача А.Л. Штиглица. Гравюра В. Ставенхагена. 1867 г.

Укладывая в постели 12-летнюю дочь, барон раскрыл попавшую под руку книгу. В ней писалось про осаду и взятие Нарвы русским войском летом 1704 года. Папаша читал тихо и монотонно: «9 августа, несмотря на упорное сопротивление шведов, Нарва пала, и Петр въехал в нее победителем, велел прекратить грабежи, как рассказывают, в гневе на послушание мародеров заколол одного из них шпагою».

Надя лежала в постели с закрытыми глазами, и ничего не мешало ей видеть перед собой всю картину происходящего.

▲ Профессор архитектуры А.И. Кракау

В какое-то мгновение она и вовсе забылась сном и увидела рыночную площадь Нарвы – островерхую, черепичную, булыжную, а среди домов и людей – себя, мечущуюся и одинокую в толпе. Люди куда-то бежали, надо было бежать и ей. Оказалось, бежали к той самой смоленской конке, вагоны которой были еще пусты. В дверях стоял кондуктор и продавал билеты. Надя хватилась: никаких денег у нее не было. Ее обгоняли, толкали, вагоны быстро заполнялись, и вот она уже почти одна на площади, и слышна уже близкая ружейная пальба. И тут появился мальчик. Он бежал к конке и проволочной погонялкой катил перед собой колесный обод. Вот он подхватил свой транспорт и уже

почти шагнул в вагон, но потом вдруг оглянулся на нее и вернулся.

– У тебя нет денег? – спросил.

Она утвердительно и отрицательно мотала головой, не находя слов от страха и растерянности.

– У меня есть рубль, – сказал мальчик и протянул ей большую монету. – Возьми.

– А ты?

– Ах, да! – спохватился мальчик. – Но мы поделимся с тобой.

Он взял монету двумя руками, пытаясь разломить пополам, но монета не поддавалась. А пальба приблизилась, кондуктор торопил, и люди в вагонах кричали.

Мальчик зажал монету зубами, и она, наконец, поддалась, разломившись на две половины. Отдав половинки кондуктору, они оказались в вагоне, и конка застучала по булыжнику железными колесами.

Надя ничего не таила от отца, утром она рассказала ему и этот свой сон. Барон как-то замер вдруг и долго сидел неподвижно, обратив взор в невскую даль за окном. И на реке, и на ее берегах было неохотное утреннее движение...

– Спасибо, дочь, – вдруг сказал Штиглиц и притянул Надю к себе. – Спасибо, родная.

Не сейчас ли только, читая отцово завещание и длинный список благодетельствованных им людей, поняла она эту его неожиданную благодарность?

Александра Людвиговича с молодых лет капризно и безудержно влекло к себе высокое искусство. В вольнодумном Дерптском университете им владели Шиллер и Гёте, невидаль европейских музеев, оперные премьеры... О другой стихии жизни юноша тогда и не помышлял.

Но на подступах к 30-летию на него холодным душем обрушились смерть

► Храм Св. Троицы на Парусинке был сооружен над могилой жены Штиглица — Каролины Логиновны Миллер (ум. в 1873 г.). В годы Великой Отечественной войны он почти не пострадал, а разрушался в мирное послевоенное время. Были снесены три из пяти глав, разрушен портал входа в склеп, осквернены гробницы. Церковь использовалась как склад на стройплощадке Нарвской ГЭС. Восстановление храма началось в 1997-м благодаря подвижничеству о. Александра (Салыкина). Фотография 1890 г. Из фондов Эстонского исторического музея

отца, его духовное завещание и многомиллионное наследство. Вчерашний студент и неоперившийся чиновник министерства финансов в одночасье стал держателем торгового дома «Штиглиц и К», а одновременно и тоже преемственно — придворным банкиром. Сам император Николай I умилившись новоявленным крезом не сиротить российскую казну. После войны с Наполеоном стране нужен был твердый рубль, обеспеченный надежным его держателем. А таковым и был испытанный торговый дом «Штиглиц и К».

Александр вдруг обнаружил, что и железной хваткой денежно-го дельца отец его не только не обошел, а наградил куда как щедро. Доказала это первая же финансовая удача: придворный банкир успешно реализовал за границей несколько целевых 4-процентных займов — на прокладку Николаевской железной дороги из Петербурга в Москву — первой в стране двухпутной магистрали.

При этом финансовые оппоненты, а особенно «патриотическая» пресса, то и дело кивали на пристрастие придворного банкира к зарубежным фирмам в ущерб заводам отечественным. Но барон смолоду умел считать. Тогда, в конце 50-х, английские заводы поставили России 8,5 млн. пудов рельсов на 6 миллионов рублей. То есть запросили 72 копейки за пуд. Российские же частные на Урале заводы — Нижнетагильский и Алапаевский — прокатали, сильно напрягшись, 2,5 млн. пудов. И при этом каждый пуд обошелся казне в 1 р. 33 коп. Это ли, считал барон, не хозяйское побуждение развивать и строить рельсовую индустрию!

Молодой финансист умел с выгодой для России партнерствовать с банкирскими домами Европы. Помог отечественной казне в пору Крымской войны. Первые железные дороги строил не только на иностранные займы, но и на свои благотворительные деньги. Ставил суконные, льно- и бумагопрядильные мануфактуры. Вот и в Ивангороде, у Кренгольмских водопадов, основал первые — суконную и льнопрядильную. И то надо сказать, что Нарву об руку с Ивангородом русские летописи издавна величали Ругодивом или Ругодеем — за уместность выделывать из конопли прядильное волокно (пеньку), а из него шить руги (одежды).

► Портрет А.Л. Штиглица с дарственной надписью А.А. Половцову

▼ Конка

Богател и сам Штиглиц. Но богател как-то неслышно, скромно и безрекламно, словно бы доходы, а за ними ордена и титулы беспощинно падали ему с неба. Про бытовую кротость придворного банкира даже ходил по Петербургу небеспричинный анекдот, что, мол, брадобрей, пользовавшийся барона долгие годы, так ни разу и не услышал его голоса.

Но с неба, как мы знаем, за просто так ничего не упадет.

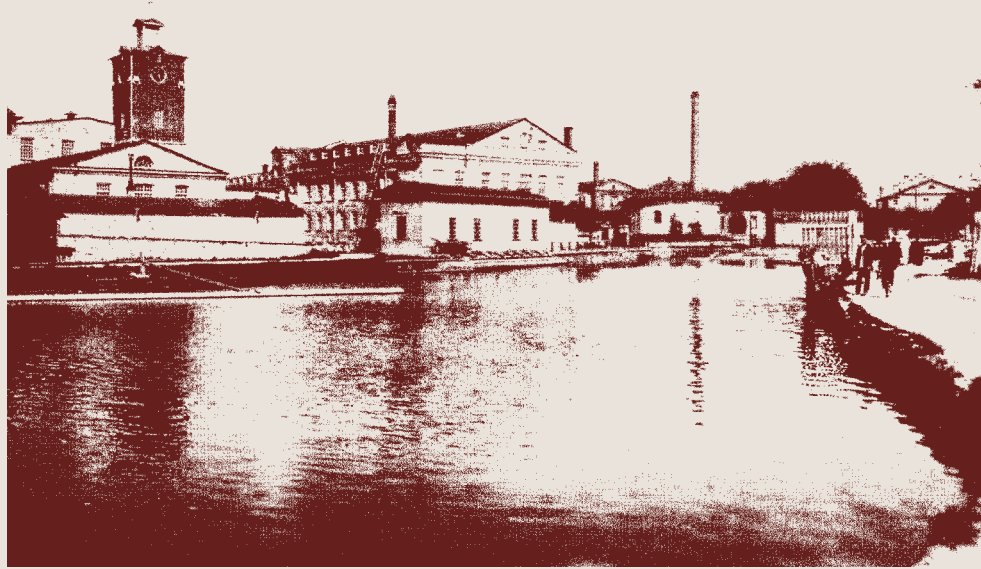
Два мощных русла питали денежную реку барона Штиглица — банковское и предпринимательское. Придворный банкир, вице-председатель Главного общества российских железных дорог, управляющий Государственным банком Российской империи... На таких должностях, монополично ворочая несметным, в разном его выражении, капиталом, даже ангел небесный, не моргнув глазом, себя любимого озолотит. Для этого есть уйма вполне легальных инструментов. Барон пользовался ими неукоснительно и виртуозно. Мимо рта не пронесет и своего не упустит. Но сделай он еще один шаг — и разверзлась бы манящая пропасть ада. У края ее — покосившаяся, дробью меченная, дощечка с полустертым древнебиблейским «Не укради!». На вид медлительный, всегда облаченный в форменный мундир чиновника финансового ведомства, вечное насупленный и во что-то углубленный, барон не делал этого влекущего шага. Императорская казна, касса Общества железных дорог, государственный банковский капитал — это для него повседневно святое. Святое друзей-приятелей, святое жены-берегини, святое пастора его лютеранской веры и... дочери Надежды? Тут бы барон усомнился, и на него дохнуло бы грехом. Бог спас — не утраздило. Грешат ведь люди совестливые. Для бесстыдного грех — привычная среда обитания.

Предпринимательские доходы текли к нему малыми ручейками, им самим, казалось бы, и не видимыми. Барон не знал — не ведал, например, что на его нарвских мануфактурах бытует налог на «свинство» — с тех работяг, что не «уважают» фабричное начальство и дерзят ему; невдомек было высокосмотрящему, что в детской его фабричной богадельне (рабочий день на мануфактуре у мужчин и женщин длился 14 часов) няньки поят детей маковым настоем, чтобы дольше спали, а не разевали ртов...

► Нарвская суконная мануфактура, бывшая Суконная фабрика А.Л. Штиглица. Конец XIX в. Гравюра из фондов Эстонского исторического музея

► Парусинка. Вид на Льнопрядильную фабрику. Фото начала XX в. Из фондов Эстонского исторического музея

Эти ручейки просто были не в фокусе его зрения.

Мало кто верил барону, по-своему толкуя его надувленную отрешенность и прочие «самости». Разве что какой суконщик его ивангородской «Парусинки»? Да и то едва ли. Барон шел по земной юдоли одиноко.

Зато была у барона богоданная, удивительная по сегодняшним нравам, прихоть. Кроме того, что он по-крупному благодетельствовал то коммерческому училищу и его пансиону, то российскому воинству, то воспитанникам учебных заведений столицы и еще много кому, барон признательно и неукоснительно обеспечивал своих служащих и всех, кто сотрудничал с ним — до артельщиков и сторожей включительно. Говорят, что на его ивангородских мануфактурах рабочим платили не в пример прочим на Кренгольме, и они тянулись сюда пешком и телегами со всей нарвской округи.

Словом, свой предпринимательский капитал барон добывал, по сторонам не глядя, не ведая, кого сиротил и чей карман чистил. А вот возвращал зряче, можно сказать, персонально. Брал, словом, у безликой толпы, а возвращал — глаза в глаза. И не скудела рука дающего. Возглавив в 1860-м Государственный банк, он, еще до известных преобразований царя-реформатора, измыслил для служащих судо-сберегательную кассу и три года оставлял в ее пользу львиную долю своего банковского жалованья. Эти жертвования потом составили «капитал имени барона Штиглица», и из его процентов

выдавали пособия вдовам и сиротам служащих. Той же тороватостью соплеменникам отмечено было, как мы знаем, и его завещание. Никого из своих сотоварищей по жизни и работе не забыл придворный банкир.

Вот такой российский крез опочил октябрьской ночью 1884 года на семидесятом году жизни. Не знал удержу ни в делании денег, ни в благодеяниях. Богат, как Штиглиц, говорили петербуржцы. Только ли к его карману надо отнести эти их слова?

А как досталась барону дочь? Эту тайну Штиглиц, кажется, унес с собой. И те, кто был в нее посвящен, тоже хотели, чтобы она навсегда осталась тайной.

После ухода всех близких к этой загадке, по разным печатным источникам, гуляла под рубрикой «ни для кого не секрет» красивая легенда, что Надежда была внебрачной дочерью сына императора Павла I великого князя Михаила Павловича и некоей фрейлины К. Младен-

цем якобы была она банкиру подброшена с именем и датой рождения, а также с вымышленной фамилией Июнева (в июне, мол, подбросили). Словом, царских де была кровей. Однако семейная эта интермедия не была подтверждена ни единым серьезным фактом и сочинена много после кончины всех ее действующих лиц.

В двух частных письмах И. С. Тургенева была озвучена и другая версия появления на свет нашей героини. Надежда в ней оказалась внебрачной дочерью самого Александра Людвиговича. Однако и тургеневский слухок не был, что естественно, никогда и никем подтвержден. На могильном склепе Н. М. Половцовой, кстати сказать, значит-ся девичья фамилия — Юнина. Эта фамилия «санкционирована» самим ее супругом, почившим на год позднее жены. Что это было с его стороны: усугубление тайны или ниточка к разгадке?

А еще в семье неслышно теплилось поверье, нашептанное девочке на детский ее вопрос про имя. Как папаша с мамашей долго-долго, не теряя надежды, ждали-искали себе дочь самую лучшевсехную и когда, наконец, нашли-дождались, то имя ей назвалось само — Найда-Надя-Надежда.

Как видим, поле для поиска и фантазий перед нами открывается неоглядное. Но мы не пойдем по нему: пусть тайна останется тайной, как того хотели ее современники. Помирим все версии на одной: Надежда Михайловна Юнина-Половцова была приемной и многожданной дочерью-наследницей придворного банкира Александра Людвиговича Штиглица. **✎**

Общество с ограниченной ответственностью
санаторий «Карагай»

Основан в 1969 году

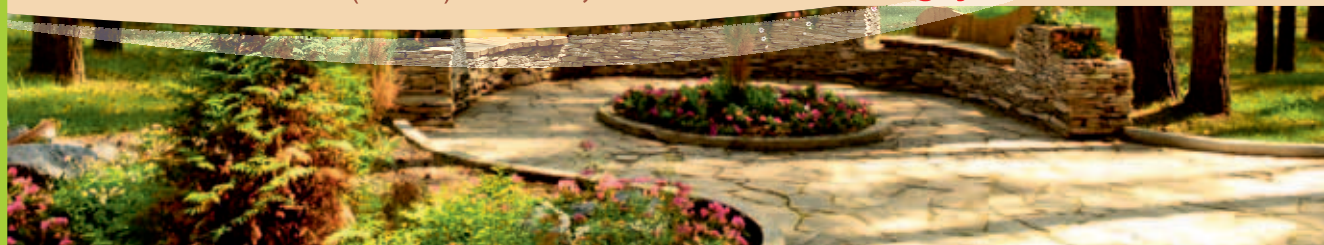
В живописном месте на берегу чистой горной реки Ик, в 300 км от городов Уфа, Екатеринбург, Пермь, Челябинск, в сосновом бору расположилась одна из лучших здравниц Республики Башкортостан - санаторий «Карагай». Великолепные вековые сосны и журчание реки создают атмосферу уюта и покоя. Сегодня санаторий «Карагай» является центром, предоставляющим многосторонние услуги по оздоровлению и восстановлению здоровья. Природные факторы как сапропелевая грязь озера Культубак, минеральная вода «Карагай» и хвойный воздух способствуют лечению заболеваний опорно-двигательного аппарата, органов дыхания и пищеварения, нервной системы, кожи и подкожной клетчатки, гинекологии и урологии.

В сентябре 2016 года открылось отделение лечения позвоночника, предлагающее услуги тракционной терапии: дозированное компьютерное «сухое» вытяжение шейного и поясничного отделов позвоночника на многофункциональном комплексе «Ормед профессионал», дозированное подводное вытяжение шейного и поясничного отделов позвоночника в природной минеральной воде на многофункциональном комплексе «Акватракцион», аппаратная кинезиотерапия на установке для активно-пассивной механотерапии позвоночника «Ормед кинезо».

Прекрасное место для семейного отдыха!

Республика Башкортостан, Мечетлинский район, с.Большеустьикинское, ул. Курортная, 90

тел. (34770) 2-08-52, 2-08-49 www.karagay.ru

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
www uralstalker.com

Февраль 2018

Аэлита

50

Законы Вселенной

АЛЕКСАНДР РОМАНОВ
Замерщик

50

62

Координаты чудес

ЕВГЕНИЯ МЕКШУН
Время запаха

62

69

Повод для улыбки

МИХАИЛ ЗАГИРНЯК
Полное отчество

69

71

Повод для улыбки

АЛЕКСАНДР МАРКОВ
Мой первый космический корабль

71

Замерщик

Александр Романов

Родился и живёт в Волгограде. Окончил Волгоградскую Архитектурно-строительную академию (сейчас — Университет) в 2000 г. Служил в ВС РФ в 2000–2001 гг. Работал дизайнером. Сейчас архитектор-проектировщик зданий и сооружений. Писать начал в 2013 году.

Сергей мне сказал:

— Пошли, что ли.

Я сказал:

— Пошли. А не рано?

— Не, нормально. Как раз обед.

Мы пошли.

Закрёл я наш один на троих кабинетик, прошли мы по коридору, поднялись по лестнице, выбрались на улицу. На улице было хорошо — пасмурно, пахло дождём.

Я спросил:

— Туда? — и рукой влево махнул. — Или в кабак?

И рукой вправо.

Сергей мне:

— Всё равно.

Пошли влево. Там был магазин и при нём был буфет — там тоже наливали.

Двинулись вдоль стены дома — вход в нашу расположенную в подвале контору был со двора, навстречу нам из-за угла вывернула наша секретарша Оля — как всегда красивая, как всегда ухоженная, чёрные волосы от быстрой ходьбы стелются по воздуху, как крыло птицы. Улыбается.

Я спросил:

— На работу, Оля?

Она улыбнулась ещё шире — зубы у неё были ровные и чуть желтоватые. Ничего не сказала, прошла мимо.

— Да-а... — вздохнул Сергей, когда мы дошли до угла.

Я оглянулся на Олю — она как раз спускалась по лестнице.

— И что тебе надо? — спросил Сергей.

— Что? — переспросил я.

— Ты ей нравишься.

— Ну и что?

— Она тебя любит.

— Мне всё равно, — сказал я.

— Замеры у тебя сегодня есть? — без перехода спросил он.

— Нет.

— У меня тоже.

— Тогда надо было в кабак, — сказал я, подумав. Мы развернулись и пошли в кабак.

Когда подошли к дверям с надписью «Кафе», Сергей спросил:

— Как думаешь, Оля знает?

Перед этими дверями он почему-то всегда это спрашивает.

— Знает, — то же, что и всегда, ответил я.

— А вдруг нет? — продолжил он — он всегда так продолжал.

— Может, и нет, — как обычно, согласился я. — Да ей знать и необязательно. Она секретарь. У неё ответы на все вопросы на листке записаны. А на какие вопросы ответы она не знает, она и не отвечает.

— Да уж, — вздохнул он. — А если предположить...

— Не нужно предполагать, — оборвал его я. — Она всё равно тебе ничего не скажет. Не положено.

Каждый раз он одно и то же спрашивает.

Знает ли она, куда мы ходим и что и для чего заходим? Знает ли она на самом деле, о чём и с кем она разговаривает по телефону? Что будет, если её спросить? Что будет, если она случайно проговорится? Что будет, если мы случайно проговоримся при ней? Что будет, если мы все случайно проговоримся?

Да ничего не будет. В крайнем случае, определят нас в седьмую психиатрическую — я Сергею так всегда и говорю.

Мы вошли в кафе.

Взяли по ноль пять светлого нефильтованного и по сто водки.

Выпили.

Сергей рассказал, как обмерял вчера квартиру на проспекте.

Там папа, мама и два мальчика. Мебель, вещи разбросаны — всё вроде, в общем, как у людей.

Если бы не эти ниши. И ванны.

Он, кстати (тут он оживился), предложил сделать им ниши поближе к окнам — и они согласились.

Я ничего ему на это не сказал — он и сам знал, что поближе к окнам нельзя. А можно и нужно как можно дальше.

Мы взяли ещё по сто.

Выпили.

Сергей рассказал, как обмерял на прошлой неделе в коттедже — ну, это я уже слышал. Про исходящий от фигур свет и прочую чушь. Сказал ему, что пьяным на замер ходить, вообще-то, не стоит. Чтобы не мерцилось всякое.

Он отмахнулся.

Мы выпили ещё, и я рассказал, как замерял вчера у пожилой пары с собакой. Сергей оживился ещё больше и стал спрашивать про собаку — под неё, считалось, замаскироваться сложнее всего. Сложнее даже, чем под ребёнка.

Я сказал:

— Собака как собака. Обычная. Лаёт. Если на неё смотреть. Молчит — если не смотреть. Нормальная такая собака. Я бы себе такую завёл.

Мы выпили ещё по сто и заказали по омлету и салат.

Сергей сказал, что собаку я бы себе никогда не завёл.

Я согласно кивнул.

— Женщину не можешь завести — хотя тебе и делать для этого ничего не надо. Они сами к тебе идут — только бери за руку и приводи домой. А тут — собаку.

Я сказал, что всё могу. И завожу — когда хочу.

А за руки не люблю — детский сад это какой-то.

Сергей затянул своё обычное: знаю, почему ты не можешь — тебе кажется, что женщины это и есть они — те, для кого мы замеры делаем под ниши и под ванны.

Я сказал, что Оля не такая — я точно знаю.

Он рассмеялся.

Принесли салат, и я понял, что мне, пожалуй, уже хватит — салат был не красно-зелёным, как обычно, а почему-то серым. И расплывался.

Я взял у Сергея сигарету и вышел на улицу.

Посмотрел на проходящую мимо пару — женщину пожилую и женщину помоложе. Представил, как они заходят в квартиру, задёргивают шторы и ложатся в стоящие в нишах ванны. Интересно, кто ложится первым?

Помял сигарету в руках и выбросил.

Мимо прошли трое парней.

— Это люди, — сказал Сергей — он, оказывается, тоже вышел и какое-то уже время стоял рядом.

— Мне всё равно, — сказал я.

— Как думаешь всё-таки, это туристы? — спросил Сергей.

— Обычные школьники, — бросил я.

— Я не про этих, — сказал он, кивая в сторону парней.

Я понял, что не про этих, а про тех, для кого мы делаем обмеры, просто решил — может, он так быстрее отвяжется?

— Нет, — говорю, — это инопланетные агенты. Которые пришли сюда, чтобы нас поднять.

Взял у него новую сигарету. Добавил:

— Из грязи. Ну и вообще — на новую ступень. На новый, так сказать, уровень.

Об этом мы, кстати, ещё сегодня не говорили.

Я размял сигарету в пальцах.

— А зачем им это? — спросил Сергей.

Я мысленно послал его на хрен.

— Не знаю, — говорю, — из альтруизма, наверное. У себя на планете они уже всего добились, теперь прилетели к нам.

Он сказал:

— А я думаю — хотят сделать из нас рабов.

— Ну, тебя и сделают, — говорю. — Каждому согласно его желанию. Вот ты, — говорю, — хочешь стать рабом — тебя им и сделают. Я хочу — на ступеньку выше. Меня и сделают выше. Буду я называться — популюс нову — человек новый.

— Так они и будут тебя слушать, — не обиделся на раба он.

— Вопрос не в том, будут ли они слушать меня, — я выбросил остатки сигареты, — а буду ли я слушать их.

— Ну-ну, — хмыкнул он.

Предложил:

— Пошли, возьмём ещё по одной?

Я сказал:

— Мне больше нельзя.

И мы пошли и взяли ещё по одной.

* * *

Я вышел из автобуса.

Поискал, куда бросить билет, и бросил его под ноги.

Вытащил клочок бумаги с записанным на нём адресом и зашагал по тротуару.

Под ногами хрустели засохшие огрызки, шуршали обёртки.

Нужный мне двор был завален мусором, подъезд был завален мусором, площадка перед дверью тоже была завалена мусором.

Перед дверью стояла Маша.

Она была нашим стажёром. А позавчера ночевала у меня.

Я спросил:

— Как дела?

Она не очень миролюбиво ответила:

— Пошёл ты!

Я сказал:

— Ты можешь идти домой. Я замер тебе засчитаю.

— Сам можешь идти домой, — сказала она. — Мне от тебя ничего не нужно.

Я нажал кнопку звонка.

Нас впустили внутрь.

В квартире было чисто.

Их было трое. Совсем как люди — а может, они и были людьми? — они выстроились в коридоре и стали задавать вопросы.

Вопросы были обычные: долго ли будет делаться заказ, дать ли нам стул, или рулетку, или тапочки, следует ли вынести старую мебель?

Я сказал, что заказ будет делаться неделю, стул нужен ей — указал на Машу, рулетка у нас есть.

Мы прошли в комнату.

Хозяин — низенький улыбчивый пузан, женщина — видимо, его жена — худая, с длинным лицом и длинной, покрытой уродливыми рыжими пятнами шеей, следом я, потом Маша, и за ней — девочка — тоже худая, тоже с длинным лицом и тоже с пузом.

Я подумал: удачная маскировка, никто на беременную не подумает, что она не человек.

Взял поданный хозяином стул, влез на него, вытащил из кармана рулетку и стал замерять и диктовать Маше — она заносила цифры в таблицу.

Хозяин спросил:

— Принести вам воды?

Я посмотрел на себя в висящее у розетки зеркало — стоящие торчком волосы, сухие губы, отсутствующий взгляд.

Посмотрел в зеркало на Машу — она, видимо, что-то такое заподозрила, потому что побледнела и подошла ко мне.

Я повернулся к женщине и спросил, кивая на шею:

— Сложно такое сделать?

Та чуть улыбнулась.

Маша вцепилась мне в плечо.

— А такое? — перевёл я взгляд на круглый живот девочки.

Отчётливо услышал, как застучали Машины зубы. Вспомнил, как было поначалу страшно мне, как я выползал после каждого замера и меня рвало прямо на площадке.

— Вы совсем как люди, — продолжил я, не в силах остановиться, одновременно пытаюсь внутри себя раздуть давно потухший страх. Чтобы до обморока или хотя бы до дрожи в коленях. Хотя бы немного. Испугаться. Чтобы остановиться. И потом выйти отсюда — живым.

Страх не было.

— Всё-таки воды, — решил хозяин, улыбнулся и, чиркнув пузом об косяк, выскочил из комнаты.

— ...Восьмой месяц уже, — сказала женщина. — Я понял, что она уже какое-то время что-то подобное говорит. — Узи сделали — сказали: мальчик.

Девочка вымученно улыбалась.

Я представил, как она с пузом лезет в свою ванну. Открыл было рот, чтобы её об этом спросить — Машины ногти чуть не проткнули плечо насквозь.

Вернулся с водой пузан.

Я сказал:

— Мне бы чего покрепче.

Маша тихо сказала:

— Будет тебе покрепче, всё что угодно тебе будет — только молчи. Молчи, я тебя очень прошу. Я жить хочу — ты понимаешь?

И тихо заплакала.

Я взял стакан, подал ей. Она впиалась в его край зубами, так, словно собралась этот край отгрызть.

По моей руке потекло.

Я сказал:

— За договором зайдёте в контору. Когда будет удобно. Хоть завтра, хоть через неделю. Тогда и подпишите. Заказ я запущу сегодня.

— А без договора станут делать? — взволнованно спросила женщина.

Совсем как человек, подумал я. Переживает. Знает, что будут. Знает, что никакой договор на самом деле не нужен, что он фикция, прикрытие — и всё равно спрашивает.

Посмотрел на пятна на её шее. Потом на живот девочки.

Сказал:

— Спасибо.

И повёл Машу в коридор.

Остальные пошли следом, спрашивая: за что спасибо, это вам спасибо и вашей фирме спасибо, и вообще...

Я сказал про себя: за то, что не убили — спасибо.

Помог Маше обуться, обулся сам.

Мы вышли на площадку, спустились вниз.

Я сказал, вытаскивая из кармана сигарету:

— Ну вот, теперь ты настоящий замерщик.

Дал сигарету ей — она смогла взять её с третьего раза, так сильно тряслись у неё руки.

Она сказала:

— Я не курю.

Я сказал:

— Я тоже.

Вытащил ещё сигарету.

Зажигалку.

Зажёг.

Затянулся.

— Я напишу на тебя докладную, — клацая зубами, сообщила Маша.

— А говорила — всё что угодно мне будет, — хмыкнул я. — Только, мол, молчи.

Она зашевелила ноздрями. Взяла меня за руку с сигаретой, притянула к себе, понюхала.

Добавила:

— И про это тоже напишу.

Я кивнул. Спросил:

— Бумагу дать?

— Урод, — сказала она. — Ненавижу. Ты же знаешь — спрашивать ни о чём нельзя. Ты же подписку давал. Тебя же уберут — если узнают. Сотрут в пыль. Никто даже и не узнает, что с тобой произошло.

Я докурил — «заряд» закончился, дальше пошёл обычный табак — а я ведь не курю.

Бросил сигарету.

Спросил:

— Страшно?

Она швырнула сигарету и сказала:

— Пошли.

Я подобрал сигарету, бережно спрятал её в карман.

Сказал ей — она направилась вправо:

— Влево ближе.

— Откуда ты знаешь? — процедила она.

— Я всё здесь знаю, — ответил я. — Влево ближе. И водка там дешевле.

Она вернулась ко мне, взяла за руку.

Я высвободился, сказал:

— Пойдём.

Позволил ей забрать у себя папку и рулетку и повёл влево.

* * *

Сергей быстро прожевал, посмотрел на копошащуюся у стойки Машу и уверенно сказал:

— Она останется.

Я устало сказал:

— Уйдёт.

— Опять ты что-то сделал? — спросил он. Взял со стола бутылку, разлил по трём рюмкам.

— Я тут ни при чём, — сказал я, икнул. — Сегодня сходили. На замер. Она — стажёр-замерщик. Я — замерщик с опытом. Она смотрела, я показывал. Всё прошло нормально. Даже отлично — я считаю.

Я замолчал — от барной стойки с вилками возвращалась Маша.

— Сука ты, — беззлобно сказал Сергей.

Улыбнулся подошедшей Маше.

Я тоже улыбнулся.

Она села. Раздала нам вилки.

Заговорщицки подмигнула. Точнее, это она, наверное, считала, что заговорщицки — лицо её пьяно перекосило, один глаз задёргался, второй закатился.

— Они прилетели нам помочь, — громким шёпотом заявила Маша. — Я точно знаю. Я сегодня это поняла.

«Потому что не убили?» — чуть не спросил я, но сдержался.

Она придвинулась ко мне, повернулась к Сергею. И стала говорить о том, что она тоже видела исходящий от фигур свет, что самый сильный свет шёл от беременной девочки, но Андрей — то есть я — его не видел. Не видел, наверное, потому что видеть просто не мог — человек Андрей такой. Ничего вокруг себя не видит. И не чувствует. Но она всё равно его любит — она прижалась к моему плечу щекой.

Я сказал ей:

— Завтра не опаздывай.

— Мы уже расходимся? — игривым голосом спросила она.

— Нет. Просто не опаздывай и всё.

Потом Сергей снова — уже в третий раз за сегодня — рассказал о том, как был на прошлой неделе в коттедже и видел, что от НИХ идёт свет. От всех сразу — вот это

было зрелище! Он, значит, лазит с рулеткой и старается в их сторону не смотреть — а они светятся.

От раза к разу история обрастала всё новыми подробностями.

— Желтоватый такой, — говорил Сергей, — очень яркий. Как от лампочки. Или от свечки. И шёл отовсюду — вот вроде пришелец этот светится и его видно не должно быть — настолько свет яркий — а на самом деле всё видно отлично. Вот как вас сейчас. И ресницы видно, и родинки, и все морщины.

Мы выпили.

Я сказал ему, что он брехло.

Маша снова сказала, что любит меня.

Мы снова выпили, и я напомнил Маше, чтобы завтра не опаздывала. Она сказала, что опоздать она не сможет — мы же уйдём вместе. Сначала пойдём ко мне. А завтра утром — на замер.

Я сказал:

— О'кей. Так и сделаем.

Мы снова выпили. Заказали ещё бутылку.

Маша, глупо хихикнув, сказала:

— Пардон, господа.

И, хватаясь за спинки стульев, уковыляла в туалет.

Сергей сказал:

— Сука ты. Зачем это сделал?

Сначала я не понял, о чём он говорит, потом мы выпили ещё по одной, и до меня дошло — Маша успела ему рассказать о нашем замере.

— Она же чуть не уволилась, — сказал Сергей. — Ты знаешь, сколько стажёров у нас было за последние полгода? И ни один не остался. Скоро работать будет некому.

Я сказал:

— Она уйдёт. Просто сама ещё об этом не знает. А может, знает, но даже себе не признаётся. У неё на лице написано — приглядиись.

И сам посмотрел на его лицо — и такое на нём было выражение, возмущённое и ещё осуждающее, что ли, как будто он на самом деле переживал за этих наших стажёров, за наши замеры и, в конце концов, за этих пришельцев (или кто они там были на самом деле?), что я не выдержал и спросил:

— Так хочется стать рабом?

Я подумал, что он меня сейчас ударит — так у него резко исказилось лицо. Он даже привстал и поднял руку с раскрытой ладонью.

Потом весь обмяк, разлил по рюмкам и, никого не дожидаясь, выпил.

Я сказал:

— Я в туалет.

Встал и двинул по проходу в сторону барной стойки. Налево от неё был туалет, направо — выход.

Я увидел в отражении витрины, как Сергей кладёт голову на руки, и свернул направо.

* * *

— Пошли? — спросил Сергей.

— Пошли, — сказал я.

Мы вышли из кабинета.

В коридоре в своём закутке сидела секретарша Оля. Она достала Машину анкету и сунула её в шрёдер.

Я как всегда спросил её:

— Как дела?

Она как всегда не ответила.

Мы вышли на улицу.

Пошли направо.

Сергей спросил:

— У тебя сегодня замер?

Я сказал:

— Да.

— У меня тоже, — сказал он. — Тогда пошли в магазин.

Мы развернулись в противоположную сторону.

В магазине не горел верхний свет — полки и кассы тоннули в полутьме. Бар светился огнями — витрины были похожи на прогулочные корабли на ночной реке.

Мы взяли по сто пятьдесят и по пирожному.

Сергей сказал:

— Сволочь ты. Ушёл вчера.

Я ничего не ответил.

Он выпил и добавил, вытерев губы.

— Но спасибо. Маша ночевала у меня.

Я сказал:

— Пожалуйста.

Он внимательно посмотрел на меня.

Съел пирожное.

Я съел своё.

Выпил.

Мы вышли на улицу.

Я вытащил бумажку с адресом.

Сергей заглянул в неё и сказал:

— Пошли вместе. Сначала на мой замер. Потом на твой. Адреса рядом.

— Бздишь? — спросил я.

— Ага, — сказал он. — Ещё как. — Помолчал и добавил: — За тебя, идиота, волнуюсь.

— А ты не волнуйся, — посоветовал я.

Мы помолчали.

— Там бар есть, — сказал Сергей. — Как раз между адресами. После зайдём.

— Зайдём, — согласился я.

Мы зашли в офис, взяли папки и рулетки.

Вывдвинулись.

Чем дальше мы отходили от офиса, тем грязнее становилось вокруг. Как будто офис был центром, а всё остальное вращающейся вокруг этого центра помойкой.

— Они точно светятся? — спросил я Сергея перед дверью квартиры.

— Точно, — сказал он. — Сам увидишь.

— Сомневаюсь, — сказал я. — Я же ТАКОЙ человек. Внутри нас как обычно спросили про стул, тапочки и сроки.

Сергей принялся обстоятельно на всё отвечать, я же прошёл в комнату. Следом за мной прошли хозяйева — две не похожие друг на друга женщины примерно одного возраста; судя по всему, явно не сестры.

В комнате стояла двуспальная кровать.

В голове у меня возникло и стало крутиться слово «толерантность».

Ещё фраза: «однопольный брак».

Сергей зашёл в комнату, посмотрел на меня, подошёл и встал рядом, видимо, истолковав как-то по-своему выражение моего лица.

— Я молчу, — сказал на всякий случай я. — Я ничего.

— Вот и молчи, — прошептал он и, пододвинув принесённый стул, полез измерять.

Я сказал ему в спину:

— Здорово они имитируют. Даже до такого уже дошли.

Спина вздрогнула. Голова вжалась в плечи.

— Вам ещё что-нибудь принести? — спросила одна из женщин — та, что повыше и посветлее.

Я сказал:

— Не надо.

Ещё сказал:

— Мы обычно ходим по одному. Но сегодня решили вдвоём.

Хмыкнул и добавил, глядя высокой в глаза:

— Как чувствовали.

Сергей больно ткнул меня в спину.

Я выразительно посмотрел на кровать.

— Вдвоём всегда лучше, — сказала вторая женщина. — Надёжнее. И проще.

— Точно, — сказал я. — И веселее.

Сергей слез со стула. Сунул мне лист и буркнул:

— Записывай.

Я стал записывать. Молча. Только иногда поглядывал на женщин.

Мы закончили. Я отдал лист Сергею, и он стал загалкивать его в папку. Руки его заметно дрожали.

Я спросил у женщин:

— У вас всё по-настоящему? Как у людей? Совсем-совсем? Даже ночью? — мотнул головой в сторону кровати.

Сергей осипшим голосом быстро сказал:

— Договор вы можете получить в конторе. Заказ мы запустим сегодня.

Та, что повыше и посветлее, сказала:

— Хотелось бы побыстрее.

— Будет готово через неделю, — едва дав ей договорить, сказал Сергей.

Я подошёл к кровати. Потрогал — мягкая. Повернулся.

Сергей посмотрел на меня и заметно побледнел. Видимо, на лице у меня проступило слово «толерантность». А может, «однопольный брак».

Я спросил хозяйев:

— А дети у вас есть?

Высокая улыбнулась — доброй и всепрощающей улыбкой — с такой обращаются обычно к ребенку.

— Могли бы быть, — сказала та, что пониже и потемнее.

— Не разрешили, — понимающе покивал я.

Сергей сделал мне знак уходить.

— У нас тут не там, понимаю, — сказал я, решив не уточнять, где это — там — я и сам точно не знал.

Прошёл к выходу, встал у двери и сказал:

— Завели бы тогда собаку, что ли.

Высокая громко вздохнула.

— Ах да! — вспомнил я. — Собаку сложнее маскировать.

Посмотрел на Сергея и подумал: молодец, держится. Маша от страха уже бы обделалась.

Хотя, может, и этот обделался.

Выйдем — спрощу.

Он ещё что-то им говорил, они что-то говорили — я уже не слушал. Вышел из квартиры и, перешагивая разбросанный по ступеням мусор, спустился вниз.

Мимо подъезда прошла женщина с коляской, в которой сидел ребёнок лет шести и громко пел. Основным словом припева у него было слов «бля». Мама слушала его и улыбалась.

Вышел Сергей. Дрожащими руками достал сигарету. Сказал:

— Сволочь ты.

Я вытащил свою.

Покрутил в пальцах.

Решил, что потерплю. У нас ещё второй замер. А после него мне точно нужна будет доза. А если курить два раза в день — второй раз не торкает. Ну, или торкает, но уже не так.

— Зачем ты это говорил? — спросил Сергей. — Знаешь же, что нельзя. Нельзя спрашивать ни о чём, кроме замера.

— Я ни о чём и не спрашивал, — сказал я. — Кроме замера.

— Сволочь, — повторил Сергей.

Он осторожно сунул руку сзади в штаны — видимо, проверял, всё ли там нормально.

Я сказал:

— В баре есть сортир. И душ.

— Пошёл ты! — огрызнулся он.

— И магазин, — продолжил я. — Прямо в этом же доме. Только с другой стороны.

— Жить надоело? — зло спросил он и резко выдернул руку из штанов.

— Я куплю тебе штаны, — сказал я. — И бельё.

Он выпучил глаза.

— Только никому не говори, — сказал я. — А то ещё подумают... Решат, что мы как эти...

Я мотнул головой в сторону подъезда.

Он зло воткнул сигарету в рот и затянулся.

— До чего дошли, — сказал я, поковырял носком ботинка асфальт, — даже такое уже копируют. Чтобы не отличаться. Ты представляешь, — я вдруг воодушевился, — до чего мы дошли, если, чтобы не отличаться, они копируют такое, а? Нет, чтобы: папа, мама, дочь. Или: папа, мама с животом. Или: две сестры. И племянница — дочь третьей. Или чтобы: папа, мама, сын, собака — стандартный набор. А эти... Суки. Вот суки...

— Тебе-то что? — спросил Сергей.

Он уже успокоился.

— Да ничего, — бросил я. — Твари.

И добавил:

— Пошли в бар. Сейчас.

— Сначала замер, — напомнил Сергей.

— Хрен тебе, — сказал я. — Сначала в бар. Иначе не пойду.

Он кивнул, затушил сигарету, сунул окурочку в коробку.

И мы пошли в бар.

В баре сидела Маша.

А может, не сидела, а сначала зашли мы, а потом уже появилась она. Точно не помню. Сергей говорил, что она шла мимо и, увидев нас через витрину, зашла. Мне кажется, что она была там сразу — сидела у сортира. Но ему, конечно, виднее.

— Мне тоже закажите, — попросила она.

Мы заказали и ей. На меня Маша не смотрела и вообще делала вид, что меня как бы нет.

Мы выпили.

Съели по котлете.

Ещё выпили.

Маша сказала, что пойдёт на замер с Сергеем — так ей будет спокойнее. Хоть она и уволилась — всё равно.

Я сказал, что они могут вообще не ходить — я сам всё сделаю.

Сергей зыркнул на меня — мол, заткнись.

Маша выпила свою рюмку. Потом тут же рюмку Сергея. Сказала ему:

— Я умыться, милый, — и пошла в туалет.

Я показал ему глазами на выход.

Он вздохнул и сказал:

— Вот урод.

Я не стал уточнять, про кого это он.

Сказал:

— Ты её в офис не приводи. Чтобы она меня не видела. И домой я к тебе пока приходить не буду. Во избежание.

Он начал багроветь — я пододвинул ему свою рюмку. Он быстро выпил.

Я ласково сказал:

— О тебе же забочусь, дурачок.

Он хотел что-то сказать, но не успел — вернулась Маша. Подошла к нему сзади, прижалась и обхватила руками за шею.

Я деликатно отвернулся.

Потом мы выпили ещё, заказали ещё по ноль пять светлого — выпили; и пошли на замер.

На улице было шумно, сидели компании, пили, где-то дрались.

Я спросил у своих:

— Праздник, что ли, какой?

— Не знаю, — ответил Сергей.

Маша шла, держа его за руку и демонстративно глядя в противоположную от меня сторону.

У подъезда я сказал им:

— Последняя возможность. Идите. Я сделаю всё сам.

— Я была права, — вдруг сказала Маша, обращаясь к Сергею. — Они светятся — но не все это видят. Вот мы с тобой — видим. Другие — нет. Кто-то, получается, может, а кто-то нет. Это как дар. Как гениальность. Они либо есть, либо нет. Вот ты видел свет сегодня?

— Видел, — зачем-то соврал Сергей — я-то точно помню, что никакого света от этих двух дамочек не было.

— Ладно, — говорю, — не хотите как хотите. Я предупредал.

И резко пошёл в подъезд. Маша вскрикнула — наверное, я её случайно задел или, может, пыталась остановить Сергея — тот тоже пошёл за мной.

— Не бзди, Маша, — сказал я, когда мы поднимались. — Не первый это замер. И не последний. Сейчас всё сделаем и в бар. Или домой — а там в кабак, — перешагнул сразу две ступени. — Куда хочешь — выбирай, — говорю и поглядываю то на Сергея, то на себя — глаза скашиваю. — Только, — говорю, — смотри не ошибись. — И кулак незаметно ей показываю.

И сам думаю: только попробуй ко мне рыпнуться. Только попробуй из-за меня его бросить. Я тебе тогда такие замеры устрою. Я тебе тогда таких пришельцев покажу. Я тебя тогда самолично сдам и попрошу в ванну уложить — пусть меня за это даже и сотрут.

Короче, поднялись мы.

Вошли.

Я пропустил этих двоих вперёд, дверь придержал и говорю с порога:

— Здорово, товарищи пришельцы! Или кто вы там есть?

Маша позеленела — даже сквозь волосы видно стало проступившую на затылке зелень.

Сергей обернулся и глазами мне делает, мол, замолчи.

Я говорю:

— Наше вам земное! В пояс кланяемся! И милости просим!

Прошёл вперёд и спрашиваю:

— Где мерить?

В коридоре стояли четверо.

Высокий мужчина в больших очках с толстыми линзами. Женщина — маленькая, грудастая, с мелкими на голове кудрями. Мальчик — тоже в очках и с бутылкой воды в руках. И собака — почти оранжевого цвета дворняга с коричневыми блестящими глазами.

Я говорю:

— Стул нам, — оглянулся на своих — те были светло-голубого цвета, — поправился. — Лучше два. И воды. Два стакана, растопырил пальцы. — Рулетка у нас своя есть. Готово будет через неделю. Вот так.

Прошёл в комнату и стал измерять.

Зашли хозяйева, следом за ними вполз со стаканом воды Сергей. За ним — Маша, тоже со стаканом воды.

Вцепилась в Сергея.

Я громко сказал:

— Ну вот, нормальная семья. Вот это я понимаю — маскировка. Не то что эти толерасты.

Сергей уронил стакан. Я посмотрел, как растекается по полу вода, и сказал:

— Он первый раз. Новичок. Волнуется. Так что вы... — хотел сказать: не трогайте его, он ничего ещё не знает; но не сказал — ко мне вдруг бросилась Маша. Стала целовать меня как безумная и что-то неразборчиво шептать.

Я говорю:

— Уйди, дура! Не видишь — я занят. А ты лезешь. Ещё и при людях. Точнее, не людях, — я повернулся к ним, — а кто они там на самом деле?

Отстранил её, так что она упёрлась спиной в стену, и спросил, глядя мужчине в глаза:

— Кто? А? Пришельцы? Новые люди? Боги?

Он спросил как ни в чём не бывало:

— Вы качественно делаете?

Я говорю:

— Качественно. Сейчас как сделаем.

Взвесил в руке рулетку — а она тяжёлая, с килограмм примерно. И говорю:

— Сейчас покажу.

Шагнул к нему и замахнулся — сейчас, думаю, я узнаю, кто ты там на самом деле есть.

Бог ты или обычный турист.

И тут я всё увидел.

Только что они стояли передо мной все четверо — обычные — папа, мама, ребёнок и собака, и тут же все четверо исчезли. Точнее, не исчезли, а словно провалились — так мне сначала показалось. Как будто комната стала нарисованной и нарисованными стали фигуры — до этого бывшие нормальными, плотными, осязаемыми; даже не нарисованными, а словно выдавленными. Исчезли и вместо них появились фигуры другие — исходящие ярким светом.

Вскрикнула Маша. Прижалась ко мне.

Я хотел было сказать ей:

— Уйди, дура, не видишь, я делом занят?

И не смог — язык не слушался.

Ноги стали ватными, и тело как будто исчезло. И все звуки тоже — только слышался хруст и шелест — это ломались у меня в пальцах сигареты с «зарядами».

Фигуры светились.

Как лампочки.

Или как свечки.

Казалось, что видно ничего не должно быть — таким ярким был свет, тем не менее, видно было всё.

И ресницы, и родинки, и морщины.

И на короткий миг я понял, кто они и что они.

Зачем они здесь и почему.

И что хотят от нас.

Что мы получим — если сами того захотим.

Понял, что нет никаких «их» и нет «нас». Нет «этих» и «тех».

А есть одно единственное большое «мы».

И пока сами мы — «мы» малое, часть этого общего «мы», не захотим и не поймём, пока мы не почувствуем, что готовы стать «мы» большим, другая часть этого «мы» так и будет сидеть в установленных в нишах ваннах и ждать.

И всё равно им, как мы к этому пониманию придём и как мы их будем называть — пришельцами, высшим разумом, «популюс нови» или даже богами — им главное, чтобы мы пришли к этому пониманию сами.

Поняли сами — и сами поднялись.

А они никуда не торопятся.

Их дело — быть.

И чтобы мы знали о том, что они есть.

Свет погас.

Фигуры исчезли.

Я увидел рядом с собой заплаканное Машино лицо. У стены стоял Сергей — короткий чуб его стал седым.

— Ты понял, ты теперь понял? — силло выдавила Маша.

— Нет, — соврал я. — Что я должен был понять?

— А свет? Я же говорила — они светятся!

— Нет, — сказал я. — Не светятся.

Она встряхнула меня.

— Неужели ты не хочешь — подняться?

— Подняться — хочу, — сказал я.

Обнаружил, что сжимаю изо всех сил рулетку и папку. Расслабил пальцы — они затряслись.

Обошёл Машу. Тронул Сергея за плечо и сказал:

— Пошли.

Он заметным усилием оторвался от стены.

Вышел за мной в пустой коридор.

Я встал к двери, обернулся — Сергей остался в проёме. Рядом стояла Маша и держала его за руку.

— Пошли, — повторил я, — в кабак — как собирались.

Они продолжали стоять.

И начали вдруг светиться — или это мне только показалось.

— Пошли, — повторил я, уже зная, что они никуда не пойдут.

Что они — поняли.

И ещё — захотели.

Я сказал:

— Заведите себе собаку.

Сергей кивнул.

Маша снова заплакала.

— И мальчика, — добавил я. — Сначала — мальчи-ка. Потом собаку.

Подошёл к Сергею, залез к нему в карман, вытащил сигареты.

Посмотрел — они были обычными.

Потребовал:

— Дай!

Он покачал головой.

— Нету.

— Я знаю — есть, — не отставал я. — Тебе они уже не нужны. Дай!

Он вытащил из заднего кармана сигарету и дал мне.

— А говоришь — нету, — хмыкнул я.

— Не уходи, — едва слышно прошептала Маша.

Я подошёл к двери, открыл.

Вышел на площадку.

Бросил через плечо:

— Я ещё приду. На замер.

Сунул сигарету в рот и стал спускаться по ступеням вниз. **УС**

Время запаха

Евгения Мекшун

Родилась в 1982 году в России на Дальнем Востоке — на земле больших диких кошек и действующих вулканов, реликтовых лесов и чёрного песка, искрящегося нитями чистейших горных ручьёв. В 2004 году окончила фармацевтический факультет ДВГМУ, где углублённо изучала лекарственные свойства растений. Начала писать по наитию ветра. Ловите свой ветер, слушайте Природу и читайте хорошие книги!

— Чего вы от меня хотите? — не поднимая глаз на собеседника, пожилой мужчина энергично водил ручкой по бумаге, шифруя чью-то жизнь в медицинские криптограммы.

— Хочу, чтобы вы выписали мне таблетки.

— Вы не больны.

— Я не могу дышать! По-вашему, это нормально?

Мужчина дописал, поставил острую точку, насадив на стержень сразу несколько листов тетради, и нехотя обратил на девушку усталый взгляд:

— Рене, я ведь уже говорил вам, что синестезия — не заболевание, а всего лишь специфическая особенность некоторых людей иначе воспринимать окружающий мир. От неё нет и не может быть лекарства.

— Всего лишь?! Я читала про синестезию. Это врожденное, а я до последнего времени ничем похожим не страдала!

— У вас в мозге была опухоль, веское основание для проявления аномалий. Считайте это остаточным явлением после успешного излечения.

— Успешного?! — задохнулась от негодования бывшая пациентка. — Я вижу запахи...

— Да, а есть и такие, кто видит звуки и слышит цвет, — спокойно парировал врач. — Рене, я — онколог и сделал то, что от меня требовалось, остальное — в руках Господа. Или психиатра, — вновь уткнулся он в бумагу, давая понять, что разговор окончен.

Уязвлённая, девушка подскочила с кресла и, перегнувшись через край стола, едко прошептала:

— Вы даже представить себе не можете, что они мне показывают!

Хлопнув дверью, она выскочила в залитый ярким светом коридор и, натянув на лицо шарф, напитанный знакомым запахом дома, поспеши-

ла к лифту: не дай бог ей вдохнуть что-нибудь резкое и пахучее без предварительной подготовки и концентрации на реальности. С тех пор как у неё обнаружилась эта проклятая опухоль, органы чувств ей больше не принадлежали. Рене ничего не понимала в отсутствии дифференциации сигналов у себя в голове, о которой твердили доктора, но результат этого отсутствия она отлично прочувствовала на собственной шкуре.

Сильнее других бунтовало обоняние, подстрекая к неповиновению и слух, и зрение, и даже память. Лишь стоило Рене почувствовать какой-то яркий аромат, как зловредный нюх тотчас находил в закоулках серого вещества связанное с ним воспоминание и возрождал его к жизни. Только это не были цитаты из книг или кадры из фильма. По какой-то неизвестной и совершенно невероятной причине запах отсылал её к эпизодам прошлого, заставляя переживать их до мельчайших исторических подробностей, о которых раньше она абсолютно точно ничего не знала. Девушка уже побывала при дворе маркизы де ла Трёмуйль Марии — Анне — принцессы Нероли, той самой, что обожала масло флёр д'оранжа и ввела на него моду в высших кругах Европы. Собственно, благодаря цитрусовому аромату Рене туда и попала, и это, наверное, был тот единственный раз, о котором она не жалеет. Другие путешествия оказались куда менее приятными, в частности те, где она обнаруживала себя в телах мужчин, как правило, жирных похотливых толстосумов в окружении полуголых девиц и орущей со сцены кабака музыки. Попадались, правда, и тощие хиппи в пьяном опимном угаре, но от этого легче не становилось.

Именно теперь Рене стала замечать, как мало вокруг по-настоящему «добрых» запахов, свя-

занных с приятными воспоминаниями. Повсеместно её то накрывало густой табачной волной, то из подворотни или люка канализации сочился стойкий запах гнили, а уж про выхлопные газы автомобилей и говорить не приходилось. Впрочем, к ним она быстро приспособилась. Требовалось лишь заранее настроить себя на то, что ожидает тебя по другую сторону окна. Поэтому, побывав в 1903 году на ткацкой фабрике японца Сакиши Тайода, где ей едва не оторвало палец «инновационной» автоматической моделью оборудования, и покидав в 1972-м сено в прицеп трактора Lamborghini, — а именно эти, некогда прочитанные факты из истории автомобилестроения воскресили из памяти главные запахи улиц, — с данной тематикой девушка завязала.

Сейчас куда большую опасность для неё представляли люди, не в меру и не к месту надушенные, чей дешёвый парфюм, смешанный с запахами тел, рождал отвратительные ассоциации. Последствия таких встреч Рене, словно заключённая, отсчитывала по минутам. Она достаточно быстро вычислила формулу, согласно которой её воспалённый мозг решал, какое количество времени ей отводится на пребывание в том или ином «ароматном» эпизоде. Это всегда была разница между нынешним 2013 годом и тем, в котором её угораздило очутиться, исчисляемая в минутах, и эта разница всегда была положительной. Рене ни разу не попадала в будущее, хотя читала немало футуристических заметок и прогнозов, и её память наверняка хранила достаточно информации, чтобы найти там ассоциативную связь хоть с каким-то запахом. И потому девушка всё чаще ловила себя на мысли, что, возможно, она действительно каким-то образом перемещается во времени, а в будущее не по-

падает из-за того, что то, о чём она читала, то, каким его сейчас представляют — всего лишь фантастика, и на самом деле всё будет по-другому. А раз она не знает, как «по-другому», то и перемещать ей некуда.

Рене в одиночестве шагнула в глубокую стальную кабину лифта и быстро нажала кнопку «1», опасаясь, чтобы никто не успел нарушить её уединения. Однако не успела она проехать и пару этажей, как двери разошлись, впустив внутрь медсестру с капельницей-каталкой, на которой опасно раскачивался тёмно-алый пакет донорской крови. Рене прижала к лицу ладонь так, что шарф почти полностью перекрыл ей доступ кислорода, и, зажав ноздри, стала аккуратно втягивать воздухом. В некоторых случаях это помогало избежать «узнавания» запаха, но не всегда и ненадолго. Она уже почти успокоилась, заново сосредоточившись на больничной атмосфере и свойственном ей ароматическом букете, как лифт вновь остановился. Послышались громкие голоса и звуки борьбы. Предчувствуя неладное, девушка вжалась в дальний угол и едва не перестала дышать совсем.

Из холла в кабину влетел щуплый мужчина, по синюшному цвету кожи которого и отсутствию на ней всякой растительности можно было определить, что он прошел курс интенсивной химиотерапии. Мужчина яростно жестикулировал и что-то кричал о смерти, а когда двое его провожатых — немолодых женщин — попытались угомонить подопечного, принялся отчаянно вырываться. Оттесняя человека вглубь лифта, они навалились на него грузными телами, но не рассчитали соотношение масс, и бунтарь, тщетно хватаясь руками за воздух, полетел на онемевшую от удивленного действия медсестру.

Рене, пытаясь сохранять хладнокровие, как закливание повторяла про себя, что на запахи происшествие никоим образом повлиять не способно. Она сделала попытку проскользнуть к нервно подрагивающим на выходе створкам, но тут не сумевшая удержать равновесие медсестра шлёпнулась перед ней о стену, следом звонко брякнула металлическая штанга капельницы и раздался хлопок. Девушка с ужасом оглядела забрызганную алыми каплями одежду, часть которых оказалась у неё на лице. Обоняние жадно вцепилось в добычу, в которой ей так долго отказывали.

— Нет! Не хочу! — ринулась Рене из кабины, но двери лифта стремительно сошлись, оставляя её в мире, наполненном холодным, с привкусом ржавчины, ароматом крови.

* * *

Ощувив ледяное прикосновение металла к коже, девушка моментально открыла глаза. Тонкое запястье обхватывала сухая обветренная ладонь, а в другой руке старик держал устрашающего вида то ли иглу, то ли лезвие, которое, похоже, намеревался всадить ей прямо в вену.

— А-а-а... — завизжала Рене и, вывернув кисть, соскочила с противоположной стороны широкой кровати. Причём удалось ей это далеко не сразу, тело вязло в слоях мягчайших перин, а на самом краю девушка едва не свалилась на пол, запутавшись коленями в длинной ночной сорочке. — Не трогай меня, садист! — закричала она, наконец оказавшись за баррикадой. За спиной кто-то коротко охнул.

— Видите, мосье, о чём я вам говорила? — от зашторенного тяжелыми пыльными полотнами окна отделилась куполообразная фигура. В пер-

вый момент Рене приняла её за предмет интерьера, однако задрапированный в складки различных фасонов и размеров гигантский абажур при ближайшем рассмотрении оказался женщиной средних лет с наигранно скорбным выражением лица. — Элиза, девочка моя, — в приступе театральности заломила она себе пальцы, — совсем плоха в последнее время. Иной раз истинный ангелочек, а потом будто бесом одержима, — смахнула женщина со щеки несуществующую слезинку. — Единственная надежда на вас, мосье доктор. Дурную кровь надобно непременно выпустить.

— Что?! Вы в своём уме?! — страшно выпучила глаза Рене. И когда она уже успела начитаться о кровопускании? — Это же... это же варварство! — Она стянула с плеча резиновый жгут, больно впившийся в кожу, и запустила им в доктора. Тот, подбрав вещь, уложил её в раскрытый на прикроватной тумбе чемодан с набором инструментов а-ля «серийный маньяк»: какие-то огромные свёрла, крюки, ролики с тонкими острыми дисками. И вся эта утварь грязная, местами почерневшая или покрытая каплями крови предыдущего больного.

Рене шумно сглотнула:

— Вы вообще их моете, стерилизуете? Там же настоящий рассадник заразы! Скольких людей вы уже угробили?!

— Слышите, мосье Колле, слышите?! — схватилась несостоявшаяся актриса за сердце. — Бесовские речи!

— Кровопускание есть самый надёжный способ избавления от недугов, — проскрипел мерзким голосом сморщенный старик, — а что до мосье Миньяра, — устремил он на Рене бесцветный взгляд, — количества выпущенной кровяной субстанции оказалось недостаточно для излечения.

Выпустить более не позволил Господь, коль скоро призвав мосье в свою обитель.

— Бедный мосье Миньяр перед смертью помутился рассудком, — дрожащим фальцетом вставила мадам-абажур, — не допускал к себе доктора, велел дать ему спокойно умереть. Но как можно?! Ставить под сомнение репутацию лучшего специалиста в стране! — заискивающе улыбнулась она престарелому эскулапу. — Мы подобного не потерпим. Правда, дорогая? — недовольно поджала она тонкие губы.

— Послушайте... маман, — вспомнила девушка обращение, свойственное первой половине XIX века, в котором по предварительному анализу обстановки и одеяния людей она очутилась. — Мне уже гораздо лучше. Нельзя ли отложить процедуры? Или вообще отменить? — попыталась спасти она щуплую девицу, в чьё тело так неудачно попала.

Дама вопросительно и даже с некоторым удивлением глянула на врача. Судя по всему, прежде дочь редко пользовалась правом высказать своё мнение.

— Боюсь, это невозможно, — покачал головой старик, рьяно преданный медицине и особенно практической её части. — Дурные настроения чрезвычайно быстро распространяются в внутренних органах тела. Если тотчас не пустить их наружу, они отравят мозговое вещество.

— Господь всемогущий! Чего же мы ждём?! — всплеснула руками дама. — Элиза, деточка, ради твоей же пользы, — начала она наступать на Рене. — Разве матушка тебя когда-нибудь обманывала?

— Да какая вы мать?! — заскочила девушка на кровать. — Отдаёте собственную дочь в лапы этому кровопийце!

— Ах ты бесстыдница! Мосье Колле уважаемый врач, старейший член медицинского общества страны, опытнейший хирург...

— От его старейшего опыта хирургии ваша Элиза — деточка — отправится прямиком за мосье Миньяром. А потом её откопают и она станет пособием для изучения анатомии. Не так ли, доктор? — посмотрела Рене на старика, охранявшего противоположный край постели. Его безразличные водянистые глаза внезапно обрели признаки жизни. И эта жизнь ей определённо не понравилась.

— С меня достаточно, — процедил лекарь. — Прошу вас, мадам, вызовите кучера.

— Вот и славно, — пробубнила под нос Рене. — Отсижусь тут пару часиков и домой.

Мадам, взяв с секретера колокольчик, высунула руку за дверь и громко позвонила, подзывая прислугу.

— Миссис, будьте добры, приведите кучера мосье Колле.

— В спальню, мадам? — удивилась служанка.

— Мосье Колле необходимо помочь с вещами. Делайте, что велено!

Рене занервничала, спешно оглядывая помещение. Никаких вещей кроме чемодана у старика она не заметила. А когда через несколько минут в комнату вошёл здоровенный детина, едва протиснувшись в дверной проём плечи, она поняла, что дело плохо. Кучер по совместительству, похоже, выполнял функции санитара. Он принёс с собой два ведра с неизвестным содержимым, а затем вновь скрылся за дверью. Мадам и доктор бездействовали, дожидаясь его возвращения.

По спине Рене поползли противные холодные струйки пота. Она вытерла влажные ладони о простыни и ухватилась за тяжёлый литой под-

свечник у изголовья кровати. В комнату внесли стул. На его подлокотниках, в основании ножек и на спинке болтались широкие ремни, не предвещавшие ей ничего хорошего.

— Только троньте меня! — взвилась Рене на ноги. — Получите по башке этим..., этим... — угрожающе размахивала она медным канделябром, сиюсья вспомнить его название, — как же его? Чёрт!

— Ах! — вскрикнула женщина при упоминании дьявольского имени. — Разложение мозга! Оно началось! Прошу вас, мосье Колле, скорее! Скорее!

— Патрик, пожалуйста, — кивнул доктор великану. Тот без лишних расспросов развернулся в сторону Рене.

— Не подходи! — заорала она и замахнулась для удара. Но подсвечник, слишком увесистый для худой девичьей руки, потянул её назад, тело пошатнулось и плюхнулось на грудь подушек.

Воспользовавшись моментом, кучер подхватил Рене за талию и закинул себе на плечо.

— Отпусти меня, верзила! Переросток! Поставь меня обратно!

— Сейчас поставлю, — громыхнул парень, усаживая девушку в жесткое кресло. — Сложный случай, месье. Ишь как надрывается, — затащил он на запястье пациентки грубый ремень. Другую конечность заботливо пригвоздила к стулу маман.

— Не больная я! — крутилась и выгибалась Рене. — Выпустите! Выпустите меня, идиоты!

— Месье, кажись, в зубах у неё черви, — прищурился исполин, заглядывая девушке в рот. — Прикажете вычистить? — деловито закатал рукава «добрый» Патрик и с благоговением взял из чемоданчика острый крюк. Видимо, он всегда мечтал стать врачом, но происхождение не позволяло.

Рене сделалось дурно. Она тотчас перестала кричать и крепко стиснула челюсти. Стоматология пугала её и в двадцать первом веке, а уж про девятнадцатый страшно было даже подумать.

— Какой сейчас год? — осипшим голосом выдавила она. Где-то слева вновь запричитала дама, а главный изувер, ни капли не смутившись, ответил:

— 1843 от Рождества Христова, дитя моё.

— Сто семьдесят минут, — обречённо прошептала Рене. Её голову резко откинули назад, в шею врезался смирительный ремешок.

— Сегодня вы исцелитесь, мадмуазель.

«Сегодня я умру», — поняла Рене и зажмурилась. Сопротивление бесполезно.

Под всхлипывания сердобольной маман девушку обрили наголо. По правде говоря, слушая, как на пол падают длинные густые пряди, Рене сама едва не прослезилась.

Онкология научила её ценить приятный груз длинных волос. Затем, нырнув в одно из вёдер, Патрик извлёк оттуда горсть пиявок и стал подавать их мастеру, который аккуратно рассаживал противных существ на бритом черепе Рене. От омерзения девушка то и дело глотала подступавшие к горлу позывы рвоты, но если пиявки — это единственное, что ей придётся сегодня пережить, то она потерпит.

Однако кровососами лечение не ограничилось. Из второго ведра услужливый подмастерье достал какие-то мокрые тряпки, которыми облепили тело Рене, и она в буквальном смысле застучала зубами. «Полотенца», как называл их месье врач, оказались ледяными.

Творцы средневековой медицины подошли к апогею исцеления.

— Патрик, вращательную машину, будьте любезны.

— На шесть лезвий?

— На девять.

«Вращательная машина на девять лезвий?!» — запаниковала Рене и вновь заёрзала на стуле, стараясь ослабить хватку ремней.

— Что вы, что вы, дорогая, — заскрежетал старик, больно впиваясь пальцами ей в предплечье, — очищение почти завершено. Вам заметно лучше, не так ли?

— О мосье! — подлетела к дочери женщина. — И вправду у неё просветление! Элиза, деточка моя! Глазки так и сияют!

— Сияют? — прохрипела Рене сквозь пережатые голосовые связки. — Да я сейчас окочурюсь от холода!

— Позвольте, мадам, я закончу процедуры. Духи сильны в её чреслах. Только обильное пускание крови избавит дитя от недуга.

— Обильное? — испуганно глянула маман на посиневшее чадо.

— Рекомендовано до обморока, — эскулап резко полоснул инструментом по коже. Рене вскрикнула, но скорее по инерции, так как почувствовала лишь лёгкое жжение. Боль притупила тотальная заморозка организма. Но тут внезапно закричала мать:

— Кровь! Где кровь?! У неё нет крови! — и шлёпнулась без сознания. Ситуация выглядела настолько комично, что девушка не удержалась и прыснула со смеху. Она, конечно, знала, что некоторым людям делается плохо от вида крови, но от её отсутствия?

Патрик, изумлённо хлопая глазами, отшатнулся:

— Ведьма. Месье Колле, она ведьма.

— Дурни! — истерически хохотала Рене, представляя себя со стороны: лысая девица с шевелящимися вместо волос червяками, у которой в придачу ещё и кровь не идёт. Зрелище не для слабонервных жителей позапрошлого столетия.

— Помогите мадам подняться, Патрик, — сохранил невозмутимость старик. — Вредоносные жидкости можно выпустить иначе, — с вызовом посмотрел он Рене в лицо, будто бы это она была виновата в том, что из её окоченевшей руки не идёт кровь. — Пятьдесят вёдер холодной воды на голову и доза слабительной соли.

— Пиявки отвалятся.

— Что?

— У меня на голове пиявки. Они отвалятся, — почти безразлично отнеслась к угрозе Рене. Честное слово, ей было уже всё равно.

— Что с моей девочкой? — пришла в чувство маман. — Она жива? — и, окинув Рене беглым взглядом, расплылась в блаженной улыбке. — Господь благослови вас, мосье Колле. Пустили-таки.

Обескураженный доктор посмотрел на пациентку и, заметив на месте разрезов тонкие алеющие полосы, быстро напустил на себя важный вид, словно заранее знал, что так и случится.

Подставив под стекающие на пол струи странной формы сосуд, он самодовольно заявил:

— Угодные Господу деяния всегда плодотворны.

Отрешённо уставившись в одну точку, Рене слушала мерный перестук капель чужой крови.

Изнурённая борьбой, она закрыла глаза и вскоре почувствовала, как сознание уплывает, отделяясь от происходящего, будто пробуждаясь ото сна. Время запаха закончилось.

* * *

Девушка ощутила сильную тряску и не удивилась. Опять её везут в больницу, хотя нет, ведь она и была в больнице, значит, на каталке в палату. Только привкус на языке какой-то странный.

— Что? — уставилась Рене в бликующее за защитным стеклом лицо пожарного. — Что такое? — заметалась она, вглядываясь в таблички кабинетов, окутанные едким смогом.

— Всё в порядке, — ещё сильнее прижал её к себе мужчина, — очаг возгорания в здании больницы локализован, осталась сильная задымлённость.

— Ну почему? — заскулила Рене, вдыхая горький, щекочущий ноздри воздух. — За что?

Пожарный озадаченно скосил на девушку взгляд, но Рене его больше не видела.

Вокруг неё полыхали дома, деревянные лавки, по-видимому, рыночные, потому как крики и плач разбавлял визг свиней и громкий птичий гогот.

Люди, одетые в грязно-серые балахоны, в панике давили друг друга, а иные, забившись в узкий проулок, тихо дожидались своей участи.

— Что случилось? — пробившись к одному из таких «тихонь», спросила Рене.

— ...поджёт город... по его приказу..., — бесвязно бормотала молодая женщина.

— Кто? Кто поджёт? — настойчиво требовала ответа девушка, а сама боялась услышать единственный вертевшийся в голове ответ. — Какой город?

Женщина подняла на неё воспалённые от дыма глаза:

— Рим горит.

Император Нерон. 64 год н. э. 1949 минут...

Полное отчество

Михаил Загирняк

Родился 28 июня 1984 года в г. Мозыре (Гомельская обл., р. Беларусь), проживает на западном крае самого большого государства в мире в г. Светлом (Калининградская область). Кандидат философских наук, ассистент кафедры философии БФУ им. И. Канта (г. Калининград). В художественном творчестве рассматривает гуманистические проблемы человеческого бытия.

— Андрей Витальевич-Марьяин Воронцов, — объявил ученика директор школы.

Он уже научился не делать паузу в произношении так называемого полного отчества.

Выпускник взбежал на сцену актового зала.

Директор вручил аттестат. Рукопожатие. Аплодисменты.

— Полина Елизаветина-Георгиевна Данцева, — прочитал он имя владелицы следующего аттестата.

Девочка, придерживая выпускное платье, взошла на сцену.

Снова улыбка, рукопожатие, аплодисменты. Пожимать руку девочкам директор тоже привык.

Выпускники выходили на сцену один за другим.

— Дарья Марьяина-Михайловна Завгородняя... Николай Иванович-Людмилаин Иванов...

Олег Станиславович-Янин Кутьин... Гульнара Аббировна-Зумрудин Омарова...

Отчества составляются из имён родителей в алфавитном порядке.

Если закрепить в ономастиконе первую часть отчества как материнскую, то возмущаться дискриминации будут отцы.

И наоборот.

С алфавитом же не поспоришь.

Ведь не будут же буквы возмущаться, что они выстроены в таком порядке?

Хотя... Вдруг същутся демократы-лингвисты?

Провозгласят равенство букв. И тогда намучаемся журналы школьные заполнять...

Директор отогнал назойливую фантазию.

— Екатерина Сергеевна Расторгуева, — объявил директор следующего одиннадцатиклассника.

Ребёнок вышел на сцену.

Вручение. Аплодисменты.

Остались ещё такие — с неполным отчеством. Закон обязал заменить паспорта в течение трёх лет. И пока родители девочки закон не нарушили. Директор надеялся, что они не из идейных, старотеческих, которые сами паспорта не меняют и детям не дают.

На вручении аттестатов в полном имени выпускника должны прозвучать оба родителя. Ведь оба приложили усилия, чтоб ребёнок окончил школу.

Хотя были исключения из правил...

— Евгений Татьянин Сергеев, — вызывал очередного выпускника директор.

Вот с ним понятно, отец неизвестен. Мальчик может выбрать любую мужскую часть отчества. А на вручении хочет, чтоб все слышали, что его воспитала и выучила мать-одиночка. Может, и потом дополнять отчество не будет. Из гордости к матери.

— Виолетта Аркадьевна Тимонина, — сказал директор.

Воспитанница отца-одиночки вышла на сцену.

Раздались аплодисменты.

Хорошо это или плохо — обнажать публично проблемы неполных семей? Борьтся за равноправие в отчестве? Чиновники уверены, что да.

Началось всё три года назад, когда в министерстве социального развития захотели улучшить отношения мужчин и женщин.

Поднять уважение. В воспитании ребёнка мать играет огромную роль, а в имени это никак не отражается. Почему?

Ведь женская часть отчества — это залог уважения к женщине, это шаг к равноправию мужчин и женщин. Не только на бумаге, но и фактически.

Директор помнил лозунг из рекламной кампании полного отчества:

«Права начинаются с имени.

Полное отчество — шаг в демократическое будущее».

И началось... Правила склонения имени отца в отчестве ребёнка не изменились (и на том спасибо!), а вот материнская часть отчества заканчивалась на -иньин. Или -иньина. Чтоб не ошибиться, автор правила советовал задать вопрос: «Чей мальчик?/Чья девочка?»

Церемония вручения аттестатов закончилась. Выпускники покинули зал под музыку.

А директор вспомнил, что сам ещё не успел поменять паспорт. И представил, как ФИО внушительно развернутся в документе на пять слов: Игорь Еленин-Артёмович Олейник-Соловцов.

Это навевало мысли о немом кино, аристократии, об интеллигентности и достоинстве. Шутки шутками, но имени нужно соответствовать.

В проходе к директору подошёл маленький мальчик.

— Дядя директор, можно?

— Игорь Еленин-Артёмович! — поправила ребёнка подоспевшая мама.

— Я хочу знать. А почему имя мамы называется отчеством? Это же от слова «отец»? Значит, мамино имя — часть отчества, то есть папиного имени... Я... запутался... Может, по правде лучше мамино имя назвать материнством?

Малыш стал разглядывать носки пыльных ботинок.

Женщина, слава Богу, расхохоталась и потрепала малыша по волосам.

Директор многозначительно улыбнулся. Две мысли крутились у него в голове. Первая — устами младенца глаголет истина, а вторая — хоть бы чиновникам не пришла в голову такая мысль! **У**

Господину Г. У. посвящается

Мой первый космический корабль

Александр Марков

Родился 5 января 1971 года. Телеведущий и писатель. Автор 10 романов, главным образом, приключенческих и историко-фантастических, среди которых «Прелюдия к Большой воне», «Сотри все метки». «Пирровы победы». За роман «Гроза над Цхинвалом» (написан в соавторстве с В. Пищенко) получил в 2011 году премию СП «Во славу Отечества».

Сложное это дело — покупать космический корабль. У меня голова кругом шла от обилия моделей, представленных в интернете. Я уж и сам был не рад этой затее, но в детстве я ведь мечтал стать космонавтом и вот теперь хотел эту мечту осуществить, благо, неожиданно на меня свалилось наследство в виде скромной двухкомнатной квартиры в Московском районе.

Располагалась она всего лишь в ста километрах от Кремля, и в центр города от неё на пневмоэлектричке можно было добраться минут за пятнадцать, но переезжать я туда не собирался. Не люблю я эту людскую скученность. А оставлять эту квартиру в своей собственности выходило накладно, потому что налог на жильё, в котором ты не живешь, съедает бы не только всю арендную плату, вздумай я эту квартиру кому-то внаём сдавать, так ещё пришлось бы доплачивать из своего кармана. Такая головная боль мне была не нужна.

Денег, которые я смог выручить от продажи этой халупы, хватало как раз на космический корабль экономического класса, но довольно скоро я выяснил, что таких моделей в свободной продаже практически нет. За ними записывались в очередь, и свой корабль приходилось ждать от трех месяцев до года.

Удручённый таким открытием, я кликал на изображение той или иной модели и её голография тут же появлялась над моим столом, кружилась, показываясь мне во всех своих ракурсах, а у меня сердце биться сильнее начинало, когда я думал, что смогу купить что-то подобное и поставить во дворе своего дома.

Одновременно я изучал комментарии под фотографиями. Кто-то писал о том, что у него прохудился бак с топливом, когда он летел к Меркурию, и если бы

не спасательный бот МЧС Российской Империи, этот отпуск стал бы для него последним и закончился он пикником на Солнце. Другие комментаторы начинали комментировать уже этот рассказ, постепенно скатываясь на взаимные оскорбления и не утруждая себя даже ставить точки вместо нецензурных слов.

Постепенно я зарывался во всё этом словесном хламе, ни на шаг не продвигаясь к решению основной задачи — на какой модели остановить свой выбор и как её заполучить.

Ждать даже три месяца я был не в состоянии, потому что к тому времени, как очередь до меня дойдет, я не был уверен, что по-прежнему буду хотеть обзавестись космическим кораблем. Да и деньги уйдут на что-то другое.

На вторичном рынке спрос тоже заметно опережал предложение, и поэтому в число не дефицитных попали только одно- и двухместные европейские корабли повышенной комфортности. Они стоили столько же, сколько годовой бюджет какой-нибудь из слабо развитых африканских стран, и позволить их себе могли разве что топ-менеджеры моей родной манчегорской нефтяной компании. К их числу я не принадлежал. Я до самой смерти не накоплю на такой корабль, даже если перестану есть, пить и дышать и начну откладывать в кубышку все заработанные деньги. Все остальные корабли, если только продавец не ставил заведомо завышенную цену, улетали с такой же скоростью, как горячие туры на египетские курорты в сезон отпусков.

Попадались ещё какие-то самодельные конструкции. Но добрые люди, оставлявшие на разных форумах свои комментарии, писали, что, купив такой корабль, ты становишься летчиком-камикадзе. Возможно, ты и взлетишь, но вот посадить свой корабль уже не сможешь. Эти корабли просто созданы для людей,

склонных к суициду, чтобы они наконец-то смогли осуществить свою мечту.

Положим, большая часть высказываний были лишь черной завистью тех, у кого руки растут не из того места и сами они корабль смастерить не способны, вот и вынуждены выливать ушаты грязи на тех, кто всё же сумел его сделать.

Сообщений о крушениях таких кораблей было немного и все — без летальных исходов, но всё же я не чувствовал к ним доверия.

Надо было хвататься за первое более-менее сносное предложение о продаже серийной модели. Но вот как угадать — сносное это предложение или нет? Ведь мало чего там продавец напишет о том, что в космос он лишь один раз поднимался, да и то — до Луны, так что пробег у корабля совсем маленький и миллиона километров нет. На поверку-то окажется, что он гонял его по всей Солнечной системе, израсходовал весь ресурс двигателя и его надо перебирать.

«Будь что будет, иначе я съеду с катушек».

Обозначив предельную стоимость корабля, я поставил компьютер на постоянный поиск объявлений о продажах и стал ждать — когда же удача мне все же улыбнется. Спустя два часа она явилась ко мне в виде пятилетнего корабля с труднопроизносимым китайским названием, которое я не берусь воспроизвести, потому что обязательно ошибусь. Переводилось оно как «Великий путь 2».

В нём был минимальный набор опций. Отсутствовала даже голографическая стюардесса, но вот что-то, а голографические стюардессы меня несколько не интересовали, да и какой мне от неё прок, если она будет говорить на китайском? Дальность полета ограничивалась Луной, но мне больше было и не нужно.

Какой-то остролов, выступавший в инете под ником «Пересмешник», успел написать про этот ко-

рабль: «Китайское барахло». Прежде чем этот комментарий исчез, оппоненты успели написать: «А у тебя какой, дебильный дебил?», «убить Пересемешника» и «свободу народам Тибета».

— Надо брать! — засосало у меня под ложечкой, и, не очень вдаваясь в конструктивные особенности корабля, я посмешил, пока меня не обогнали конкуренты, заключить контракт на его покупку и доставку.

Сдвоенную железнодорожную платформу с кораблём я пришел встречать на вокзал, предварительно арендовав большегрузный тягач. Достать его оказалось целой проблемой, потому что машина с требуемой грузоподъемностью нашлась только в армейской части ракет стратегического назначения. Первоначальный срок годности всех ракет на этой базе истек лет десять назад. Но её командиру полковнику Арсению Прилипало всё время удавалось доказать членам комиссии, приезжавшим из штаба округа на инвентаризацию, что ракеты сделаны на совесть, имеют большой запас прочности и прослужат гораздо дольше, нежели отпущенный им на заводе-производителе срок. Аргументы свои он подкреплял материальным стимулированием в виде денег, застолья и бани, да и сами члены комиссии дураками не были и понимали, что если они спишут эти ракеты, то проверять им будет нечего и их самих вскоре отправят в отставку. Так что если помимо металлических корпусов от ракет ничего и не останется, они все равно будут стоять на боевом дежурстве, охраняя небо страны, а вернее, давая полковнику Арсению Прилипало по-прежнему занимать не самое плохое место в этой жизни. Он уверял, что ракеты могут долететь даже до Луны, а уж до территории предполагаемого противника и подавно. И если кто в этом сомневается, полковник готов привязаться к любой из них проволокой, всё-таки кабины для пилота-смертника в них не предусмотрели,

и совершить полет до земного спутника, прогуляться по морю Спокойствия и вернуться обратно. Такой жертвы от него не требовали и верили на слово.

Тягач полковник предоставил мне только после длительных просьб и увещеваний в виде изрядного количества наличности, превосходившей его штатный годовой оклад, и ящика элитного коньяка из армянских провинций. За более скромную сумму он выделил мне ещё и кран, и уже совсем бесплатно — двух бестолковых сержантов, в обязанности которых входило следить за тягачом и краном, а то вдруг я намылось их угнать и помчусь сквозь непроходимые леса в сторону границы, чтобы продать этот антиквариат тридцатилетней давности на металлолом.

Сержанты согласились подогнать тягач и кран к платформе, на которой покоился космический корабль, лишь после того, как я пошуршал у них перед носами несколькими крупными купюрами, пообещав, что отдам им деньги сразу, как они доставят корабль к моему дому.

В глазах сержантов начал разгораться алчный блеск, который явно в них не появился б, продемонстрирую я им не наличность, а банковскую карточку и заяви, что переведу на их счет обещанную сумму. Сержанты стали ещё требовать от меня и ужин в самом престижном ресторане Манчегорска «Северное сияние» со стриптизом, но по лицам их я видел, что корабль они повезут и без этих уступок с моей стороны.

— Нет! Хватит! Вы и так из меня все соки выпили!

В разговоре с такими типами надо твердо отстаивать свои позиции, иначе дашь один раз слабину — от тебя уже не отстанут и будут требовать ещё и ещё, пока не вгонят в долговую яму.

Для сохранения достоинства в собственных глазах они немного потянули время, изображая на лицах бурную мозговую деятельность, после чего сказа-

ли мне, что согласны на мои условия, и мы ударили по рукам.

Сопровождающий корабль молодой человек в сером итальянском костюме с серебряным отливом взял у меня автограф на бланке доставки товара, вручил инструкцию по пользованию, документы на корабль и поинтересовался — не имею ли я каких-либо претензий.

В конструкциях космических кораблей я ничего не понимал. Привези мне его лишь с тремя дюзами вместо четырех, я поверил бы в уверения, что так первоначально и задумывалось и корабль исправен.

— Как на нём летать-то? — всё-таки спросил я.

— О, проще простого! Коробка скоростей автоматическая. Автопилот есть. Можете вообще ничего не делать. Садитесь в кресло, вводите в бортовой компьютер информацию о том, куда хотите долететь, и всё.

— И всё? — не поверил я.

— До Луны и четверти бака хватит. А дальше нельзя. Ограничения стоят, и если вы на Венеру или на Марс задумаете лететь — на этой модели ничего не выйдет. Она ж для ближнего космоса рассчитана. Автопилот включится автоматически и повернет корабль обратно, — и он хитро улыбнулся, вероятно, намекая на то, что в России испокон веков всякие ограничения на иностранной технике мог снять любой алкаш. — У вас в Манчегорске есть заправные станции?

За кого он нас считает? Да у нас тут собственный нефтеперерабатывающий завод есть и нефти под ногами — залейся по уши. Качают уже лет пятьдесят и всё никак не выкачают, хоть под каждым домом бури скважину и устраивай маленьких заводик по её переработке. Он понял свою оплошность и чуть поправил свой вопрос:

— Заправки с топливом для космических кораблей.

— Понятия не имею, — стал размышлять я. На бензоколонках я, кажется, подобных объявлений не встречал. — Э, ну, я думал, что топливо к кораблю прилагается. На один полет хоть.

— Что вы? Корабль нельзя перевозить заправленным. А топливо заказывается отдельно. В совершенно других фирмах. Вот. Рекомендую, — и он протянул мне рекламные проспекты, в которых предлагалось самое разнообразное космическое топливо, соответствующее международным стандартам. — Там вам посоветуют, что лучше приобрести. Заказывать будете, не забудьте сообщить — от кого вы про фирму эту узнали. Вам тогда скидку сделают в пять процентов. Вот на всякий случай моя визитка, — сопровождающий протянул мне пластиковую карточку.

— Спасибо, — буркнул я, повертел карточку в руках, делая вид, что читаю оттиснутые на ней имя и фамилию, но, конечно, их не запомнил и запихнул карточку в карман куртки. Скидка — это, конечно, обычный маркетинговый трюк, чтобы заманить клиента.

Я сидел в кабине тягача и с удовольствием наблюдал за тем, какие взгляды бросали на мое приобретение прохожие. Прежде подобного внимания удостаивался лишь гендиректор местного филиала нефтяной компании «Манчегорск-оил» Борис Вальштейн, когда он купил новую модель «Ламборджини». Посадка у неё была слишком низкой, и новый владелец смог проехать на ней лишь несколько сотен метров, после чего машина встала, потому что дорожные кочки и ухабы разбили её днище так же хорошо, как если бы по нему проехали огромным напильником.

Испорченный автомобиль ремонтировать гендиректор не стал. Легче было проложить новую дорогу, но этого он тоже не сделал, опасаясь, что слухи, будто он бюджетные средства использовал в личных целях,

могут прийти до головного офиса компании, и за это его по головке не погладят. Правда, его должность, как и у большинства топ-менеджеров компании, вот уже третье поколение по наследству переходила к старшему сыну в семье. Даже совет директоров не мог отправить его в отставку, но и нервы свои трепать не хотелось, ведь всегда найдется какой-нибудь блогер, проплаченный недоброжелателями, который исказит реальность. Поди докажи тогда, что заботился ты исключительно о народонаселении, о том, чтобы в районе дороги наконец-то стали хорошими, а вовсе не о том, чтобы твоя машина с низкой посадкой могла доехать до офиса компании.

На свои деньги прокладывать дорогу он категорически отказывался и, когда на пресс-конференции какой-нибудь неопытный репортёр задавал Вальштейну подобный вопрос, тот в шутку говорил, что вся сила Российской империи как раз в плохих дорогах, потому что все враги, которые приходили в наши края, из-за плохих дорог здесь навсегда и оставались. В этом контексте он вспоминал, что большинство из российских высокопоставленных чиновников вместе с потомственной должностью получают и потомственный запрет посещать страны Евросоюза, североамериканские штаты, Британию и ее прихлебателей.

— Ну и черт с этой Европой и Америкой! — кричал тогда Вальштейн. — Не хотят, чтобы мы туда ехали, сами приедут!

Он вовсе не намекал на то, что надо ввести свободное хождение евро и долларов на территории нашего дистрикта. Вовсе нет. Он покупал старинные европейские замки, которые привозились к нам в Манчгорск в разобранном виде, а потом собирались здесь, строил копию Статуи Свободы в натуральную величину и копии прочих мировых достопримечательностей, которые воочию увидеть не мог.

Он и пирамиды Египетские возвел бы.

— Сделайте лучше, чтоб столовая нефтеперерабатывающего завода работала по принципу «всё включено», — предложил кто-то из горожан на митинге, отговаривая гендиректора строить пирамиды. Всё ж чуть ли не весь Манчгорск по нескольку раз уже пребывал на египетских курортах, пирамиды эти повидал и хотел от них хоть на родине отдохнуть.

— А и сделаю! — распалился Вальштейн.

И ведь сделал. После всех этих трат и забот об улучшении инфраструктуры нашего города как-то язык не поворачивался упрекнуть его в том, что руки у него не доходят до дороги.

К слову, гендиректор нашел способ, как решить проблему, вовсе дорогу не ремонтируя. Слуги вытаскивали «Ламборджини» из гаража вручную, впрягаясь в неё, как бурлаки, водружали на платформу, на которой обычно перевозили разную гусеничную технику, цепляли к тягачу, гендиректор забирался в салон, садился за руль и после наслаждался триумфом, который производила на улицах эта конструкция.

Мой триумф был не меньшим. Чтобы его закрепить, следовало зайти в какой-нибудь бар, заказать там чашечку кофе и пообщаться с тамошними посетителями. Но мне очень хотелось быстрее поставить корабль во дворе своего дома и посидеть в кабине, вот я ни на минуту и не хотел оттягивать эти счастливые мгновения.

Сержанты сгружали корабль, будто это железобетонная плита. Приходилось то и дело на них покрикивать, чтобы они не смяли дюзы.

— Не бойсь, — успокаивали они меня. — Скоко раз всякие ракеты сгружали и ничего. Не поломали.

Не стал я с ними спорить, доказывать, что в ракетах, с которыми они прежде встречались, давно уже нет никакой электронной начинки.

— Эй, хозяин, добавить бы надо! — сказали хором сержанты, когда я стал с ними рассчитывать.

— Как договаривались! — отрезал я, строго посмотрев на них.

— Ты если что — сообщай, — сказали он, не став со мной пререкаться. — Поможем.

— Непременно.

Как и следовало ожидать, на манчегорских бензоколонках космические корабли не запрашивались. Топливо для моего приобретения пришлось выписывать через интернет. На оплату нового счёта денег уже не хватило. Пришлось выкручиваться, распродав кое-что из бытовой электроники. Бочки с топливом обещали привезти через три дня. За это время я решил изучить инструкцию. Она была на китайском. Пару минут я смотрел на неё с таким же интересом, с каким археолог смотрит на неведомые письмена. Отсканировав текст, я натравил на него программу-переводчика и спустя всего пятнадцать минут получил русскую версию инструкции. Текст получился немного кривобоким. Попадались фразы вроде «жать лево очень сильно». Подобными по стилю надписями жители Турции или Египта снабжают фотографии девушек на сайтах знакомств.

То же самое я проделал и с надписями, которые значились под приборами и на стенах салона. Переписывать их от руки я не решился. Воспроизведёшь чуть не так какую-нибудь закорючку и смысл фразы или слова — изменится и в результате во время полёта вместо кнопки «ускорение» нажмешь на кнопку «экстренная эвакуация». Так рисковать я не мог.

Корабль, вероятно, делали для внутрикитайского использования. Его внутренности изобиловали абсолютно необъяснимыми с функциональной точки зрения разноцветными пластиковыми вкраплениями. Я подумал, что если включить в корабле все

приборы, то в нем можно будет устраивать ретро-дискотеку.

Надписи я отсканировал, перевёл, а потом распечатал их на клейкой ленте и залепил ею иероглифы, чтобы впредь они меня не смущали. В корабле стало сразу уютнее.

Изучать инструкцию мешали повадившиеся ходить в гости соседи. Они прямо хороводы вокруг корабля водили, будто это новогодняя ёлка. Смотрелся он не очень экзотично. Семиметровая труба диаметром в четыре метра с заострённым носом. Перед продажей его даже не удосужились заново окрасить, чтобы он выглядел попрезентабельнее, нежели сейчас. Корпус покрывал слой нагара. Изредка кто-то просил разрешения забраться внутрь, но я оставался непреклонен.

— Когда полетишь-то, Гагарин? — спрашивали соседи.

— Скоро.

— И куда?

— Далеко.

— Покупку-то обмыть надо, — не унимались соседи.

— Обязательно, — огрызнулся я.

— Когда?

— Сообщу.

— Ну, будем ждать.

После столь содержательного разговора соседи, еще с несколько минут поглазев на корабль, уходили удовлетворенные посещением.

Много места на корабле занимал туалет, шкаф со скафандром и запасом баллонов с дыхательной смесью. Помимо голографических стюардесс, в корабле не предусмотрели таких излишеств, как микроволновая печь и холодильник. Оказалось, что ни хранить продукты негде, ни разогреть. Чтобы с голоду не помереть, придется набирать с собой консервов и бутербродов, пакетиков с соком и термосов с кофе

и чаем. Я подумывал, а не прихватить ли с собой электрический чайник, тогда можно ограничитьсяублимированными продуктами и водой, но автономно работающего чайника в моем хозяйстве не было, а в корабле не было розетки, куда я смог бы воткнуть вилку от чайника. Может, такой чайник был у кого-то из моих соседей, но ведь они взамен попросят в кабине корабля посидеть, а то и взять их в полет. Обойдутся. И я обойдусь.

Я слишком поздно вспомнил о том, что существует такая полезная вещь, как пицца в тубиках. В местном супермаркете такой, конечно, не оказалось. Её тоже надо было заказывать и ждать доставки дня два-три. Такое ожидание выдержать я был уже не в силах. Этак потом отыщется еще одна причина отложить старт, следом появится другая, третья и в результате я никуда не полечу, а корабль прирастет днищем к земле и превратится в нечто схожее с «Ламборджини» Вальштейна, то есть в бесполезную грудку металла. Не уверен, что мне на неё будет так же приятно смотреть, как ему на свою.

Экскурсантов день ото дня прибывало. Они мне до того надоели, что я уж подумывал ввести плату за осмотр корабля. Он, правда, всё равно был виден с улицы, но, если кто его поближе осмотреть захочет, я смогу немного пополнить свой истощенный банковский счёт. Я буду говорить, что деньги их идут на закупку топлива, то есть они финансируют некий благотворительный фонд под названием «В помощь первому космонавту Манчегорска», но претворить эту идею в жизнь я не успел. Мне привезли бочки с топливом.

Произошло это под вечер. На время полета я взял отпуск и готов был лететь хоть ночью, сразу же, как перекачаю топливо из бочек в баки, но пришлось отложить старт до утра. Я не хотел будить соседей. Им завтра на работу. Спросонья они могли принять рёв

работающих дюоз за какое-нибудь стихийное бедствие, выбежать на улицу, в чем спали, а выяснив, что на самом-то деле причиной их беспокойства стал я, пожелать мне не доброго пути, а... ну что-нибудь похожее на то, что желают автолихачам. «Чтоб ты провалился», «Чтоб ты сгорел».

Мне будет стыдно возвращаться.

С этими мыслями я заснул.

Пока я спал и уже видел себя в космосе, какой-то хулиган перебрался в ночи через мой забор, подобрался к кораблю и нарисовал на нем красной аэрозольной краской приличных размеров надпись «Нефтяник-чемпион».

Обнаружив её поутру, я разозлился, стал оглядываться по сторонам, будто хулиган всё ещё прятался где-то поблизости и наблюдал за моей реакцией, но он, конечно, давно испарился, а за футбольную команду «Нефтяник» болел весь город и надпись эту мог написать кто угодно.

С полминуты я обдумывал ситуацию, потом решил, что не стоит идти домой и искать там растворитель, разбрызгивать его содержимое поверх аэрозольной краски и стирать надпись. Никто её не увидит, а когда я буду взлетать — она сама исчезнет, сгорев в плотных слоях атмосферы, и, наконец, я ведь тоже болел за «Нефтяник» и, будучи чуть помоложе, несколько раз ездил следом за любимой командой на матчи в другие города.

Хулиган ведь мог написать какую-нибудь гадость про своих одноклассников, или про губернатора области, или про его любовницу. Вот тогда мне точно пришлось бы стирать эту надпись.

Жаль только, что «Нефтяник», несмотря на то, что там играли очень дорогие бразильские футболисты, так и не поднимался в первенстве Российской Империи выше пятого места. Болельщики других команд

всегда издевались над нами, спрашивая — а что, всех футболистов «Нефтяника» в нефти купают, прежде чем они на поле выходят? Этим они намекали на их тёмный цвет кожи.

Как сообщалось в инструкции — в радиусе пяти метров от корабля выхлопные газы становились абсолютно безопасными. От моего старта в худшем случае у соседей зазвенят стекла в окнах, а шума будет меньше, чем при раскате грома.

Но когда я завел двигатели, подо мной будто бомба взорвалась, а в кабине стоял такой грохот, что я почувствовал себя бароном Мюнхгаузеном, как раз в тот момент, когда его отправили на пушечном ядре осматривать турецкий лагерь.

— Поехали! — крикнул я, улыбаясь, как лягушка.

Пожалуй, старт мой принес соседям больше неприятностей, нежели только дребезжащие стекла. Глядеть в иллюминатор я боялся — вдруг увижу под собой пылающие дома. Тогда пришлось бы просить политического убежища по другую сторону планеты. Избавлен я был от этого зрелища ещё и потому, что перегрузка вжала меня в кресло, я с трудом мог пошевелиться, чувствуя, как стекает по лицу кожа, собираясь складками на скулах.

Через несколько минут эти неприятные ощущения закончились. Я почувствовал невообразимую лёгкость, выйдя на околоземную орбиту.

Сперва я хотел ограничиться несколькими витками вокруг Земли, но, увидев, насколько она красива и как прекрасен вид Луны из космоса, решил отправиться к спутнику и высадиться на его поверхности — благо, топлива в баках хватало, чтобы совершить без дозаправки подобную экспедицию раза три.

Увидев, как плывет неподалеку от меня термос, я захотел попить кофе и немного взбодриться. Я отстегнул страховочные ремни, оттолкнулся от крес-

ла, но сделал это слишком сильно, врезался в термос, пролетел дальше, таща его за собой, и сильно стукнулся о стену кабины.

Не выстави я перед собой руки, амортизируя этот удар, заработал бы перелом ребра или в лучшем случае приличные синяки и ушибы. Рядышком стукнулся в стену термос, отлетел в сторону и задрейфовал к противоположной стороне кабины.

На этот раз я поймал его элегантно, бросившись к нему вперёд руками, как вратарь, перехватывающий навес в его вратарскую площадку, обхватил, но когда прижал к груди, то почувствовал, что в термосе что-то гремит, поднёс его к уху и взболтнул. Так и есть. Он был наполнен битыми стекляшками, в которые превратилась колба.

Отказываться от кофе не хотелось. Разбитый термос я запрятал, чтобы он не попался мне на глаза, отыскал другой, отвинтил у него крышку, стал осторожно наливать кофе, но, как ни старался, несколько капель улетели и теперь, собравшись в коричневые дрожащие шарики, перемещались по кабине, как неведомые науке насекомые. Я решил их изловить попозже, а пока устроился возле иллюминатора, попивая вкусный кофе из герметически закрытого стаканчика.

Блаженное это состояние — перелетать от стенки к стенке. Поначалу я этим так увлекся, что забыл о времени. Путешествие к Луне заняло восемь часов, и уже к его середине я притомился, уселся в кресло и занимал свой ум тем, что слушал записи любимых групп. Можно было включить какую-нибудь голографическую постановку, но её я мог и дома посмотреть. Лучше уж плятиться в иллюминатор. Когда ещё Землю с такой высоты увидишь?

Я уж со счёта сбился — сколько раз навстречу мне попадались космические корабли, возвращавшие-

ся с Луны. Не менее сотни. Траектории наши проходили друг от друга на расстоянии не более нескольких километров. Но вероятность столкнуться с ними была близка к нулю. За безопасностью следил автонавигатор. Кто-то мигал мне бортовым освещением. Жест этот воспринимался как приветствие, а не по аналогии с наземными дорогами как предупреждение о том, что за поворотом прячется сотрудник госавтоинспекции. Я тоже мигал в ответ.

Такая загруженность трассы навела меня на мысль, что на Луне сейчас и ступить будет негде, как на популярном пляже в купальный сезон. Вышло не совсем так. Совершив оборот вокруг Луны, я обнаружил позывные нескольких тысяч небольших кораблей на её поверхности. Видимость была превосходной, и порой я наблюдал, как солнечный свет отражается бликами от их поверхностей. Они словно мне подмигивали.

В скафандр я облачился заранее. Когда корабль прилунился, двигатели затихли, а поднятые ими клубы пыли осели, я тут же выбрался наружу.

Место посадки на Темной стороне специально я не выбирал. Сел, как говорится, куда получилось, даже место с картой не сверил и поэтому не знал, как называются местные кратеры и горы.

— Вы что, слепой? Не видите, что здесь люди?

Китайский мне ещё в школе не давался. Оказываясь за границей, я не сильно улучшил его знание, объясняясь по большей части знаками, но всё ж фразу, возникшую в моих наушниках, разобрал. Голос был мужским. Человек, похоже, говорил без акцента.

Я вздрогнул от неожиданности. Я-то полагал, что никого здесь не потревожу, но оказалось, что ошибся, и пока я ступал на лунную поверхность, радостно прыгал по ней, оставляя свои следы, всё это время на меня взирали два землянина в запыленных скафандрах. Чтобы найти их, пришлось головой во все

стороны вертеть. Хорошо, не стал вверх смотреть, принимая этот голос за Глас Небесный.

— Простите. Я вас не увидел, — сказал я вежливо.

Один землянин решительно двинулся ко мне, но из-за низкой гравитации движения его были мягкими и комичными, и прыгал человек будто мячик, по которому так и хочется заехать ногой. Похоже, точно такие же мысли, но по отношению ко мне, пришли и ему на ум.

Я приготовился достойно встретить наглеца.

Теперь замурлыкал что-то женский голос. Я только сейчас понял, что это разнополая парочка. Габаритами они друг от дружки совсем не отличались и были существенно меня пониже, так что не заговори со мной сперва мужчина, я принял бы этих туристов за двух женщин.

Девушка обращалась не ко мне, а к какому-то Чену. Что она говорила, я совсем не понял. Но после её слов направлявшийся ко мне землянин остановился, развернулся и двинулся обратно.

Превосходно. Голова на плечах у него есть, иначе он нарвался бы на неприятности. Я же с честью вышел из затруднительного положения, а искать себе какое-либо другое место, чтобы дать этой парочке вволю насладиться одиночеством, не собирался.

Впрочем, долгое пребывание на Луне в мои планы не входило. Изрядно наследив по округе, я сходил на корабль, нашел среди инструментов молоток, отколотил от скал несколько кусочков, потом набрал в маленькую коробочку лунный грунт, но посчитав, что на этом моя миссия будет не завершена, выбил на скале собственное имя и только после этого отправился вояси.

При старте я, кажется, вновь окатил поднятой выхлопными дюзами пылью китайскую парочку, но несколько себя в этом не винил. Взлети они по-

раньше, пыль досталась бы мне. Вероятно, им очень не хотелось возвращаться домой, где плотность населения не в сравнение больше, нежели на Луне, так что они готовы были терпеть временные неудобства.

На обратном пути меня потянуло в сон, и я проспал в кресле почти до самой посадки. Встреченные путешественники, видимо, считали меня невеждой и грубияном из-за того, что я не отвечал на их приветствия, но ведь я не мог этого сделать.

Из состояния сна меня вывел голос автопилота, сообщивший, что мы готовы к посадке и он ждет от меня соответствующего приказа. Над моим домом была уже ночь, вернее, приближался рассвет. Моё возвращение так рано грозило перебудить всех соседей, но не буду же я кружиться вокруг Земли ближайшие пару-тройку часов, дожидаясь, пока они соизволят проснуться. Знакомых в тех частях планеты, где сейчас был день и где я мог бы немного погостить, а домой вернуться попозже, у меня не водилось.

— Валяй, — подбодрил я автопилота.

— Простите, не понял? — послышалось в ответ.

— Разрешаю посадку, — сказал я, придавая своему голосу строгость и уповая на то, что выхлопные дюзаы не будут плеваться газом столь же громогласно, как при старте.

Меня в очередной раз вдавило в кресло. Однажды корабль дернулся, изменил траекторию, как впоследствии выяснилось, чтобы не столкнуться с авиалайнером. Я пролетел рядом с ним огненным метеором, а когда пассажиры лайнера поняли, что никакой я не метеорит, они стали сопровождать моё возвращение на Землю ругательствами и проклятиями. Слышны они были лишь соседям по салону да стюардессам, а до меня донесся только рёв реактивных двигателей авиалайнера. Пассажиры снимали меня через иллюминаторы на свои гаджеты.

Как же изменились времена.

Раньше космонавтов встречали совсем не так.

Приземлиться незаметно я уже не надеялся.

Хорошо, что вообще приземлился, а то, признаться, у меня душа ушла в пятки, когда я увидел, с какой скоростью на меня накатывается земная поверхность и заполняет весь иллюминатор. Стало так страшно, что хотелось уткнуться лицом в подушку. Подушки у меня не было, но глаза я все ж закрыл и открыл их, только когда понял, что корпус корабля перестал конвульсивно дергаться и затих. В ушах всё равно гудело, но не из-за того, что работали двигатели, а потому что я оглох.

— Где я? — спросил я, приоткрывая сперва один глаза, а затем второй.

Никого из архангелов или рогатых ребят с вилами, нависавших надо мной, я не увидел, а это значило, что я не промахнулся и угодил не на небеса, не под землю, а точнёхонько на её поверхность.

Вывалившись из корабля, я опустился перед ним на колени, но не оттого, что захотел помолиться, а потому, что ноги мои, отвыкнув всего за несколько часов от земного тяготения, уже не держали тело. На меня из серой предрассветной тьмы надвигалось с десятков соседей. Они проникли в мой двор через выломанную калитку. Поскольку улетела она не во двор, а на улицу, я догадался, что это не они её выбили, а скорее всего, я выхлопами из дюз. Сам забор немного покосился.

— Хватит землю целовать, Колумб хренов, — это были первые слова, которыми меня встретили на Земле, но уши мои всё ещё не могли отойти от шума посадки, в них стоял гул, я видел, что соседи что-то говорят, но ни слова из их речи не понимал.

Всё ещё воображая, что они решили-таки попригласовать меня, сейчас поднимут на руки и нач-

нут качать, хватаясь за тёплый борт корабля, я встал на ноги, чтобы не встречать их на коленях.

— Привет, земляне! — сказал я, широко улыбаясь и махая рукой.

Как приятно оказаться в кругу знакомых. Они моих чувств не разделяли.

— Какие, на хрен, земляне? Ты чего, Николаевич, прифигел? А, блин? Ты знаешь, что нам все стекла выбил. Блин. Мы их только вставили, — кричал буровик из соседнего дома. Он был облачен в майку с надписью на груди «Если я суну, то так полетя...» и пузырящиеся на коленях тренировочные штаны.

— Нам чё, больше тратиться не на что, как чтобы стекла вставлять, а? — вторила ему супруга с растрепанными волосами, помятой щекой, на которой виднелись глубокие полосы, оставленные подушкой. На ней был незастегнутый халат, брошенный на ночную рубашку. — Вон Машке новые ботинки купить надо и чё теперь?

— Ты чё молчишь-то? Онемел? Все мозги повышибало? — подключилась к разговору ещё одна соседская семья.

Им всем сопровождали две собаки. К их лаю последовательно подключились все остальные четвероногие обитатели Манчегорска, а заодно и те, кто в этот момент, кроме как на четырех конечностях, стоять не мог. Они подняли такой гам, что город всполошился, и в тех домах, где не зажгли свет во время моего приземления, включили его сейчас.

Какие тут цветы, оркестр да девушки в кокошниках с хлебом и солью? Не побили бы. Вообще-то, с соседями мы не ссоримся по пустякам и стараемся жить дружно.

Я подумывал, как бы мне вырваться из их окружения, сделать бросок к дому, запереться там, как

в крепости, и переждать осаду. Не будут же они митинговать и штурмовать мою цитадель. На работу ведь скоро, пора завтрак готовить и кофе варить, а я, между прочим, сделал доброе дело — всех разбудил вместо будильника. Намекать на то, что всем уже пора по домам, я не стал, опасаясь, что ещё больше разозлю соседей и они меня точно побьют.

Пришла ещё мысль, что если вместо меня здесь приземлится инопланетянин, то, как только он выйдет из своего корабля, чтобы землян поприветствовать, мои соседи и слушать его не станут. Не разобрав, кто перед ними, они ударят ему скалкой по голове, повалят на землю и начнут колотить ногами, выясняя, оплатит он счёт от стекольной компании или нет. Инопланетянин ведь ни слова не поймёт и ответить не сможет, а такой первый контакт будет чреват серьезными осложнениями, вплоть до межгалактической войны, которая оставит от Земли лишь выжженную пустыню. Я-то все проблемы улажу.

— Оплачу. Оплачу, — отмахивался я, вновь опустившись на колени.

То ли эта поза, то ли моя последняя фраза успокоили соседей. Они пошли восвояси, кто кофе себе утренний готовить, а кто прерванные сны досматривать.

Не окажи мне соседи такой теплый приём, то, увидев свой дом с выбитыми стёклами, я вообразил бы, что это сделали хулиганы. Воспользовавшись моим отсутствием, они пробрались в дом и выкрали все ценные вещи. Сердце бы мое из груди выскочило от таких мыслей, а сейчас был на удивление спокоен. Никакие это не хулиганы, ничего они не украли, да и красть-то у меня особо нечего. Сам виноват.

В доме было чуть прохладно. По комнатам гулял ветер. Хорошо ещё, что все случилось летом. Зимой с выбитыми стеклами дом быстро промерзнет, превратит-

ся в ледышку и, прежде чем прогонишь поселившийся в нём холод, отогреть его придется не один час.

Битые стёкла я выметал целый день, вроде всё убрал, но маленькие крупички впивались в подошвы ботинок ещё месяца два. Всё это время приходилось ходить по дому в тапках — иначе можно было получить небольшую травму.

Волосы мои вставали дыбом от счетов, которые несли мне соседи. Оценив мою щедрость, они заказали самые дорогие стекла — полимерные, небьющиеся, заодно сменив и оконные рамы, заявляя, что и они пострадали во время моего взлета и приземления. Хотели ещё всучить мне счёт за лечение престарелой тещи буровика, то есть мамы его жены. Якобы у неё из-за меня случилось сердечное расстройство. Но в больницу она слегла за два дня до моего полёта, так что я причиной её заболевания стать никак не мог.

Трава во дворе выгорела. Пришлось сажать новый газон.

Помимо этого были — покраска закоптившихся стен, восстановление помятых крыш и упавших заборов. Соседи не утруждали себя поисками экономных предложений и транжирили мои деньги направо и налево. Я стал причиной короткого расцвета деятельности ремонтных фирм города. Вспору им было даже открывать свои филиалы возле моего дома.

Попробуй я заикнуться соседям о своей неплатёжеспособности. Они ведь меня тогда проклянут, затаскают по судам, всё равно выиграют все процессы, благо, свидетелем моего триумфального возвращения на Землю был чуть ли не весь Манчегорск, и добьются, что судебные приставы наложат арест на всё мое движимое и недвижимое имущество, в том числе и на корабль. Только продав его,

я и мог погасить все счета. Беспроцентную рассрочку они не предусматривали. Чтобы не накопились проценты, мне надо было погасить счета как можно быстрее.

Я связался с фирмой, продавшей мне корабль, и сообщил тамошнему менеджеру, что хочу его вернуть. Но всучить корабль за те же деньги не вышло. Мне, вернее моим наследникам, не вернули бы их в полном объёме, даже взорвись корабль во время полета из-за каких-то неполадок и разметай мои останки по космосу. На проявление человеческих чувств у менеджера я и не надеялся, поэтому не стал ему объяснять, в какой ситуации оказался, а то узнай он об этом, обобрал бы меня до нитки. Но, похоже, он обо всем знал.

— Если хотите получить деньги уже сегодня, то мы его готовы выставить на торги...

Сумма, названная им, была на треть меньше той, которую пришлось выложить мне всего несколько дней назад. На все мои протесты менеджер спокойно объяснял мне про амортизацию корабля и про то, какой процент берёт фирма за посредничество при продаже.

— Мы рискуем, мы переведём деньги на ваш счет сразу же после подписания контракта о продаже, а ведь неизвестно — сколько мы его продавать будем.

— Да за день он улетит.

— Вы можете сами заняться его продажей, — посоветовал мне менеджер. Этот аргумент меня окончательно добил.

— Я согласен.

Забирать корабль приехал уже знакомый мне сопровождающий. Не буду вдаваться в подробности, как я свел его с полковником Прилипало и тот выделил для перевозки корабля от моего дома до желез-

нодорожной станции тягач, кран и всё тех же двух сержантов. Меня не интересовало — развели ли они сопровождающего, помимо заранее оговоренной оплаты своих услуг, ещё и на ужин в ресторане со стриптизом. Не стал я его предупреждать об их ненасытных желаниях. Пусть для него это станет «приятной» неожиданностью.

Для меня космическая эпопея закончилась. Чтоб меня хоть как-то утешить, соседи звали меня в гости на шашлыки и говорили, что мне повезло; голову не сломал и то хорошо. После оплаты счетов денег у меня осталось ещё на покупку поддержанного китайского внедорожника, сделанного по японской лицензии. На нём я и теперь, спустя два года после покупки, разъезжаю по окрестностям и даже совершаю марш-броски в соседние населенные пункты. Он гораздо дешевле «Ламборджини» и функциональнее.

Но мой скоротечный полет имел ощутимые последствия в масштабе всей страны и даже планеты. Манчегорск ТВ сделало о нём большой сюжет, используя съёмки с видеорегистраторов, камер наблюдения и гаджетов пассажиров самолета. Соседи прославились, давая интервью, а вот к телевизионщикам не вышел, как они меня ни упрашивали, и во двор их не пустил. Мой дом и корабль, пока он ещё находился во дворе, они снимали из-за забора или с крыш соседских домов.

Готовя сюжет, репортеры преследовали меня повсюду, и стоило мне отправиться за покупками в супермаркет, как за мной мчалась съемочная группа, будто я труднодоступная звезда эстрады.

Депутаты областной думы решили, что давно настала пора упорядочить частные космические полеты, и вышли с этой инициативой на федеральный уровень. Инициативу дружно поддержа-

ло большинство законодателей Госдумы и поставило этот вопрос уже перед своими европейскими коллегами.

Результатом стало введение прав на право управления космическим кораблем. Чтобы получить их, надо собрать кучу справок, пройти практические занятия, сдать правила вождения, а помимо этого ещё и разбираться в устройстве корабля на тот случай, если придётся устранять какую-то неполадку. Поскольку этот вопрос был уже из области высоких технологий, на мой взгляд, надо всем, кто в нём разберётся, помимо прав, давать ещё и научную степень.

Я не представлял — во сколько обойдутся права, если просто их купить, а не следовать всем правилам. Даже у Вальштейна не хватило на них средств. Однако космическими кораблем он всё ж обзавёлся, выписав вместе с ним ещё и опытного пилота, у которого были все необходимые для полётов документы.

Космический корабль, как и неисправная «Ламборджини», услаждает взор Вальштейна. Он не летает на нём. Уж слишком дорого обошлось ему это украшение.

Если он только посмеет прислать ко мне кого-то из своих слуг, требуя частичного возмещения затрат, — ведь именно я стал причиной многих осложнений, — я вытолкаю его взащей, с настоятельным советом более ко мне с подобным не приходите...

Сам-то я не скоро решусь покупать космический корабль.

Во-первых, денег нет, а во-вторых, мне вполне хватает китайского внедорожника. Да. Дорого мне обошелся кусок лунной скалы и щепотка пыли. Я держу их в серванте, но давно уже не смотрю на них и подумываю выбросить... **УС**

ф.СП-1

АБОНЕМЕНТ										73413				
на журнал										(индекс издания)				
Уральский следопыт. uralstalker.com														
на 20__ г. по месяцам										Кол-во компл.				
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12			
Куда														
Кому														
(фамилия, инициалы)														
Доставочная карточка														
ПВ	место	литер	на журнал										73413	
										(Индекс издания)				
Уральский следопыт. uralstalker.com														
Стои- мость		подписки	___руб. ___коп.					Кол-во компл.						
		перед- ресовки	___руб. ___коп.											
на 20__ г. по месяцам														
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12			
Куда														
Кому														
(фамилия, инициалы)														

Подпишись на журнал!

Аккуратно вырежь доставочную карточку. Заполни графу АДРЕС и приди в почтовое отделение. По каталогу Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» проводятся подписные кампании по России во всех отделениях ФГУП «Почта России» и в странах СНГ и Балтии, всего в более 40 000 отделений почтовой связи ФГУП «Почта России» и альтернативных предприятий.

Журнал будут приносить ежемесячно домой, в офис или в почтовое отделение «до востребования».

Наш индекс в каталоге Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» **73413.**